

# ***Александр Торин***

## **Экстрасенс**

Copyright © 1997 Alexander Taratorin. All rights reserved.



Любое изменение этого текста, а также воспроизведение его в коммерческих целях может осуществляться только с согласия автора.

E-mail: [amtar@pacbell.net](mailto:amtar@pacbell.net)

## Содержание:

ОТ АВТОРА.....	3
ГЛАВА 1. КОТ. ....	4
ГЛАВА 2. РОКОВОЙ ЗВОНОК. ....	7
ГЛАВА 3. УДИВИТЕЛЬНОЕ РЯДОМ.....	13
ГЛАВА 4. ТАРАКАН. ....	17
ГЛАВА 5. ОЧЕРЕДЬ. ....	21
ГЛАВА 6. ВЕДЬМА. ....	25
ГЛАВА 7. КРАСНЫЙ ЗАКАТ.....	28
ГЛАВА 8. ЭКСКУРСИИ. ....	32
ГЛАВА 9. БРОНЯ КРЕПКА. ....	35
ГЛАВА 10. ВЕЧЕРНЯЯ МОСКВА. ....	38
ГЛАВА 11. КНОПКА. ....	42
ГЛАВА 12. В СТЕПИ. ....	46
ГЛАВА 13. КАТАСТРОФА. ....	50
ГЛАВА 14. ХИМИЯ ЖИЗНИ.....	53
ГЛАВА 15. РАЗБРОД.....	57
ЭПИЛОГ....	60

*Все действующие лица и события, описанные в этом произведении - вымышлены. Автор не несет ответственности за какое-либо сходство событий и персонажей этой повести с реальными событиями и персонажами, за исключением кота и Генеральных секретарей ЦК КПСС.*

А.Т.

## **От Автора**

Предлагаемые вниманию читателя записки совершенно не соответствуют действительности. Во первых, так называемого кота никогда не существовало, а если бы он и существовал, никто бы не смог прочесть его мысли. Во-вторых, никто не умерщвлял лидеров государства, засунув их в таинственные камеры. В-третьих, никто никогда не вызывал ученых для исследования таинственных женщин и мужчин, излечивающих обреченных стариков от неизбежного конца, – они сами ездили их исследовать, руководствуясь жаждой познания природы. Ну это, правда, не совсем точно, вызывали, создавали, звонили, выделяли средства в иностранной валюте, давали помещения... Да что там говорить, институт был, и директор был, и Алик, и лаборатория была, и баба, ставящая ожоги и двигавшая стаканы, и дама с удлинненными пальцами на руках, лечившая Генеральных секретарей была, и таракан был. И советники из ЦК КПСС были, и загорелый американец, и военные, строившие огромные камеры, да и многое еще... Все смешалось в истории, запуталось, и пойдя сейчас разберись, что там в действительности было, а чего не было... Кто знает, а может быть это все и к лучшему... Все покрылось дымкой столетий, за которой только ближайшее прошлое колышется и еще худо-бедно видно, а события более удаленные приобретают все более фантастические черты, как страшный сон, навеянный тяжелым похмельем. Но великий город еще стоит на холмах, и с Воробьевых гор открывается такой прекрасный вид... Словом, судите сами и решайте, что из всего описанного действительно было, а чего, быть может, никогда не происходило...

А было вот что...

Всякие там политологи, социологи, экономисты и прочая шушера еще долго будут спорить, с пеной у рта доказывать, что конец социализма был вызван нефтяным кризисом, войной в Афганистане, или вконец подорвавшейся на Олимпиаде 80-го года в Москве социалистической экономикой. Они будут писать статьи и книжки, утверждая с умным видом, что всему виной была историческая, давно назревшая и готовая прорваться зеленым гноем сквозь набрякшую тоненькую оболочку, необходимость. Они будут гадать о том, как и почему именно Горбачев пришел к власти, хотел ли он коренных преобразований или попросту не смог удержать штурвал вышедшего из-под повиновения огромного разваливающегося государства, которое как паровой каток покатило по склону, давя и увлекая за собой незадачливого водителя и пассажиров. Когда я слышу всю эту ерунду, я просто усмехаюсь в усы и на мгновение прикрываю глаза. Я-то знаю, что все началось тогда, зимним вечером, когда на улице мела метель. Все случилось из-за огромного черного таракана, так не вовремя выползшего из своей щели в подвале старого здания Московского университета. Жалко его, беднягу, дамочка эта вскоре его раздавила и даже того не заметила. Но это все уже в прошлом. Устал я, ужасно устал. И даже весенние краски, подтаивающие сугробы, жирные голуби и пробегающие окрестные кошки перестали меня радовать. И с чего они сволочи только жиреют, эти глупые птицы? Мне бы покоя, чтобы тикали часы на стене, клубился табачный дым и горела под зеленым абажуром старая лампа. Ведь было все это, было... Ну, да видно не вернуть мне уже этого на своем веку, дует на улице противный промозглый ветер, облетают жухлые осенние листья и кто еще знает, чем это все закончится, да и закончится ли... И зачем только все это началось. И кто их об этом просил, что им не сиделось?

## **Глава 1. Кот.**

И зачем только все это началось? И кто их об этом просил, что им не сиделось? Какая жизнь была, спокойная, размеренная. День изо дня тикали часы на стене. Как сейчас помню, светит зеленоватым лучиком настольная лампа, пахнет старой кожей, отблескивают золотом переплеты старых книг. Я украшение дома, как египетский сфинкс, загадочный и непонятный, лежу на диване, хозяин перебирает бумаги на столе, что-то черкает ручкой. Время неторопливым, вязким потоком течет мимо меня, медленно сползая в вечность, как густая сметана со стенки эмалированного прохладного алюминиевого бидона... Если бы не этот Белка... И имя-то у него несуразное, женское, и весь он какой-то нескладный. Ох, не люблю я этих собачьих слюнявых штучек. Уж как бросится к хозяину, как начнет лизаться, язык мокрый, отвратительный. А эти глупые, нелепые движения куцым хвостом? Уж я понимаю, хвост бы был как у меня, пушистый, серый, шерстинка к шерстинке, а то посмотреть не на что. Одно недоразумение, как у крысы, куцый, такой хвост бы в детстве обрубить. И чего его дармоеда терпят, гнать бы его в шею. И шум от него и запах отвратительный, и убыток. Вот недавно ножки у стульев пообкусал, одно наказание... Так, кажется хозяин идет... – Наташа, – входная дверь громко хлопнула. – Добрый вечер, все в порядке? – Как всегда, что у нас может произойти? – Ну как мне знать? Революция. Переворот. Крах общей системы капитализма. Кто его знает... – Опять ты за свое... Ужинать будешь? – Конечно буду, голодный как зверь. Белка, Белка, хороший мой, иди сюда. И опять та же дурацкая история, этот недоумок бросился ему навстречу, по-идиотски взвизгивая, мутная слюна брызгает с отвратительного розового языка, а Александр Константинович, словно не замечая фальши, треплет его по шерсти, тискает и ласково с ним разговаривает... Нет, жизнь решительно несправедлива, ведь он поужинает, а затем придет меня с кресла сгонять... Опять придется сохранять спокойствие. Я ведь тоже бы мог мурлыча ползти по полу, подлизываться, эх не ценят люди самообладание и породу. Вот какой ведь вопрос, если меня опять по обыкновению возьмут за шкирку и грубо сбросят на паркетный пол, может быть возмутиться? Зашипеть, поцарапаться? Да нет, какой смысл ронять свое достоинство, просто в глазах у меня появится надменное выражение, те, кто захотят смогут его оценить. А ведь я бы вполне оцарапать мог. Вообще, жизнь несправедлива. Вот взять меня, как Александр Константинович не видит, что я животное благородное, у меня порода чувствуется. И веду я себя с достоинством, еще чего, хотя бы раз разве бросился я навстречу ему, когда он приходит домой, снимая мокрое пальто, от которого по сумрачному коридору распространяется запах шерсти и начинающего таять снега? Ничего подобного, только открою глаза, да разве раз-другой из уважения независимо пройду по коридору, ну потрусь об ноги, неизвестно еще кто кому больше нужен.

– Ты за лекарствами маме зашел? – Зашел, Зашел. Попробуй у нас без блата какие-нибудь лекарства найти. Аптека пустая абсолютно, не знаю что и делать. – Ну ладно, иди ужинать. – Спасибо, дорогая, что бы я без тебя делал? – Пропал бы... Такой как ты пропадет, пожалуй.. – С Белкой гуляли? – У меня нету других дел, только как с этим дармоедом гулять... Семью прокормить нечем, еще и с этой псиной возись... – Собака – друг человека, дорогая... – Тоже мне, Белка... Это не белка, а Белк, да и вообще не Белк, а полярный медведь, научившийся взбираться на деревья... Мой руки и иди ужинать.

Насчет этого подлюги это она правильно... Но могла бы и меня упомянуть, в пример поставить. Мол, с Белкой гуляешь, а кота забросил, с кресла за шкирку сбрасываешь почем зря...

Эх, не тех я хозяев выбрал, вот на втором этаже ответственный работник аппарата, за ним по утрам черная «Волга» приезжает. Правда и у нас неплохо, кресло у хозяина еще от дедушки его досталось, кожа черная, потрескавшаяся, но мягкая. Да, зря я жалуюсь. Что у этого работника аппарата на втором этаже? Скучотища, у жены морда такая, что хочется на улицу убежать и в мусоре рыться, отыскивая объедки. А здесь лафа, как хозяин на работу уйдет, в комнате полумрак, только часы тикают, гардины задернуты, на улице голоса отдаленные, машины ездят, если занавески не до конца задвинуты, тусклый свет с улицы прорывается, вначале он падает на стол, потом на полки, потом на старый диван, над

которым висит картина «Запорожцы пишут ответ турецкому султану»... Стол правда мог бы и разобрать, все черкает бумажки, в стопку кладет. Это еще ничего, когда от руки черкает, а как вечерами приходит, лампу зажжет и начинает на пишущей машинке стучать, вот тут так светопредставление, хоть на черный ход беги. Ну пишущую машинку потерпеть могу. Вот если бы он свои дурацкие сигареты не курил, а то начнет дымить, и дым-то плебейский. Вот в гости к нему как-то какой-то странный тип приходил в костюмчике таком хорошем, говорил еще как-то с акцентом, вот у него сигареты были... Бальзам. Да, что ни говори, марка есть марка.

А он с этой бессмысленной шавкой вечерами гулять по улицам ходит. Я представляю себе, чем они занимаются... Мокрый снег падает, подсвеченный желтыми фонарями, в высоких окнах светятся лампы, гулкий подъезд выложен кафельными черными плитками, опускающийся старый лифт с чугунной решеткой гроыхает, и гулкое эхо резонирует под сводами старого дома... Редкими фарами светятся проезжающие машины, и кажется что мир застыл, и только на этой улице в центре старой Москвы еще существует жизнь и любовь. Я уже молчу про густую сметану, которой в магазинах становится все меньше и меньше, а этот собачий недоумок на фонари мочится. Нашел себе занятие... Никакой поэзии. И как это культурные люди могут быть так слепы?

– Опять ты мерзавец в моем кресле разлегся? А ну-ка пошел вон...Кстати, как это не смешно, сегодня продовольственные заказы разыгрывали и мне опять ничего не досталось... – Что-то тебе в последнее время не везет.. – Да пошли они все к черту, противно..

Вот так всегда... Смахнул как ненужную пылинку. Ну и ладно, сами такие... Как бы лицо сохранить? А я чиститься буду, вылизываться. Как будто ничего такого не произошло... Противно ему. А я без свежей рыбы останусь. У меня диета, стоит им мне какую-нибудь дрянь из универсама скормить, как я два дня желудком мучаюсь.

– Да, я тебе говорил, что мы недавно поставили очень красивый эксперимент? Этот Саша очень толковый мальчик, на ходу генерирует идеи. Несколько дней назад он притащил приборы, и измерения дали удивительный результат. – И что, от этого мир перевернется? – Эх ты, скептическая женщина. Нет, мир конечно не перевернется, но если мы правы, можно будет создать сверхчувствительные датчики. Ты представляешь, как за это схватятся всякие почтовые ящики и военные? Представь себе ракету, обнаруживающую крохотный источник излучения на расстоянии десятков тысяч километров... – Ты бы лучше свою диссертацию закончил. Или хотя бы продовольственный заказ выиграл, я сегодня пыталась купить продуктов, в магазине хоть шаром покати...

Нет, мир определенно держится на женщинах... Эффект он обнаружил. А на то, что домашние животные впроголодь содержатся ему наплевать. Лучше бы придумал, как из картофельных очисток свежую рыбу производить. Я свежей рыбы уже полгода во рту не держал, в магазинах какой-то хек мороженный, вонь от него такая, что ни один уважающий себя кот эту дрянь в рот не возьмет. Что толку с ихних ракет и излучений? В прежние времена в домах хотя бы мыши водились, а как развели науку с их удобрениями и химикатами, мыши выродились и продуктов не стало. Как-то это связано, неспроста это все. Нечего насиловать природу, были мыши в домах, была и рыба в магазинах. Да что рыба, сливки, сметана, диетические яйца? А мясо какое они в последнее время покупают? Отстоит она очередь, дадут ей кусок с костями, черный весь, этой сволочи с куцым хвостом хорошо, он кости грызть любит, ошибка природы. Лизоблюд. И молоко у них порошковое...

– Ну ладно, ладно. Давай-ка ужинать. Кстати, в туалете бачок сломался. – Ох, только этого не хватало... Я так хотел поработать сегодня. – Хватит работать, сколько можно? Послушай, я не могу тащить на себе весь дом, я тоже не железная. – Ну хорошо, хорошо, только не надо ссориться. Починю я сортир, не кипятись.

Работать ему... С кресла меня согнал, только бы курить свои вонючие сигареты и стучать на машинке. И чего он там пишет, значки какие-то, закорючки. Нет, все-таки бытие основа сознания. По учебной программе недавно передавали. Для школьников, кстати, а вот взрослый человек, а такой элементарной вещи понять не может... Когда у тебя в желудке свежая осетрина, и сортир починен, можно и бумагу марать. А когда сортир протекает, и в желудке пусто...

– Тима, Тима, ужинать.

Это меня... Наконец-то. И куда только сон подевался? Лапы как-будто энергией налились... Молочные берега, сливки, а на Западе в магазинах, говорят, целые стойки специальной пищи для кошек, консервы, печенье ароматизированное. Неужели так никогда всего этого не попробую? А есть-то хочется, товарищи. Еще как хочется... Снилось мне сегодня днем в хозяйском кресле, что голубя поймал. Жирный такой, теплый. Ах, молоко, белое, с привкусом порошка, но все равно вкусное ... Ничего, мы еще поживем. Мурр ...

– Жри, Жри зверюга. Твои дальние родственники в Африке сейчас задирают зебр и антилоп, а ты, вырожденец, лакаешь молоко из литрового пакета.

Мы еще посмотрим, кто тут вырожденец. Главное - не показывать вида и сохранять собственное достоинство. Попробуй без меня прожить хотя бы пару дней, посмотрим, как тебе будет работаться без меня, свернувшегося в клубок в углу и поджавшего хвост себе под лапы. Будешь ты печатать свои бездарные, никому не нужные страницы на пишущей машинке, согласишься в пустой угол, и замучают тебя угрызения совести. Меня не проведешь...

Ну ладно, доставлю тебе приятное. Полежу в темном углу, в зеленоватых тенях лампы с абажуром, вдыхая запах старых пыльных книг, кожи, под светящейся в таинственном полумраке картины, запорожскими казаками с чубами, фотографией старика в просторной майке, с курчавой шевелюрой и с ироничными глазами. И закорючки какие-то по бокам нарисованы. Бессмыслица конечно, вроде абстрактной живописи. То ли дело старые мастера, особенно фламандские, которые рисовали натюрморты. Там все понятно, птица это птица, рябчики или фазаны, рыба такая свежая, жирная, хоть сейчас ее ешь.

Ну вот, все на своих местах. Зеленоватый лучик от лампы слегка подергивается, висят клубы сизого табачного дыма, стучит пишущая машинка, и ложатся на стол листы бумаги. А все-таки жизнь не так плоха. Скоро снег кончится, и наступит весна. А пока на улице холодно и идет снег, я буду каждый вечер лежать в углу и, закрывая глаза, погружаться в мечты. Вот если бы только не этот куцехвостый дурак, который бегаёт по комнате и стучит своими когтями по паркету. Он даже не понимает, что когти можно прекрасно втягивать и ступать неслышно, не раздражая хозяев и не портя домашнее имущество. И как этого беспородного идиота только терпят... Но меня это не касается, я выше этих мелочных счетов. Я украшение дома, как египетский сфинкс, загадочный и таинственный, приносящий удачу. Я счастлив.

## **Глава 2. Роковой звонок.**

Черная волга с визгом затормозила у подъезда. – Приехали, Сергей Васильевич, – раскормленный шофер Коля с обрюзгим, красноватым лицом сопя откинулся на сером матерчатом сиденье и с яростным наслаждением почесал себе грудь. – Хватит уж Вам разъезжать, Сергей Васильевич, пора и домашними делами заняться. Тут без вас все как потерянные ходят. – Да ладно тебе Коля, ты уж скажешь... – А что, Сергей Васильевич, я разве неправду говорю? – обиженно загундосил Коля. – Вот позавчера совещание в дирекции было, так Георгий Иванович совершенно ничего без Вас решить не мог. «Подождем Сергея Васильевича», говорит, – «вопрос уж больно ответственный». И в профкоме путевки распределять пора. Леночка -то, Леночка, уж та совсем без вас высохла, лица на ней нет. Пожалели бы бабу, ей-богу, смотреть на нее жалко, как вас дожидается. – Да, классная девка. – Хороша, хороша, – Коля причмокнул языком и засопел. – Вот Галя, к которой я Вас в Чертаново возил, в той с первого взгляда какая-то стервозность чувствовалась. Она ведь, Сергей Васильевич, как глазом своим зеленым стрельнет, так сразу чувствуется, что стерва. Вы помните, я как ее увидел, сразу Вам сказал, Сергей Васильевич, вы с ней хлопот не оберетесь. И что? Прав был Коля, смотрите чего вышло. И про Таню я Вам сразу сказал: «Сергей Васильевич, не связывайтесь, она из Вас всю душу вытянет». – Да, Да, Коля, ты знаток женщин. – А что, у меня их до хрена было. Вы, Сергей Васильевич, тоже прислушивайтесь к простому рабочему человеку, я этих баб насквозь вижу. Достаточно взглянуть, как понятно, эта блядища, а это баба хорошая, добрая, как изнутри светится. – Ты Коля, экстрасенс. – При этих словах Сергей Васильевич почему-то испуганно вздрогнул и огляделся по сторонам. – Ну езжай на базу да домой, ты мне сегодня больше не нужен. – Да что это Вы, Сергей Васильевич, не по-людски как-то, с самолета, с портфельчиком, да и в кабинет. Вам бы сейчас в баньку, с девкой, попариться, водки выпить, расслабиться. – Ладно, ладно Коля, езжай. – Ну как скажете. Я же Вам добра желаю.

Сергей Васильевич взял дипломат, набитый бумагами, и быстрыми, решительными шагами зашел в вестибюль Института. У проходной стоял вахтер с широким как блин, слегка опухшим лицом, в коротеньком, расползающемся на пузе пиджаке и с револьвером, висящим на поясе в старой кожаной потертой кобуре. – С приездом, Сергей Васильевич, – он подобострастно расплылся в улыбке и оскалился. – Привет, Петя. Все нормально? – Да, все в порядке. Заждались вас, хорошо съездили? – Да, все нормально. – Директор бегом поднялся на второй этаж, пробежал мимо стендов с передовиками производства, плакатов, наглядно демонстрирующих мощь советской науки, запускающей в космос спутники и производящей уникальные измерения в масштабах солнечной системы, и распахнул дверь в кабинет дирекции.

За широким столом сидела Нина Николаевна, бессменная секретарша, доставшаяся от прошлого директора, желчная, увядающая женщина со сволочным характером, которую в Институте ненавидели. Она увлеченно болтала по телефону, но увидев появившегося директора, судорожным движением бросила трубку и лицо ее приобрело радостное выражение. – Сергей Васильевич, заждались-то как... – Все в порядке, Ниночка? – Да, как у Вас-то поездочка, отдохнули? А здесь Вас ждут, с заказами, комиссия по приему хоздоговоров, путевки... – она извлекла из ящика стола толстую папку с бумагами. – Потом, потом, Ниночка, и никого ко мне не пускайте, я занят, я очень занят. Только если будут звонить из Кремля или из Президиума, соединяйте. Поняли? – Да, – Нина Николаевна побледнела, – а что случилось? Какие-нибудь неприятности? – Нет, нет, просто мне нужно поработать, срочные дела. – Ну я Леночке позвоню, сообщу, что Вы вернулись, – глаза секретарши ехидно блеснули. – Я же сказал, никого не пускать, с Леной я сам потом поговорю. Вы поняли?

Сергей Васильевич проскользнул в высокую, до потолка дверь своего кабинета и плотно закрыл ее. Из окна был виден заснеженный двор старого Московского университета, на голых деревьях лежали шапки сизого снега. Из-за крыши соседнего здания торчал шпиль Спасской башни с рубиновой Кремлевской звездой. В кабинете было тихо, слегка пахло пылью, и в полумраке поблескивали стекла книжного шкафа, неподвижно висели многочисленные

почетные грамоты с золочеными профилями Ленина, и дипломы с красными флагами, угрожающе переплетенными, будто готовящимися для удара по гидре мирового империализма молотами и серпами.

Директор снял пальто, и с опаской, оглянувшись через плечо, отодвинул рукав пиджака. Руки его слегка дрожали. Под рубашкой фиолетовым пятном багровела язва, оставшаяся от того рокового ожога. В середине образовалась корочка из спекшейся крови, кожа по бокам была грубой и начинала шелушиться. Сергей Васильевич зажмурил глаза, потряс головой и прикоснулся пальцем к язвочке. Стало больно.

– ... Твою мать, – он крепко выругался. – Значит, это все был не сон. – Директор открыл портфель, достал из них толстые пачки бумаг с грифами «Для Служебного пользования. Совершенно Секретно», но смотреть их не стал, а только сел в свое кресло и обхватил голову руками. ... Все шло хорошо до этого проклятого звонка..

Но началось все еще раньше, о чем Сергей Васильевич не подозревал, и даже понятия никакого не имел. Появилась в Москве дама со жгучими глазами. Само по себе появление ее может быть и не произвело бы никаких последствий, но эпоха на улице стояла уж очень для всего такого благоприятная. Словом, бывает в жизни так, когда одно обстоятельство накладывается на другое, и тянут они друг друга, разворачиваются события, странные совпадения, связи, и получается из этого всего что-то абсолютно неожиданное, и никем, находящимся в здравом рассудке и трезвом состоянии таинственной материи, называемой умом, совершенно непредсказуемое.

Необычная была дама, прямо скажем. Мистического свойства, не без способностей. Начала она свою карьеру массажисткой где-то в Тбилиси, уж очень руки у нее были чувствительные. Настолько чувствительные, что приводили они в трепет различных начальников, уставших от своих располневших жен, наряженных в пестрые как у попугаев одежды, щебечущих всякие глупости, сидящих как наседки в своих двух и трехкомнатных квартирах. Да что мужчин, главного бухгалтера, директора базы по снабжению высоких органов, ответственного работника министерства, заместителя секретаря, самого секретаря... Уж как он стонал, как мучался, но после двух или трех сеансов воспрял, появился румянец на щеках, исчезла зеленоватая одутловатость, а уж блеск, блеск в глазах... Тут она и обнаружила, что массаж, то бишь физическое прикосновение ее рук к коже пациента вовсе и не обязательно, стоит ей появиться в комнате, произвести несколько пассивных движений своими тонкими руками с удлиненными ногтями, и состояние ее пациента резко и необратимо улучшалось. Проходило два, от силы три дня, и подопечный заряжался какой-то космической энергией, начинал пить домашнее красное вино, курить, щеки его краснели, в просторных кабинетах появлялись женщины, и в жизни его начинался новый этап.

Но это все было упражнением, так сказать тренировкой набирающих силу мышц. И появилась дама в Москве, с внушительной рекомендацией от ответственного секретаря к помощнику другого секретаря, но союзного значения. Трудно было, но таинственная история повторилась. Ожил второй секретарь, просто-таки ожил, и вместо умирающего на глазах, чахлого с впалой грудью увядающего сизоватого мужичка превратился в краснолицего кутилу. Уж какой скандал произошел, когда жена его, втайне надеявшаяся от супруга вскорости естественным образом избавиться, придя в государственную квартиру в центре Москвы в кирпичном доме с паркетными полами, застучала своего любимого муженька с молоденькой златокудрой курьершей. Да, в неглиже, да еще в неприличной позе распростертой на семейном раскладном японском диване. Курьерша эта, как это ни грустно, в тот же день закончила свою стремительную карьеру и отправившись работать сортировщицей куда-то в отдел государственной почты... Что не говори, коварны некоторые ответственные работники, но слухи о таинственном оздоровлении по аппарату распространились, и героиню нашу начали упорно приглашать все в более и более высокие сферы. В каких только домах она не пребывала... Нет, денег за свои услуги она не брала, они и тогда уже были не в моде. Каждый из ее посетителей просто устраивал что-то, кто новых клиентов, кто пропуск в распределитель продуктов... Артисты, художники, секретари, первые и вторые, Заместитель председателя Моссовета, – он, кстати, ордер на квартиру вне очереди подписал. Председатель Моссовета... Этот сволочьё оказался. Председатель комитета по строительству, заместитель председателя Госплана, сам председатель... Последний, совсем уже старичок, такой сухонький, после сеансов настолько расцвел, что являясь членом ЦК партии, ввел даму в высший круг. И тут пошло-поехало, в самом ЦК мужички были плюгавенькие, все зеленые,

как полусгнившие мухоморы, и началось... Розовели они один за другим, читали речи, встречались с ветеранами партии и, зажмурив глаза, вспоминали ее, таинственную с огромными черными глазами и с маленькими, невидимыми, игривыми, волнистыми молниями, исходившими из ее рук. И вот тут-то все и началось. Один рекомендовал другому, другой третьему. Потерялись в памяти гулкие подъезды с кафельной плиткой и охранниками, вычищенные до блеска лифты с цветами, стоявшими на столиках, пахнущие химией огромные холлы, занавески на стенах, мягкие ковры и непременно изможденный, плюгавенький старичок, стонущий при ее появлении...

Через пару месяцев она была представлена самому Генеральному Секретарю ЦК, находившемуся к этому времени в маразме средней степени, и с трудом читающему написанные для него на бумажке речи. Генеральный Секретарь, казалось, уже не вполне понимал, кто эта странная посетительница, зачем она пришла и что собирается с ним делать, но, привыкнув повиноваться врачам, покорно разделся до пояса и лег на кровать, что-то при этом глупо про себя бормоча. Его пиджак с золотыми звездами героя Советского Союза и с бесчисленными орденскими планками был аккуратно повешен на стул, и жена его с интересом присела в уголке. Огромный серый многоквартирный дом на Кутузовском проспекте словно весь замер. Мистическая дама волновалась, но собралась с мыслями, и вскоре из рук ее полетели невидимые электрические молнии, окутывавшие спину и грудь руководителя умирающего Советского государства.

По словам охранника, присутствовавшего в комнате, он такого не видел уже в течение десяти с лишним лет. Генеральный секретарь словно преобразился, его густые брови приобрели особую пушистость, в глазах появилось странное и непривычно осмысленное выражение. Он, словно заряженный космической энергией, присел на кровати, пожал даме руку и неожиданно связно и разборчиво, насколько мог, произнес:

– Спасибо Вам, товарищ, вы вдохнули в меня жизнь. Вот вы, – он обращался к побледневшим врачам в белых халатах, испуганно наблюдавшим за ходом сеанса, – все таблетками меня пичкали, пить коньяк запрещали. А приехала простая женщина из глубинки и за двадцать минут возвратила меня к жизни. Стыдно должно быть, товарищи...

При этом неожиданно связном монологе, говорят, присутствовал тогдашний министр Здравоохранения, с которым случилась сердечная слабость, и его откачивали нашатырем.

– Я думаю, сеансы эти мы продолжим, – продолжал монолог неожиданно оживший Генеральный Секретарь. – Это безусловно на пользу делу социализма, мира, разоружения и всеобщей безопасности. Хорошо бы и других товарищей из ЦК поставить на ноги, придать так-сказать жизни. Здорово это у Вас получается. – И тут руководитель страны произнес роковую фразу, – Надо подключить ученых, Академию Наук, пусть серьезно этот феномен исследуют, разберутся. Советское общество должно быть обществом здоровых людей. – При этих словах Генеральный Секретарь неожиданно бодрым и молодым движением встал с постели, обмотал голую грудь полотенцем, пожал экзотической даме руку и удалился.

Все бы было не так страшно, если бы на следующий день он не произнес без запинки речь на съезде ветеранов партии, ни разу не запнувшись, и сделав только одну досадную ошибку, причем выглядя особенно молодо и свежо. Би-Би-Си и Голос Америки по этому поводу сразу же передали комментарии о том, что слухи о болезнях Генерального Секретаря ЦК КПСС явно преувеличены, и что советская медицина делает чудеса.

Последующие сеансы, хотя и не дали того удивительного освежающего и омолаживающего результата, что первый, но явным образом улучшили общее состояние как самого Генерального Секретаря, так и его жены. Многочисленные секретари и советники бегали по коридорам, как будто заряженные свежей энергией. Тут-то все и началось. Личный Советник Генсека навел справки, пригласил к себе Президента Академии Наук СССР и в один прекрасный день в кабинете Сергея Васильевича раздался тот звонок...

В тот день что-то у него не ладилось, словно тяжелое предчувствие охватило его душу. Как будто случится что-то ужасное, неопишное, которое положит конец привычной, хотя и противной, жалкой, но стабильной и предсказуемой жизни. С утра было какое-то дурацкое совещание в Президиуме, потом пришло известие, что с таким трудом закупленные многомиллионные немецкие научные установки, бесследно пропавшие по дороге в Институт, наконец-то найдены. В настоящее время установки эти находятся на станции Москва-Сортировочная, где они уже три месяца лежат под снегом, ржавеют, а главное, местные

мальчишки растащили из них все детали. Рыжеволосая, молоденькая Танечка из бухгалтерии уже неделю ходила заплаканная и намекала на то, что у академика будет ребенок. Это было его ошибкой, он уже сколько раз клялся не связываться с неопытными романтическими девицами, но всякий раз терял голову и рассудок, завидев молоденькую, белокожую, благоухающую свежестью представительницу женского пола. Потом приходилось расплачиваться, но слава богу, до сих пор все обходилось сравнительно безвредно для карьеры.

– Сергей Васильевич... – глаза Нины Николаевны были выпучены, как у глубоководной рыбы, вытащенной на поверхность моря, ярко-красная губная помада расплылась у кончика рта, вид она имела совершенно безумный, и лицо ее было наполовину покрасневшим, причем покраснела почему-то только левая сторона, в то время как правая оставалась мертвенно-бледной. – Цэ...– она подавилась, хватая ртом воздух, – Ка... ЦэКа на прово...– фразу закончить она не смогла, и в истерике рухнула на вытертое красное кресло.

Сергей Васильевич вбежал в кабинет, с треском захлопнув высокую входную дверь, и дрожащей рукой взял трубку. Звонок из ЦК мог означать что угодно, от известия о том, что Институту присвоен Орден Ленина до того, что аспирант физтеха Иванов схвачен на Красной Площади, размахивающий плакатом, призывающим отказаться от войны в Афганистане.

– Сергей Васильевич? – В трубке раздался старческий, но довольно энергичный, дрожащий баритоном голос. – Андрей Михайлович, советник Генерального Секретаря по политическим вопросам. – Как дела у Вас в Институте, наслышаны о Ваших достижениях. Наслышаны... – Спасибо, все нормально... – Надо продолжать в том же духе. У нас тут в ЦК возникло мнение, в общем-то это все по поручению самого Генерального Секретаря... – голос Советника приобрел многозначительную баритонную окраску, – тут происходят удивительные вещи с оздоровлением и излечением человеческого организма... В том числе человеческого организма, если так можно выразиться, особой важности... Вы понимаете?

– Да, да, слышал... – До директора и вправду доходили самые что ни на есть нелепые слухи о таинственной даме, вылечившей одного за другим всех членов руководящего состава правительства. Всерьез этого никто не воспринимал, и в слухах, бродивших по коридорам Академии часто упоминалась плачевная история царевича Алексея и Григория Распутина...

– Так вот что мы думаем... Вы же понимаете, это дело не только научной, это дело чрезвычайной политической важности. Можно сказать, судьбы всего прогрессивного человечества... – Советник снова глубокомысленно замолчал. По лбу у Сергея Васильевича еще тек холодный пот, но он уже понимал, что никакой катастрофы пока не случилось. – Через восемь месяцев должен состояться очередной съезд КПСС. Хорошо бы Вам, товарищи ученые, взяться, закатав рукава, за это дело и срочно разобраться в том, каким образом удастся вызвать такие удивительные, необъяснимые нашим современным пониманием медицины эффекты...

– Конечно, Михаил Андреевич, но мне кажется, это дело медиков. Почему наш Институт, мы же занимаемся точными науками, народнохозяйственными задачами, обороной наконец... – Ну, – Советник замялся, – здесь две причины. Во-первых, товарищ Генеральный Секретарь не доверяет врачам. Он так и сказал: « Они пичкали меня всякой гадостью, кололи уколы, а простая женщина из провинции за двадцать минут вернула мне молодость»...Во-вторых, мы здесь навели справки, у Вас работает академик Корубзев, мировая величина, а он уже много лет интересуется подобными проблемами. – Да, я понимаю, – директор перевел дыхание. Старенького академика уже давно никто не принимал всерьез. Бывший изобретатель первого отечественного радиолокатора, тяжело и безнадежно больной, с лысой головой, он появлялся в Институте не чаще раза в неделю. Его увлечение наукой на старости лет приобрело совершенно детский характер, и академик занялся любительскими исследованиями телепатии и всяческими оккультными науками, что воспринимались окружающими как шалости старого, выжившего из ума чудака. Академика, однако, уважали, как личность, внесшую бесценный вклад в дело защиты отечества от вражеских самолетов и ракет.

– Так что воспринимайте это как срочное задание партии. Хотелось бы, Сергей Васильевич, чтобы Вы в недельный срок представили нам в ЦК смету на необходимый штат и оборудование. Не скупитесь, у нас особый фонд, берите лучших людей, со всей страны, мы дадим им прописку и квартиры. И по поводу иностранного оборудования, представьте нам список и все будет немедленно утверждено. Если необходимо будет помещение, обращайтесь

лично ко мне, я прослежу и дам распоряжение в Моссовет. И еще, Вам необходимо срочно выехать с экспертизой в Ленинград. Там появилась женщина, передвигающая предметы на расстоянии, и товарища Генерального Секретаря это чрезвычайно разволновало. Он целый вечер вчера не мог успокоиться и сказал: «Пора советской науке безжалостно вскрыть тайны мироздания»...

– Да, конечно, Михаил Андреевич... – Я Вас сейчас соединю с нашим секретариатом, выезжайте сегодня вечером. Во Внуково будет ждать специальный самолет. Возьмите с собой несколько экспертов, аппаратуру, подойдите к делу серьезно... Поймите, здесь может идти речь о событии, которое можно сравнить с созданием СССР атомной бомбы... Ну, желаю успеха... – Голос Советника снова стал официальным.

Директор оторопело выслушал инструкции слегка развязного молодого человека из секретариата, объяснившего ему, когда и куда за ними приедут машины, и во сколько их отвезут в аэропорт, и оторопело повесил трубку. Им овладели смешанные чувства. Он всегда более чем скептически относился ко всему, выпадавшему из представлений науки, а всю эту ересь, связанную с телепатией, экстрасенсами, тем более с передвижением предметов силой воли считал чепухой, сродни фокусам и шарлатанству. Отказаться от порученной миссии, с другой стороны, было явно невозможно. «Что они, с ума там все походили?» – с раздражением подумал он. Из странной ситуации надо было выкручиваться. – Кого взять с собой? Алика, чудака, институтского друга, бессеребрянника, просиживающего дни и ночи в подвале со своим аспирантом, проводя измерения. Как его зовут? Саша, толковый мальчик, чего-то он там недавно обнаружил, прирожденный экспериментатор... Позор какой-то, ну да ладно, выкрутимся. – Он поднял трубку.

– Алло? – Алик был явно увлечен работой. – Да нет, Саша, вы аккуратнее усиление выставляйте... – Алик? Это Сергей, слушай, тут такое дело. Долго даже объяснять. Вечером улетаем в Ленинград, тут из ЦК звонили. Какая-то дура руками стаканы двигает. Придется разоблачать. – Что за чушь? – Алик был явно обескуражен. – Ты чего, напился что-ли? Слушай, кончай ты с этим делом, мы же старые друзья. Ну я понимаю, ты сейчас академик, директор, ну на хрен это тебе нужно? Брось ты все и спускайся к нам в подвал, мы тут такие потрясающие вещи вытряхнули... – Да не пьяный я, Алик, сколько можно? Говорю тебе, я серьезно, собери что можешь, возьми лазеры свои, датчики, черт его знает, греби все. В восемь вечера придет машина, мы специальным самолетом улетаем в Ленинград. И этого Сашку с собой бери, поможет. – Да Вы чего все обалдели, что-ли? – Алик явно подозревал розыгрыш. – Слушай, Сережа, я тебе как вот как скажу, если ты хочешь поиздеваться, найди кого-нибудь еще, а мне не мешай работать. Я от тебя такого не ожидал. – Мать твою так, – директор начал кричать. – Ты что, идиот, мне не веришь? Мне это все на такой же хер надо как и тебе. Я тебе матерью родной клянусь, что не вру. – Ты чего, серьезно, что-ли? – Алик начал истерически смеяться. – Ну где я только не был, чего только не ожидал, но такого... – Короче, – директор начал раздражаться, – собирай все свои ящики, все что можно. Греби лазеры, усилители, приемники, световоды... В восемь вечера у входа в Институт придет машина, я буду там. Чтобы к этому времени все было готово. Летим вместе. И никому ни слова, понял? Сашу предупреди, здесь дело государственного значения. – Ну хорошо, как скажешь... Но такой глупостью я еще никогда в жизни не занимался.

Вечером все были готовы. Алик, щупленький, подмигивающий глазами и раздраженно время от времени пожимающий плечами и фыркающий, помогал нечесаному аспиранту грузить массивные деревянные ящики в микроавтобус. Аспирант Саша время от времени тербил нос и покусывал ногти, с опаской поглядывая в сторону директора. Сергей Васильевич раздраженно давал последние указания секретарше, с неприступным видом стоящей у входа на мраморную лестницу с выбоинами в ступенях. – Что за хреновина такая, Сергей, ты все же объясни, что происходит? – Алик с недовольным видом поправил на голове старенький берет и уселся на сидение. – Слушай, я и сам толком не знаю. Звонили из Кремля, говорят, надо срочно обследовать какую-то бабу там в Ленинграде, которая двигает руками предметы. – Да что обследовать, неужели не понятно? Надо ниточки искать, здесь фокусник профессиональный нужен... – Послушай, видишь размах какой, специальный самолет выделили, ну потеряем в крайнем случае два дня, посмотрим на чудаков, да и улетим домой. Ничего страшного, а то засиделся ты в своем подвале. – Это ты может быть засиделся в твоей дирекции, а у меня работа стоит. Да мы бы за эти два дня столько всего наковыряли. Только результаты пошли... – Алик, не расстраивайся, не убегут твои результаты, никуда не денутся.

Давай-ка лучше подумаем, что мы реально можем про всю эту чертовщину понять. – Ерунда какая-то, я ничему не поверю до тех пор, пока она на моих глазах что-нибудь не сдвинет силой мысли. Да мало ли что, у нее и магниты могут быть спрятаны, и все что угодно.

Тем временем за окнами автобуса проплыли новостройки Юго-Запада, светящиеся огоньками окон, и за окном стало темно. Автобус подкатил к воротам, которые как по мановению волшебной палочки отворились, и въехал прямо на летное поле, остановившись у серебряного самолета. Откуда ни возьмись появились солдатики в зеленоватых тулупах и серых шапках, в мгновение ока подхватили деревянные ящики с аппаратурой и, словно играючи, занесли их в самолет.

– Здравствуйте, товарищи, – в проходе появился таинственного вида гражданин с одутловатыми мешками под глазами, в добротном шерстяном сером пальто и в каракулевой шапке. – Меня попросили дать Вам подробную инструкцию по Вашей дальнейшей программе. Михаил Андреевич звонил, интересовался и просил меня передать Вам привет и пожелания удачи. Он сам лично позвонить не мог, уехал в Болгарию на совещание руководителей братских коммунистических партий. В самолете Вас покормят, по приезду в Ленинград оборудование разгрузят и отвезут вас в отдельный дом, где вас будет ждать ужин и отдых. Завтра в восемь утра вас накормят завтраком и отвезут на объект. Ни о чем не волнуйтесь, если будут просьбы или пожелания, обращайтесь ко мне.

Алик, да и Сергей Васильевич, не говоря уже об аспиранте, слегка обалдели от такого приема. А когда в проходе самолета появилась румяная, будто бы с пылу с жару бабенка в крахмальном фартуке и с не менее накрахмаленным кокошником, и разнесла запотевшую водку в хрустальном графинчике, горячие пирожки с грибами и ароматно пахнущие горшочки с чем-то шипящим, Алик вдруг кашлянул и, прожевав пирожок, торопливо сказал: «А черт его знает, может быть в этом что-то и есть...».

### **Глава 3. Удивительное рядом.**

На родине революции давно уже перевелись революционные матросы с ленточками в черных брюках клеш, стучавшие своими грубыми ботинками по каменным мостовым. Потерянный, пустой стоял Смольный, неясные духи да тени революционных масс и их руководителей, среди которых изредка мелькал случайный призрак благородной девицы, только того и осталось. Да серая Нева все так же торжественно катила свои воды мимо каменных набережных и мостов. Мрачноватые и помятые граждане великого города сновали по улицам с авоськами в поисках продовольствия, впрочем к этому времени и снова они даже перестали, только последние и самые неумные из них возвращались домой в гроыхающих освещенных тусклым светом трамваях, устало глядя в окно на привычные городские очертания, и думая о таком же как и сегодняшней, сером и скучном завтрашнем дне.

Мимо этих уставших людей катил автобус, забитый ящиками с приборами, в котором сидели слегка захмелевшие представители Академии Наук. Алик пить вообще почти не умел, да и не любил, ему достаточно было рюмки, чтобы лицо его покраснелось. Аспирант Саша, хотя выпить и любил, был настолько выбит из колеи происходящими событиями, что забился на заднее сидение и слегка затравленным взглядом ловил скрывающиеся в темноте очертания города, изредка прислушиваясь к разговору начальников. Директору же выпитая доза была как слону дробинка и, честно говоря, хотелось добавить.

– И вот, – рассказывал он недавно услышанную историю, – лежит он в реанимации, врачи констатировали клиническую смерть, в зрачках реакции никакой... – Речь шла о совершенно скандальном случае, который произошел в Киеве несколько лет назад с крупным ученым, основателем знаменитого Киевского института. – Тут приходит какая-то деревенская бабка, типа тех, которые снадобья изготавливают, и говорит, дайте мне над ним, родименьким, поколдовать, руками поводить. Ну, врачи морщатся, но родные просят, чем черт не шутит, в такой ситуации мозги отказывают. И что ты думаешь? Через десять минут он открывает глаза, приподнимается на кровати и в полном сознании расспрашивает о том, как дела в Институте, разговаривает с родными. И в сознании находился еще почти сутки. Врачи с ума посходили, у него уже рефлексов никаких не осталось.

– Сережа, послушай, ведь ты же ученый с мировым именем, но как такое может быть? – А хрен его знает, может поля какие-то. – Поля? Ну хорошо, какие? Электромагнитные? Радиоволны, что-ли? Погоди, погоди, руки-то у нее теплые, как у всех, может быть инфракрасное излучение, как грелка или горчичник. Электричество, статика например. Кожа у человека сухая, помнишь, как по синтетическому ковру пройдешься, тебя потом дергает. Конечно, электростатика. Может быть у человека есть какие-то особые рецепторы или механизмы чувствительности к слабым полям? Вот птицы прекрасно ориентируются по магнитному полю Земли, и рыбы тоже. Так, дай подумать. Что еще? Химия, может быть выделения какие-то, даже запах. Акустика, инфразвук. А ты знаешь, это мне уже не кажется таким уж бредом. Просто у человека может быть какая-то чувствительная система, о которой медицина не подозревает. Занимаются же китайцы иглоукалыванием, акупунктурой. Подожди, а магнитные поля? Ведь и сердце, и мозг и мышцы, в конце концов, по ним пробегают электрические импульсы. А где электрическое поле, там и магнитное. – Вот, вот Алик, видишь, ты и загенерировал. Послушай, чего бы там за этим не стояло, момент удачный. – Сергей Васильевич подозрительно оглянулся на Сашу, поджавшего под себя ноги и глядевшего в окно на проплывающие мимо огоньки. – Это до ЦК дошло, их там всех какая-то баба на ноги поставила. Можно под это дело лабораторию создать, финансирование дают, помещение выделяют. Будет полной глупостью от такого отказаться. Послушай, а что если мы тебя заведующим этой лабораторией поставим? Я через дирекцию протолкну. А то что, так и будешь научным сотрудником до пенсии в подвале болтаться со своими приборчиками?

При этих словах Алик приоткрыл рот, но так ничего и не успел сказать, так как автобус зашуршал шинами по гравию и остановился около особняка с белыми колоннами.

– Добро пожаловать, товарищи, – на пороге стояла дама внушительных размеров в строгой юбке и сером пиджаке с золотыми пуговицами. – Я проведу Вас в комнаты, с дорожки поди умаялись? Ванну примите, попарьтесь и приходите поужинать в зал, стол уже накрыт.

Хрустели постели накрахмаленными простынями, старые, невесть откуда взявшиеся голландские печки с изразцами радовали душу, а зал, а зал... Потолок, покрытый росписями, золотые ангелочки, резьба деревянная, богатый барин когда-то жил в этом доме. А стол, один стол уж чего стоил, с белой крахмальной скатертью, свежими срезами невесть откуда в Ленинграде взявшихся лимонов, красной жирной лососяной, зеленью, запотевшими бутылками с водкой и коньяком.

Аспиранту Саше при виде накрытого стола с явствами поплохело, и он опустил на стоявший в сторонке стул. Алик широко открыл рот, а директор решительно подошел к столу и налил стопку водки. – Ну, ребята, не подкачайте, – он залпом выпил, подцепил вилок кусок красной лососяной, закусил, и с размаху похлопал замершего Алика по плечу. – Смотри, лови свое счастье. Раз в жизни такое бывает...

Утром ждал их крепкий кофе с бутербродами, поданный ко входу автобус пах пустотой, железом и дермантиновыми сиденьями. Через сорок минут были они на месте. Работать командированным предстояло в странном помещении, напоминавшем подвал, да собственно это и был подвал, только просторный и освещенный ярким светом люминисцентных ламп, с широким столом, несколькими кинокамерами, и окруженный странного вида молодыми людьми в одинаковых, сероватых с голубым отливом костюмах.

У Алика после вчерашних излишеств болела голова, но он упорно распаковывал привезенный из лаборатории хлам. Светились зеленоватым светом экраны осциллографов, красным лучиком вспыхнул и ожил лазер, качались стрелки на усилителях, словом все было готово к исследованию неизведанного.

Потом зашевелилось что-то, отворилась дверь, и в сопровождении пожилого, странного, немного жалкого, заискивающего и одновременно наглого выражения лица мужчины, вошла в комнату совершенно обычного вида, даже можно сказать затрапезного, пожилая дама. Была эта дама с широким русским лицом, с расплывшейся фигурой, колыхавшейся под поношенным скромным платьем темно-зеленого цвета, с седыми волосами, заколотыми обычной шпилькой, вида непритязательного и скромного.

– Здравствуйте, товарищи. – низким грудным бабьим голосом представилась она окружающим. – Адриана Сергеевна. – Мы так рады, – заискивающе пролепетал странный мужчина, – что наука наконец обратила внимание... Спасибо партии. Тут же налицо феномен необычайный, а от нас все руками отмахивались... Что бы мы без Вас делали...Адрианочка, покажи товарищам... – Я только ничего не обещаю... – дама побледнела. – Понимаете, раз на раз не приходится, демонстрация требует полного сосредоточения, экстаза... По заказу это не всегда получается... – Да Вы не волнуйтесь, – Сергей Васильевич был бодр и жизнерадостен. Все происходящее казалось ему чем-то не вполне реальным, словно видел он какой-то дурацкий сон. Персональный самолет, ломающийся от явств стол... Уж не приснилось ли ему все это.. – Да, работайте, не обращайтесь внимания, – поддакнул Алик, мучившийся головой. – Эх, дорогой, чай выпили вчера? Головка болит? – Адриана Сергеевна кряхтя приподняла свое пышное колышащееся тело со стула и, переваливаясь, приблизилась к Алику. – Сейчас, голубчик, легче будет... – она провела руками несколько раз вниз и вверх и плюхнулась обратно на свой стул, как желеобразная масса совершая колыхающиеся движения. – А... – Алик в изумлении застыл. Лицо его на секунду побледнело, и он испуганно посмотрел на продолжающую колыхаться фигуру. Затем он в изумлении замер, словно прислушиваясь к себе, недоуменно потрогал рукой начинавшую лысеть голову, и рот его широко открылся. – Послушайте, – он смотрел на директора и на Сашу, – а ведь прошла голова-то. Чертовщина какая-то...

– Адрианочка, – странный сопровождающий с обожанием уставился на свою спутницу. – Ну что еще этим ученым надо? Неужели они не воспринимают объективную реальность, данную нам в ощущениях и независимую от нас? Ну, покажи им, что ты умеешь. – стакан, – глухим голосом скомандовала баба. – На, милая, – и на столе невесть откуда взялся граненый стакан, из которого мужики пьют на троих горькую где-нибудь среди начинающих ранней весной распускаться клейкими листиками кустов, и пахнет пряной пьянящей зеленью, и шуршат за кустами шинами грузовики и легковые машины, и пахнет свежестью кусок черного хлеба, и

селедка пряного посола дразнит воображение, и скомканная газета со свинцовыми черными буквами впитывает рыбий жир и соки, и расплываются строки, и только и можно прочесть на ней «Очередные задачи партии», а остальное уже расплылось и потерялось среди цветущих диким цветом одуванчиков и одуряющим запахом свежей земли. – Ну сейчас, – Адриана вдруг напряглась, на шее ее надулась синим цветом вена, лицо страшно покраснело, на лбу появился пот, глаза приобрели безумное выражение, и вся она вдруг задрожала мелкой дрожью, вытянув руки по направлению к стакану. Но граненое потенциальное вместилище оживляющей организм жидкости не шелохнулось. – Сейчас, подождите, – она вытерла пот со лба и попыталась отдышаться. – Сейчас, – она снова задрожала, приобретя совершенно страшный вид, надулись на лбу жуткие синие вены, угрожая каждую секунду лопнуть. Вдруг проклятый стакан поехал, натурально дернулся, словно нехотя, потом еще и вдруг заскользил по столу, как танцор балета на льду, и грохнулся об каменный пол, превратившись в блестящие осколки.

Алик вдруг кинулся к этим осколкам, судорожно собирая их в ладонь, тут же порезался и чертыхнулся от внезапной боли. – Саша, – стекло, стекло померяй, может быть оно магнитное.

Саша засунул осколки в какой-то приборчик, покрутил ручками, пристально смотря на индикаторы. – Не-а. Александр Константинович, обычное стекло. – А можете Вы это повторить? – Алик подозрительно посмотрел на даму. – Не верят, Адрианочка, ну что поделатъ, не верят, начал стонать мужик странного вида, хватая себя за голову и пытаясь выдрать жалкие остатки седых волос. – Успокойся, дурак, – неожиданно жестко произнесла баба. – Стакан...И новый, свеженький стакан появился на столе. И снова напряглась женщина, выступили на лбу капли пота, напряглись вены, которые, казалось, вот-вот лопнут от натуги... И снова поехал стакан, но тут Алик сунул свои руки между стаканом и скорченными пальцами необычной бабы, начав искать спрятанные нитки, при помощи которых упомянутый стакан двигался. Последний при этом грубом вмешательстве свое движение по столу прекратил, покачнулся, дернулся и замер, раскачиваясь и издавая жалобный стеклянный звон. – Нету ниток... – Алик был обескуражен. – Убейте меня, нету. – Он с недоумением посмотрел на даму, на замершего в углу аспиранта, на Сергея, на странного мужика, сидевшего с торжествующим видом скрестя руки на груди, на замершего у двери охранника и снова на полную, уставшую даму с крупными каплями пота на покрасневшем от натуги лбу. – А Вы, товарищи ученые, не верите, женщину советскую истязаете, – взвизгнул мужик, пришедший с феноменальной бабой. – Электростатика, – Алик начал потихоньку приходить в себя. Обычная электростатика. Адриана Сергеевна, костюмчик у Вас часом не шерстяной, с синтетикой может? Часто вас электричеством дергает, когда до чего-нибудь дотронетесь? – Да не дергает меня, – баба с трудом могла говорить, дышала она тяжело, с жадностью впитывая остатки кислорода, еще содержащиеся в спертom воздухе полуподвального зала. – Алик, – директор слегка обомлел. – А может быть это все гипноз? Коллективный, ты знаешь, она нам всем внушила, что стакан по столу проехал, а сама его на пол бросила. – Как вы смеете, – юродивый мужчина, пришедший с фокусницей затрясся в истерике. – Погоди, – Алик задумался. – Давай-ка померяем то, что можем. Сигналы, поля. Вот у нас тут осциллограф имеется. Вы можете поднести руки к проводу? – Могу, могу, – Адриана тяжело поднялась со стула, и вдруг с зеленым зайчиком электронного луча произошло что-то невероятное. Он поехал снизу вверх, спазматически задергался, и на электронном табло зажглась красная лампочка «Перегрузка». – Вы видите? Вы видите? – снова истерически завыл лысоватый опухший мужик, хватаясь рукой за сердце, приседая и выкатывая глаза. – Чудо, свершилось чудо... – Да замолчите Вы, – Алик явно заинтересовался. – Значит меняется проводимость среды, сильнейшее электрическое поле, а может быть еще что-нибудь. Саша, у нас лазер с собой имеется? – Да, Александр Константинович, – вконец ошалевший от происходящего и покрасневший как рак Саша щелкнул металлическим тумблером, и в воздухе засветился красноватый луч. – Дорогая, – Алик неожиданно приобрел галантность, – не будете ли так добры поднести ваши драгоценные руки к этому рубиновому лучу? – Зачем, зачем все это истязательство? – снова завыл юродивый мужчина, но тут Сергей Васильевич грозно на него посмотрел, и он неожиданно замолк, как нашкодивший на уроке школьник. – Ну пожалуйста, смущенно пробормотал он и скромно присел на стул, стоявший у стены. – Делайте что хотите, товарищи ученые, наше дело маленькое. – Ну давайте, – баба была явно усталой и недовольной. – Она протянула свои руки вперед, словно лаская красную линию, снова надулись вены, и тут острый как игла лучик расплылся в мерцающий и

переливающийся шар, внутри которого поблескивали как на новогодней елке огоньки, то вспыхивая, как маячки патрульной машины ГАИ, то снова угасая. – Святая...– снова истерически завыл мужик, но встретившись глазами с директором испуганно замолк, проглотив конец фразы. – Работаем на славу советской науки, – шепотом произнес он и, испуганно дернувшись, замолк окончательно.

Сергею Васильевичу самому стало интересно, а у Алика покраснелись щеки. – Да это потрясающе, – Алик был возбужден. – Представь себе, насколько надо изменить диэлектрическую постоянную среды, чтобы добиться такого колоссального рассеяния... Может быть у нее из рук что-нибудь выпрыскивается, пот например или еще что-нибудь. Саша, у нас чувствительный микрофон есть?

– Есть, Александр Константинович, – Саша судорожно бросился открывать очередной ящик, достав из него кучу пыльных проводов, какие-то коробочки с индикаторами, стрелками и многочисленными кнопками.

– Дорогая Адриана Сергеевна, – Алик весь гарцевал, словно породистый арабский скакун накануне ответственных скачек. – Мы понимаем, что Вы устали, но будьте добры, любезная, последний эксперимент. Мы хотим измерить акустическое поле около Ваших удивительных рук. Будьте добры, напрягитесь еще разок. – Да будьте Вы все прокляты, – неожиданно разозлилась баба. – Что я Вам, каторжная что-ли, я после таких сеансов две недели в постели лежу, не могу в себя прийти. А пенсию по инвалидности мне дали? Хрена, а ты попробуй на сорок рублей в месяц прожить. На молоко с хлебом и то не хватит. Ну да черт с вами, пропади вы пропадом с вашими коробками... – Она зло протянула руки к проводам, раздался свист, и из усилителя полетели золотые снопы искр.

– Александр Константинович, – у Саши дрожали руки, – входной каскад от перегрузки сгорел. – А вдруг это все-таки массовый гипноз? – Директор ничего не понимал и это начинало его раздражать. – Телепатия, или хрен его знает чего. Она нам аппаратуру ломает, а на самом деле мы все сидим одурманенные, и ничего не происходит... – Ах так, кобель поганый, тебе ничего не происходит... Девку-то свою обрюхатил и бросил, так ведь? От меня не скроешься. Ох, большие беды ждут вас, да и Россию тоже. Ну ничего, сейчас тебе произойдет такое, что ты еще долго вспоминать будешь... – Баба вдруг с неожиданной для ее комплекции грациозностью подбежала к Сергею Васильевичу и поднесла руки к его запястью. – Ох, – только и успел выкрикнуть он, с ужасом увидев багровое пятно, черневшее на глазах на том месте, где только что обычная, грубая, слегка розоватая мужицкая кожа, поросшая редкими черными волосами, не предвещала никаких язв, ожогов или кожно-венерических заболеваний. – Чтобы я еще с Вами, сволочами бесстыжими, дело какое имела... – Да Вы успокойтесь, – Алик напоминал голодного волка, увидевшего жирную, откормленную добычу. – Вы поймите, вещи это неисследованные, странные, у нас просто подход такой скептический, но я Вас заверяю, с сегодняшнего дня я в Ваш феномен безусловно поверил. – Ну неужели лед надломился? – Адриана вдруг поставила массивные руки на пояс. – Уж сколько мы как рыбы головой об лед бились, сколько мучались. – Вы главное не волнуйтесь... Мы обязательно во всем разберемся.

Во время происходящего диалога аспирант Саша сидел в углу на стуле и с тоской смотрел на сгоревший усилитель. После вчерашнего очень хотелось опохмелиться. Полупрозрачный подвал и странные происходящие события казались чем-то совершенно нереальным, как сон, приснившийся после крепкой пьянки в физтеховском общежитии. Он вспомнил о том, что так и не продлили ему прописку в Москве, что аспирантской стипендии не хватало даже на то, чтобы платить за комнату, что Вера две недели назад перестала с ним встречаться, найдя смазливую мальчику из Внешторга, у которого к тому же были новенькие «Жигули», что даже колбасы в магазине уже давно купить стало почти решительно невозможно... Тусклый воздух закачался у него в голове как какое-то марево, сквозь которое проступали электрические огоньки ламп, директор Института, его руководитель, оживленно размахивающий руками, полная покрасневшая баба, взмахивающая руками и колышащаяся всем телом, разбитый стакан, неожиданно сгоревший усилитель, и весь искривленный, придавленный к земле юродствующий седой мужик с гадкими глазами. Все поплыло перед ним как на сумасшедшей карусели, и он неожиданно потерял сознание...

## **Глава 4. Таракан.**

Энергия, энергия кипит в воздухе. Ящики какие-то таскают, из них приборы с ручками и экранами достают, все импортное, цветным поролоном переложено. Мне бы в такой поролон когти всадить и издрать его на мелкие клочки, да не тут то было, новый завхоз его аккуратно в шкафчик складывает. Все свои сигареты без фильтра, «Дымок» кажется называются, курит. Обстоятельный такой мужик, с бородкой. И обо мне не забывает, подкармливает.

Мерзавец он, все-таки, мой хозяин, меня, домашнее животное, украшение дома взять, в авоську посадить и привезти в этот странный подвал. А этого лижущегося мерзавца, ссущего на уличные фонари, дома оставили. Теперь он, сволочь, небось в кожаном кресле лежит и жрет от пуза. Ну ничего, я потерплю. Пусть им стыдно станет за такую несправедливость.

Ну, правда как хозяин заведующим лабораторией стал, начал меня колбасой подкармливать, с первой зарплаты купил. Ничего колбаса, только дрянью какой-то пахла... Но какая энергия. И лаборатория-то у них так себе, подумаешь, две комнатки в подвале. Да нет, против подвала я ничего не имею, пожалуйста, но уж место больно странное. Врачи какие-то в коридоре ходят, и главное пахнет мышами, крысами, извините за сравнение, котами, да и какими-то уличными собаками. Люди может быть этой вони не чувствуют, а я как впервые сюда попал, чуть не умер. Как они ограничены, эти люди, как они не могут своими кривыми, или на худой конец курносими носами воспринять эту симфонию запахов, этот испуганный пот крыс, распятых для целей науки на деревянных досках, с припиленными к доске лапками и безжалостно взрезанным ножом телом.

Ах, как ни стыдно в этом признаться, никогда крыс не пробовал. Уж больно они, заразы, большие и умные, еще укусят не приведи Бог... С мышами был грех, признаюсь. Ну да почему собственно грех, в природе все естественно... Ах если бы действительно поймать мне хотя бы еще одну мыш, чувствовал бы я, что жизнь моя прошла не напрасно... А с другой стороны, все они одинаковые, жирные, серые, глупые, пищат. Ну даже если придушишь ее, что толку... Закатывает она свои глазки-бусинки, впадает в сомнамбулу, вытягивает свое нелепые тонкие лапки и смотрит на меня с дурацким обожанием, словно загипнотизированная. Ну пошевелишь ее, она как заторможенная, нелепо начинает на брюхе уползать, тут самое время ее накрыть лапой, к земле прижать... После такого она уже совсем ручной становится, ее можно с боку на бок катать, а она в экстазе глазки закатывает... Ну и что? Все они настолько одинаковые, что скучно становится. И поневоле начинаешь думать: « Ну хорошо, инстинкт есть инстинкт, но в этом ли смысл жизни? Или жизнь – она идет сама по себе...». Но вот, что действительно здорово, так это их ловить, она себе шуршит, ничего не подозревает и вдруг сверху громадная лапа с когтями... Знай себе, что все в этой жизни стоит... А стоит ли? Я поймал их за свою жизнь всего две или три, но и то скучно. А представляю, если бы их у меня были сотни. Скука... Нет, жизнь домашнего кота все-таки гораздо интереснее... Хотя...

Вот пару дней назад мимо меня кролика такого же распятого пронесли. Лежит зверюга, крупнее меня будет. А башка у него вся вскрыта, мозги наружу торчат.. И такая милая девочка в белом халате его несет, чистенькая вся, личико нежное, никогда не скажешь, что в душе такая зверюга. Так с ними, с людьми, внешность обманчива а женщины коварны... Навесят на себя кольца всякие, серьги и думают, что они от этого красивее стали. А сами животным бошки скальпелем вскрывают. Ох, не нравится мне это место, положительно не нравится...

А народу-то, народу появилось. Ребята такие грубые, молодые, вначале этот Саша дружка своего притащил, тот другого потянул, и пошло-поехало. Физики... Все беды от них. Вот и сейчас, чем они там занимаются? Да, да, коробки таскают, включают какие-то приборы в сеть, те жужжат, красные и зеленые лампочки загораются. А те двое сопят и городят что-то совершенно неуместное. Угол комнаты отгородили и все металлической сеткой затягивают, сетка такая тоненькая, и все припаивают электроды какие-то, а пол в этой клетке сделали металлическим. Как клетка она, конечно, никуда не годится, сеточка-то тонюсенькая, я бы при желании ее элементарно мог когтем раздрать. Слышал я их разговор, мол в комнатке

этой совершенно не будет электрических полей и наводок. Не люблю я электричество и штуки всякие разные. А вчера вечером, когда я в эту клетку зашел, как-то пусто и холодно стало в голове, будто ледяным ветром подуло, тревожно стало, пусто как-то, будто я умер. Завыл я смертным воем и из нее наружу бросился. Уж лучше пусть меня под наркозом распнут и живот разрежут, чем эту холодную пустоту снова почувствовать. Ох, не к добру все это, не к добру...

А сидят ребята до ночи, спорят о чем-то, все чего-то соединяют, жидкость у них такая противная, жидкий азот, они ее все из огромных железных бутылей переливают, а от нее пар идет. Я при этих безобразиях всегда в угол прячусь. А хозяина-то не узнать. Раскраснелся, словно помолодел, бегаёт как мальчик, по телефону говорит, бумажек гора, заявки, скандалит с кем-то, какие-то компьютеры выбивает.

И так вот весь день, с утра до ночи. До того дня проклятого, когда привезли им какой-то компьютер, красный весь, жужжит, лампочками мигает. Но недолго их радость продолжалась...

Это же надо, подумать страшно, какая чепуха, какое паршивое насекомое, букашка, может так потрясающе изгадить весь ход истории. Вся жизнь, такую привычную и хорошо налаженную, всю мощь огромного государства, раскинувшегося от Европы до Японии на заснеженных просторах. Я бы понял, если бы животное теплокровное, млекопитающее, ну хотя бы мышь или, скажем, кот. Да нет, куда там! Вот одна такая гадость не вовремя вылезет из своей щели, и все, пошло-поехало, покатилося и нет уже силы этого удержать. Вы будете смеяться, да смешного в этой истории, мягко говоря, маловато. Как-то даже странно, что все из-за таракана началось.

Таракан, правда, необычный был, в подвале этом вообще водились удивительные звери. Лежу я как-то в углу, дремлю, и вдруг как электрический ток по шерсти прошел. Чувствую, пришел мой момент. Мышь, убейте меня, распните меня как кролика, в углу бумага шуршит и что-то большое, шевелится, двигается. Вскочил я, и вижу: черное, длиной сантиметров в пятнадцать, никогда черных мышей не видал. Потом присмотрелся и отпрянул, таракан, только какой-то диковинный. Черный как смола, огромный, лапы тонкие, мускулистые, а усы длиннее чем у меня... Заорал я тогда...

– Ты чего вопишь, дурак, – Алик недовольно отодвинул пухлую пачку бумаг. – Чего там увидел, мышь что-ли? Мать честная, ну и зверюга... Ну-ка сейчас его поймает. Эх ты, черт, удрал! – Алик потянулся к телефонной трубке. – Антон Васильевич, безобразие. Антисанитария, тараканы бегают. У нас аппаратура уникальная, чистоты требует. Я вас прошу, примите меры. – Это такие черные, здоровые как мышь? – голос в трубке был ленив и слегка развязен. – Да, как вы только таких экземпляров развели? – Да это у нас доцент Сосенков занимался исследованием членистоногих, и несколько лет назад, находясь в бассейне реки Амазонки, привез два экземпляра редкостного тропического таракана. Поселил их, понимаете, в специальной камере, надеясь изучить процесс размножения, а они, сволочи, дерево прогрызли и убежали через день. И вот, черти, скрестились с местными российскими особями, и нет с ними никакого сладу. Химикаты на них не действуют положительно никакие, не знаем что и делать. – Ну а нам что делать? У нас лаборатория, оборудование уникальное, нам чистота нужна, стерильность. – Ну не знаю, что вам и посоветовать. Попробуйте заклеить все щели в полу эпоксидным клеем. Дерево-то они быстро прогрызают. – Черт его знает что за безобразие, – Алик бросил трубку и посмотрел на часы. С минуты на минуту должен был появиться представитель шведской фирмы для наладки новейшего технического чуда – маленького шкафчика с оранжевыми стенками и кучей лампочек. Внутри шкафчика находилось переплетение чистеньких разноцветных проводов, зеленых, блестящих плат, и черных жучков микросхем, по которым весело прыгали электроны. Денег на закупку шкафчика не хватило, и Алику с большим трудом пришлось убеждать высокое начальство, что результаты уникальных экспериментов необходимо обрабатывать и хранить в электронной памяти удивительной машины, после чего финансирование появилось совершенно волшебным образом и безо всяких проволочек...

Тут то оно и началось. Замерло время, треснуло неслышной лавиной, словно будущее усмехнулось над быстротечным моментом, и с неслышным грохотом обвалилось в пустоту. А ничего вроде бы и не произошло... Только таракан выполз из уютной темноты узенькой щели, ведущей в старые перекрытия здания. Яркий свет, огромные, уходящие ввысь стены каких-то странных сооружений, все это ему не понравилось, но этот странный мир одновременно пугал

и сладостно манил его, и он перебежками двинулся вперед. Вдруг что-то метнулось сзади, серое и лохматое. Таракан дернулся, оттолкнувшись лапками от пола, и совершил рекордный прыжок, оказавшись под огромным квадратным шкафом, отблескивающим металлическим светом. Шкаф был теплым и темным. Это уже само по себе было замечательно. Ввысь уходили никогда не виданные разноцветные, перемигивающиеся красными и зелеными лампочками конструкции. У таракана захватило дух и он пополз вверх, шевеля усами от возбуждения. Лапки его коснулись блестящей металлической капельки, и он неожиданно замер от никогда ранее не испытанного ощущения блаженства. По его черному телу катились импульсы наслаждения, заставляя его замереть в напряженной позе и только прислушиваться к этим зудящим волнам, подрагивающим где-то внутри. Он чуть-чуть передвинулся, и неожиданно волны блаженства исчезли. Таракан с досадой попятился назад, и снова это удивительное ощущение накатилось на него с новой силой. Он замер, и усы прекратили свое движение. Под панцирем что-то слегка потрескивало в такт мерным импульсам...

Представитель компании «Свенска Дата» Петер Гансен, проснувшийся в своем номере гостиницы «Националь» совершенно не подозревал о той роли, которая была предназначена ему судьбой в истории. Он недовольно зевнул. Москва надоела ему, равно как и совет директоров компании, пославший его в командировку. Долговязый, с волосами какого-то рыжеватого-соломенного цвета, он слегка мучился от похмелья. Вчера в валютном магазине он купил несколько бутылок русского пива. Пиво оказалось противным и коварным, после выпитых бутылок в голове что-то зашумело, и сегодняшнее утро в каком-нибудь полукилометре от Кремля уже его не радовало. «Запущу сегодня последний компьютер и улечу наконец отсюда», – он с тоской посмотрел в окно, завешанное невесомым тюлем. За окном по огромной площади, огибающей манеж и знаменитую гостиницу, знакомую всему западному миру по манящему силуэту на красной этикетке «Столичной» водки, катились жучки безобразных автомобилей, среди которых изредка попадались радующие глаз «Вольво».

Петер представил себе, как самолет, катящийся по взлетной полосе, наконец отрывается от серых, безмолвных, заснеженных полей и берет курс на Стокгольм. Он снова зевнул и пошел принимать душ. Горячая вода примирила его с действительностью, он с наслаждением вытерся большим мохнатым банным полотенцем и бодро оделся.

Компьютер, купленный Академией наук, находился буквально в пяти минутах ходьбы. За аркой появился небольшой, довольно-таки обшарпанный дворик и двухэтажное старое здание с колоннами. На входе, за высокой дубовой дверью сидела странная бабка в ватнике, валенках и пуховом платке. Она спала, похрапывая и причмокивая губами, и Петер, пожав плечами, спокойно прошел мимо нее. Старая, с выбоинами в мраморе лестница вела в тускло освещенный подвал. Гансен брезгливо поморщился. Русские всегда были странными людьми. Нашли куда запихнуть новейшую модель, гордость фирмы, европейскую звезду компьютерной техники. Вот в такой грязный и темный подвал. Варвары, что с них взять...

Компьютер стоял в небольшой подвальной комнате, набитой странным оборудованием. Тут и там торчали шлемы, из которых свисали разноцветные провода, какие-то антенны, металлические камеры, лазеры и микрофоны.

– Прежде чем я начну работать, вы должны заполнить декларацию об использовании компьютера в исключительно мирных целях. – Гансен привычным движением достал из портфеля пачку розовых и голубых бумажек. – Каковы цели ваших исследований? – Физические методы исследования сигналов, генерируемых человеческим телом. – Алик сощурившись начал подписывать декларацию. – А что именно вы будете делать с компьютером? – подозрительно спросил швед. – Например обработку сигналов человеческого мозга – Алик указал на шлем со множеством проводов. Излучений организма...

Гансен, ничему не удивляясь, забрал назад подписанные бумажки. По инструкции, медицинские исследования, даже самые странные, не подпадали под ограничения стран НАТО. Привычным движением он нажал на стартовую кнопку, и вскоре по экрану побежали зеленоватые ряды букв и цифр. Продукция фирмы не подвела даже в этом странном подвале, вскоре все тесты были выполнены. Гансен привычно достал из черного дипломата большой розовый листок с эмблемой фирмы, расписался на нем и протянул уже было щупленькому, в два раза ниже его ростом человечку с острыми моргающими глазами, как произошло что-то совершенно из ряда вон выходящее. Буковки на экране замигали, начали качаться из стороны

в сторону, и вскоре на нем появилась совершенная чепуха. – Ничего не понимаю, – Гансен снова нажал на стартовую кнопку, но чудо техники повело себя странным образом. Вместо упорядоченной последовательности команд загрузки, внутри шкафчика происходило черт знает что. Перемигивались цифровые индикаторы, на табло появлялись непонятные символы, и мерно подергивался магнитный диск.

– Странно, – Гансен с удивлением снял со шкафчика боковую панель. Он уже собирался начать копошиться в электронных внутренностях шкафчика, как вдруг крепко выругался и с омерзением отскочил в сторону. На блоке питания сидело огромное черное насекомое, размером со среднюю мышь, пульсирующее чуть красноватым свечением, будто разогретая спираль электрической плитки.

– Черт побери, что это у Вас в России такое! – он почувствовал, что начинает терять над собой контроль. Ярость на окружающее, на этот дурацкий подвал, странную комнату и щупленького человечка застилала глаза. – Я отказываюсь работать в таких условиях! – Нет, подождите, по условиям контракта Вы обязаны запустить компьютер. – Маленький лысенький человечек оказался неожиданно въедливым и агрессивным. – Вы вначале наведите у себя элементарный порядок, а потом требуйте выполнения контракта! – Гансен почувствовал, что все раздражение последних дней выплескивается наружу. – Наши системы не будут работать в таких варварских условиях! – Ну что вы кипятитесь, сейчас прогоним его. – Щупленький русский взял шариковую ручку и осторожно потеснил страшного черного зверя в сторону.

Импульсы прекратились и таракан с недовольством ощутил, как что-то твердое и прохладное прикоснулось к его панцирю. Инстинкт подсказал единственное правильное решение: он бросился вниз и через секунду уже полз по темной щели между привычными старыми перекрытиями. Только остатки блаженства, растекающегося по телу, напоминали о чудесном приключении...

– Подписывайте, – Гансен передернулся от отвращения. – Подождите, подождите, по условиям контракта... – Мне наплевать на Ваши условия. Или Вы подписываете контракт, или я подниму такой скандал, что Вашей стране больше не одной системы не продадут, пока русские не смогут доказать, что они содержатся в достойном состоянии. Система не запущена по Вашей вине! У нас в стране медицинские исследования ведутся в стерильной чистоте, и цивилизованные врачи и ученые ходят в белоснежных халатах в стерильных помещениях! – Ничего я не подпишу, пока Вы не запустите компьютер! – Вы меня запомните! – Гансен в ярости сложил бумаги в дипломат. – Я подниму такой шум, что вся ваша Россия еще пожалеет об этом инциденте. – Он быстрым шагом вышел в коридор и хлопнул дверью.

– Черт бы все побрал! – Алик расстроено зашагал по комнате. – Позор какой, что за чертовщина, тараканов развели. Теперь наверняка скандал будет. – Он вспомнил, что втихомолку нарушил правила, не предупредив о визите фирмача первый отдел. – Идиот! – Алик проклинал себя. Он понадеялся на авось, так как дело было срочное, а оформлять разрешение на визит иностранцев надо было заранее, по крайней мере за две недели. – Теперь придется каяться. – Алик вздыхая набрал номер дирекции.

– Сергей, – он прикрыл трубку рукой. – Слушай, хочу тебя предупредить, возможно будет скандал. Я не оформил визит фирмача, а он шуметь начал, так что прикрой меня в случае чего. – Что у Вас там за скандал? – директор был раздражен – Да швед этот проклятый приехал компьютер включать, а тут... – Ну да ладно, не волнуйся, – директор понизил голос. – Я тебя прикрою если что. Ты мне лучше скажи, аппаратура вся готова? – Да, мы только сегодня новую установку включили. – Мне опять из ЦК звонили. Скоро целительницу для исследования привезут. Дело ответственное, я пожалуй сегодня зайду, посмотрю на обстановку. – Договорились. – Алик повесил трубку. Странное, неприятное предчувствие неожиданно овладело им. – Саша. Саша?...Черт побери, куда же он делся...

## **Глава 5. Очередь.**

Аспирант Саша незадолго до этого разговора закончил сборку странного прибора, инструкции к которому почти полностью отсутствовали из-за проклятых, расслабленных ярким южным солнцем французов. В огромном деревянном ящике, проложенном разноцветным поролоном, почему-то пахнущим изысканной косметикой, лежал запечатанный в целлофан прибор с несколькими страничками, написанными на непонятном Саше языке. Странички были совершенно бессмысленными, и ему пришлось немало помучиться прежде чем удалось понять, что с чем нужно соединять. Еще через несколько минут выяснилось, что французы, видимо перед отправкой прибора плотно пообедав с изрядным количеством красного терпкого вина, забыли выслать совершенно необходимый для работы генератор, впрочем числившийся в приклеенном к ящику списке якобы высланного оборудования. Саша долго чертыхался, но ему удалось приспособить отечественный грубый и непомерных размеров прибор, пришлось только кабель припаять. Гибрид получился удивительный, изящный округлый матовый импортный аппарат, напоминавший всем своим видом об изысканных кварталах, в которых проживала Парижская художественная богема, и квадратный, ободраный, серого цвета ящик с надписью «Генератор сигналов УПЗ-21». Впрочем, работал гибрид вполне устойчиво.

Саша посмотрел на часы. Времени было уже шесть часов. В это время в находящийся на соседней улице винный отдел всегда привозили вино, а иногда и водку. Сегодня днем Танька, разбитная секретарша шефа, принесла зарплату и радостно отсчитала Саше тоненькую пачку пятирублевков, добавив к ним двадцать три копейки.

Он засунул руку в карман брюк, нащупав хрустящие денежные знаки, накинул потертую старенькую куртку и через две минуты уже стоял в длинной мрачной очереди, колыхавшейся на улице около входа в магазин и состоявшей в основном из плохо выбритых, угрюмого и помятого вида мужчин различных возрастов. – Ну чего, мужики, привезли уже? – волновался пожилой ожидающий с красным багровым лицом, изъеденным сыпью. – Не-а, еще нет. Валька, когда привозят, всегда внутрь запускает... – Ох, мне бы бутылочку ее, родимой. – У старичка с авоськой дрожали руки, и из уголков рта текла мутная слюна... Саша с омерзением отвернулся. – Да что же это... Я же тут стоял, мужики, Христом-богом клянусь, здесь еще такой бугай с зеленым шарфом был, я ему сказал, я на секунду. А он, гадюка, исчез... Пустите, умоляю, у меня жена в больнице... – юркий мужичок с красными глазами попытался ввинтиться штопором в очередь, протиснувшись плечом между ожидающими. – А ну, падла, вали отсюда. Много вас таких, ловких. – Мрачный бугай громадного роста, ожидающий своей доли, решительно толкнул непрошеного пришельца в грудь. – Люди добрые, да что же это? – Отверженный упал в грязный снег и с истерическим плачем поднялся, размазывая грязь по лицу. – Да здесь, здесь же я стоял... – Иди вон туда, – с угрозой в голосе произнес бугай, махнув рукой в едва видневшийся в конце переулка хвост очереди. – Там твое место. И еще раз сунешься, убью, так и знай. Я таких как ты, ловких, ненавижу. Как встречу такого, учу жизни. Понял? – Проповедь явно подействовала, и пострадавший, всхлипывая, поплелся в конец очереди. – Привезли, привезли, – очередь заволновалась, колыхнулась как огромная, содрогающаяся в конвульсиях змея и с жадным любопытством прильнула к покрытым мутными разводами стеклам магазина. – Чего, чего привезли-то? – засуетился хвост очереди, с нетерпением глядя на счастливых, вглядывающихся в неясные этикетки бутылок, появляющихся на далеком прилавке. – Русская, эй, мужики, живем, чекушечки, коньяк, портвейн три семерки, вино какое-то, не видно, мать твою, вроде болгарское... – Да на хрен эти чекушки нужны, – недовольно ругнулся кто-то. Одна с ними морока. – Водка есть? – раздавалось по рядам. – Русская, – с оживлением катилось по очереди из головы в хвост. – Вот я как-то к открытию попал, – с мечтательной улыбкой вспоминал упитанный парень, – лет пять назад это было, на Арбате магазин. Е-мое, чего там только не было. Водка любая, хочешь столичная, хочешь русская, хочешь лимонная, хочешь зубровка. Коньяки трех сортов. – Не трави душу, – мрачно, исподлобья произнес мужик, вытолкнувший перед этим из очереди незваного пришельца, и сжал кулаки. – Убью. – Эх, что это... – Очередь застонала, так как у входа в магазин появились несколько наглого вида красномордых парней,

оттолкнувших ожидающих и нетерпеливо стучащих в стекло. – Опять блатные пошли. – Мужик еще больше сжал кулаки, и желваки забегали по его небритым скулам.. – Замочил бы, но ведь она, стерва, магазин не откроет, пока своих не отоварит.

Дверь магазина приоткрылась, пропустив партию блатных покупателей, которые через пару минут с довольной ухмылкой вывалились оттуда с сумками, позвякивающими бутылками, наполненными драгоценной булькающей жидкостью. Очередь злобно посмотрела на счастливых, но психологический расчет был верен. Валька в грязном белом халате появилась у стеклянной двери и широко ее распахнула.

– Открыла, открыла, – толпа подалась вперед, затем откатилась назад, пропустив первую порцию жаждущих за стеклянную дверь. Пахнуло кислым винным запахом, и очередь начала медленно продвигаться вперед. – Водка кончается, – пронеслось по очереди. – Всего три ящика завезли. – Наверняка пару ящиков под прилавком спрятала, сука. Для своих... – А эти, красномордые, почитай целый ящик без очереди скупили...

Толпой, потной и возбужденной, Сашу внесло в магазин, он протянул красномордой бабе пятерку, прижал к груди бутылку портвейна и с трудом выбрался из магазина на морозный воздух Московского переулка. – Парень, а парень, водочка-то еще есть? – Это в самом хвосте очереди стоял тот самый мужичок, который пытался влезть в очередь. Он моргал своими красными, слезящимися глазами, с надеждой глядя на Сашу, словно на архангела, несущего известия из высших сфер. – Вроде пока есть, – мрачно ответил Саша. Он завернул под арку, прошел мимо спящей в тулупе бабки, сидящей при входе, спустился по лестнице в подвал и открыл массивную железную дверь, ведущую в лабораторию.

– Саша, ну где вы ходите? – Алик был взбудоражен. – Установка готова? Сейчас Сергей Васильевич приедет смотреть. Это очень важно, а Вы исчезли куда-то. – Простите, я не знал, – Саша спазматическим движением запахнул куртку, прижав бутылку к груди. – Ну ладно, скорее готовьте все, дело очень ответственное.

Саша глубоко вздохнул и, украдкой засунув заветную бутылку в давно приспособленную для этой цели заветную щель, принялся налаживать установку. Хранилище веселящей душу жидкости располагалось между туго натянутой сеткой только что сооруженной камеры, экранирующей внешние электрические поля, и пахнущими свежей сосной, обструганными деревянными ящиками с импортным измерительным оборудованием.

Генератор, слегка гудя, посылал неощутимые потоки электронов прямо на вход изящного французского прибора, на нежном, подернутом пеленой экране которого возникали таинственные видения. Они вполне могли бы быть истолкованы романтической натурой как преобразованные психикой отражения действительности. Саша, однако, думал о другом.. Припрятанная в заветном уголке бутылка все больше и больше будоражила его воображение, и он с тоской думал о предстоящем вечере, который обещал быть занятым разговорами с начальством.

– Ну что, исследователи ведьм, забрались в подвал? Ничего, ничего, неплохо обустроились. – Директор ввалился в комнату в добротной меховой куртке и с кожаной папкой под мышкой. Лицо его было покрыто тем здоровым красноватым румянцем, который человеку знающему подсказывал, что его обладатель не так давно принял примерно граммов сто-сто пятьдесят хорошего армянского коньяка. От грузинских или молдавских коньяков румянец имел другой оттенок. Да и по голосу начальника кое-что можно было тоже распознать. Слова вылетали из него без запинки, но какие-то глубокие, почти-что скрытые интонации выдавали душевную раскованность и общее повышение тонуса начальственного организма.

– Алик, – крикнул директор. – Алик? Куда ты девался. Давай, показывай, чего вы тут натворить успели. – Сережа, – Алик, казалось, был счастлив продемонстрировать директору пока что весьма скромные достижения странной лаборатории. – Вот, посмотри, это новейший прибор, из Франции, пару дней назад установили. Словом, замечательный аппарат. Удивительно, что врачи этого не знают, или не понимают... На экране мелькали разноцветные картинки, в которых с трудом можно было распознать лицо, руки и прочие части человеческого тела. – А ну-ка, может я тоже экстрасенс. – Директор подставил свои грубые крестьянские пальцы под фиолетовый объектив таинственной камеры. – Во какие, смотри. – Он с восторгом посмотрел на свои ярко-пунцовые лапы. – Подумаешь, – Алик презрительно ухмыльнулся. – Коньяку напился, понятное дело у тебя сосуды расширились. А у меня пальцы

в этом подвале мерзнут. – Он подsunул свои руки под объектив, и вправду получились они ярко-голубыми, как у мертвеца. – Ни хрена не понятно – директор снял куртку и уселся в крутящееся кресло. – ... Погоди, погоди, – он задумался и неожиданно протрезвел. – Ведь таким прибором можно мгновенно определить, выпил человек или нет. И еще, Алик, это просто здорово, что у вас экран разноцветный. – В черно-белом изображении детали лучше видно, – Алик поморщился. – Нет, ты погоди, от цветных картинок не отказывайся. Это же простая психология, начальники цветные картинки любят. Академики особенно... А выборы в академию не за горами. Членом-корресподентом хочешь стать? – Да ну тебя, Сергей, при чем здесь цветные картинки. – Алик, ты как ребенок, ну честное слово. Для президента это много значит. Он как увидит разноцветные лампочки или изображения, особенно непонятные, весь млеет... – Сергей Васильевич замолк, прокручивая в голове сложные политические маневры. – У президента свой подход. Ты представь, уже много лет сидит он в Президиуме за своим огромным дубовым столом, выслушивает академиков, отвечает на звонки из Кремля, подписывает бумажки, стареет. Да любой от такой жизни свихнется. – Я с этой сумасшедшей жизнью скорее свихнусь, – Алик пожал плечами. – А ты послушай повнимательнее, я же знаю что говорю. – Директор неожиданно вдохновился. – Пару лет назад была в Москве в Сокольниках выставка, что-то вроде достижений советской науки. Повели президента показывать экспонаты, а он вроде как ни на что внимания не обращает, тут ему и приборы, и катушки огромные, и генераторы, а старичок объяснения рассеянно слушает, головой кивает и от стенда к стенду идет. И тут вдруг он говорит: «Подождите товарищи, какая установка замечательная», от сопровождающих оторвался, и к какой-то системе подходит. Система-то была самая обычная, поставили всяких компьютеров, соединили, а главное шкаф у них был с большим количеством переключателей, модулей всяких, а на них лампочки, красные, зеленые и голубые. Установка работает, а лампочек видимо-невидимо, и все они перемигиваются. Так, ты не поверишь, Президент от удовольствия разомлел, лицо покраснело, умиротворилось, будто ребенок новогоднюю елку увидел. А там демонстраторы все обедать ушли и какого-то парнишку оставили. Ну, Президент и говорит: «Спасибо Вам, товарищи, доставили мне огромное удовольствие. А тему Вашу надо в Академии поддержать, полезное начинание». И выделил этому институту фонды, ставки из личного фонда и все что полагается. А паренек тот через несколько месяцев завлабом стал. – Ну а мы-то причем? – Алик скривил губы. – Да ты посмотри, у тебя на картинке те же цвета. И красный, и зеленый, и голубой, и все мелькает. Нет, это верное дело, Президенту понравится. Да и не только ему, на эти ваши картинки любой купится и растает. Ты, чудак, не понимаешь, какую вы золотую жилу открыли. – Директор взволнованно встал и заходил по комнате. – Да ты, Алик, через пару лет у нас академиком станешь... – Да брось ты, – Алик поморщился. – Нет, нет, ты погоди, слушай, что я тебе говорю. – Сергей Васильевич потер руки. – Все усилия на цветные картинки, и побольше, побольше... Да мы весь президиум Академии сюда приведем и обработаем – Вдруг возникла длинная пауза и директор пристально посмотрел в глаза Алику. – Слушай, давай колись, у тебя в сейфе выпить что-нибудь есть? – Спирт, – смутился Алик, только вчера завхоз получил. – Ну не жмись, давай разбавим и выпьем немного. Так все осточертело... И ребят угостим. Я отвечаю, под мою личную ответственность. – Ну, я-то почти не пью. – Да ладно тебе дурака валять. Зови ребят.

На письменном столе появилась бутылка с прозрачной жидкостью и несколько чашек. Заботливый завхоз извлек откуда-то буханку черного ржаного хлеба и батон колбасы. – Ну ребята, – Сергей Васильевич чокнулся с ними грубыми чашками. – Не подкачайте, дело это интересное. Но никому ни слова. Завтра приедет ведьма, надо ее обмерять всю с ног до головы. Да вы все скоро докторами наук на этой теме станете! – Он выпил, крикнул от удовольствия, и быстро закусил куском колбасы. – И цветов, цветов на экране побольше. Особенно чистых, красного, синего и зеленого. А наукой будем заниматься подпольно, вечерами. – Да чепуха это, Сергей! – Алик поморщился. – Исследования так не ведутся. Ты же знаешь, как это бывает, бьешься годами, голову ломаешь, пока придет откровение. – Алик, – Сергей Васильевич развел руками. – Помните мое слово, да одно то, что у выпивших руки на вашем экране краснеют это уже откровение. А ну-ка, посмотрим...

Словно в подтверждение слов директора, пальцы всех без исключения сотрудников лаборатории приобрели светло-малиновый цвет с фиолетовым оттенком. У самого директора кончики пальцев были ярко-красными, но сверху, на глазах у всех, на начальственные пальцы неумолимо ползла малиново-фиолетовая волна.

– Вот это да! – Директор был доволен. – Смотрите, от спирта малиновый оттенок заметен, наползает-то как быстро! Совсем другой эффект, чем от коньяка. Ну, ребята, молодцы, представляете какой шум поднимется, когда мы эти картинки покажем? Но это для души, так сказать. Завтра у нас ответственный день, мы сюда ведьму для обследования привезем. Так что не подкачайте, дело это интересное.

На Москву спустился зимний вечер. На улице тусклыми, мерцающими огоньками светились далекие звезды. У Алика слегка болела голова. Из рта вырывался пар. – Подумать только, – Он обращался в темное, морозное пространство. Директор недавно уехал на своей «Волге», а сотрудники убежали в светящийся вестибюль метро. – Где-то там могут жить высшие, цивилизованные существа, давно открывшие все, что мы здесь пытаемся понять, и живущие полноценной, осмысленной жизнью... Он постоял еще минуту, глядя на темные силуэты домов, развернулся и вышел на Манежную площадь. У самого входа гостиницы «Националь» стояли несколько упитанных иностранцев в меховых шубах, а на парапете сидел институтский электрик Гена, бородатый чудаковатый человек, закончивший несколько курсов физтеха, но бросивший учебу из-за болезни матери, которой надо было покупать лекарства, толковый, но спившийся парень. Гена сидел на корточках, объясняя на вполне приличном английском языке смысл жизни сухощавому американцу. Последний, словно сошедший с Голливудских плакатов, покрытый здоровым загаром, похоже не знал как отделаться от этого странного, грязного мужика, возможно даже агента КГБ. Гена хватал американца за рукав, что-то ему объяснял про электричество и потоки электронов, которые, сокращаясь согласно теории относительности Эйнштейна, вызывают магнитное поле. Наконец, подкатил сверкающий огнями «Вольво», и Голливудский герой, вырвав свою руку, плюхнулся в него, отъезжая от входа в гостиницу. Алик заметил, что еще секунду назад стоявшая метрах в двадцати черная «Волга», набитая холеными мужиками, резко взяла с места и, стараясь не потерять «Вольво», нетерпеливо порывивая мотором, влилась в поток машин.

Накатился на Алика ярко освещенный вестибюль метро, с гулом подъехал голубой поезд, будто засосавший его худую фигурку в себя, понеслись за черными окнами огоньки в туннеле, поредел народ в вагоне, приблизилась любимая станция. Памятник Грибоедову, длинный ряд замерзших деревьев, черный лед пруда, сверкающие фары машин, проход между домами, тусклый свет в окнах и обледеневшие горки, с которых с криками съезжали дети, переулок, свет фонарей, Белка, с восторгом кидающаяся ему навстречу, старые книги в шкафу, мерцающий свет зеленой лампы... И забылось все происходящее как дурной сон, правда здорово будоражащий воображение... А зря... Взять хотя бы этого американца. Если бы знал он, какую злую шутку загорелый иностранец сыграет в его судьбе...

В тускло освещенном подвале остался только Саша. Он убедился, что в коридоре никого нет, дрожащими от нетерпения руками вытащил из заветной щели бутылку, налил стакан и залпом выпил. Внутри потеплело. Ехать в метро, потом трястись в холодной электричке в маленькую, освещенную тусклой лампочкой комнату в общежитии не хотелось. Саша закрыл массивную железную дверь, постелил свою старую куртку на кушетку, стоявшую в экспериментальной камере, подложил под голову шапку, и через пять минут уже крепко и блаженно спал, поджав под себя ноги в стоптанных ботинках.

## **Глава 6. Ведьма.**

Ну вот, неужели все, включая то, что этот подбострастный болван теперь в моем кресле кожаном спит, ради этого? Появилась у нас в подвале дама пренеприятнейшего свойства. Руки тонкие, глаза удлинённые и черные, вся закутана в какие-то шелка, и искры во все стороны сыпятся. Только она вошла, у меня шерсть встала дыбом, и я в свой любимый угол забился. От нее какая-то энергия отрицательная исходила. И запах... Косметика приторная, задохнуться можно, на ногах, правда, надо должное отдать, туфельки импортные, итальянские, лаковые, да на каблучках. Она ими цок, цок, уши до сих пор болят.

Вот тогда чудо и произошло, я ведь на того таракана охотился, он, негодяй, все время в компьютер заползти пытался. Но умный оказался, чуть шорох почует, так сиганет под карниз, и ищи его. А тут, смотрю, выполз, пристыженный, покорный, усамы слегка шевелит и прямо к этой дамочке пополз. Будто на четвереньках... Я от такого обалдел, а он подполз к ней и лапки в разные стороны растопырил. А она, не заметила даже, наступила своей шпилькой, тельце его черное хрустнуло, и был таков. Роковая дамочка, я Вам скажу, не из простых провинциалок, всеми силами пытающихся обустроить свою личную жизнь в столице.

Как-бы там солнце не красило нежным светом стены древнего Кремля, этим провинциалочкам непросто приходится. Сказок в нашей жизни не бывает, разве что по телевизору. Приезжают они в столицу, надеясь закадрить какого-нибудь наивного паренька с пропиской, а попадают в лапы самым что ни на есть похабным соблазнителям. Придет он к ней в общежитие лимитчиков при текстильной фабрике ЛЬ 19 Кунцевского района, соблазнит, может даже ребеночка сделает, и был таков. И гудит она, в восемь утра рабочая смена, шумят станки, зарплаты восемьдесят рублей, на нее не то что не пропитаешься, мыла детского не купишь. И грубеют руки, затвердевает душа и пускает она брак на своей текстильной линии. Да, будто вы товарищи брака не видали? Вот хозяин недавно рубашечку в магазине купил, домой принес, из пакетика достал, а рубашечка-то на две половинки и расползлась...

Ну не знаю, какие там эти целительницы... Да она сама может быть и ничего, но спутники ее еще хуже оказались. Странные какие-то. Мужик такой восточный, с выпуклыми глазами, говорят кинорежиссер известный. Другой мужик, вида совсем русского, но глаза бегают. Двое высоких парней, охранники что-ли... Было бы чего там охранять, на такую штучку ни один нормальный мужчина глаз не положит. Да нет, положить может и положит, но как блеснет она своими черными ведьмиными глазами, как хрустнет удлинёнными пальцами, так самый что ни на есть красавчик с горя сопьется...

– Ну чего, расселись. – Дама была настроена решительно. – Давайте, измеряйте меня вашими приборами. Только природа сложнее всех этих ваших электронов и атомов... – Дорогая, – Алик волновался, – не переживайте. Мы верим в Ваше дарование. Попробуйте сосредоточиться... – Да как тут сосредоточиться, – завопила дама. – Меня враги убить хотят, мафия, они жаждут моей крови. – Да какой крови? – удивился директор. – Они не могут мне простить успеха. Завидуют. Распускают грязные слухи, подрывают мой авторитет. И хотят назад бриллиантовое кольцо, не говоря уже об изумрудах, которые мне принадлежат по праву. – Гога, Гога... – Да, – мрачный парень как по мановению волшебной палочки возник из тени дверного проема. – Набери домой, Вахтангу. Спроси, не звонил ли Жора. – Ничего не понимаю, – Алик потряс головой. – Вас направляет сюда ответственный работник аппарата ЦК, и что, они не могут обеспечить Вашу личную безопасность? – Б..., мудачье, не мужики а говно загнившее. – Сам того не желая, Алик явно задел болезненную тему. – Только за свою шкуру боятся, со всем ихним КГБ и особым отделом. Пока Вахтанг за дело не взялся, не было мне никакой жизни. Эх, где у вас сортир. Поссать ужасно хочется...

Ну и баба... Я и то, когда природа своего требует, деликатно поступаю. Мурлычу, об ноги завхозу трусь. Мол, пусть сам дурень догадается, чего животное мается. А тут так вот, грубо и напрямую. Уж не буду повторять того, чего она произнесла... Ну сказал бы это мужик выпивший в компании собутыльников. А уж от дамы, вылечившей по слухам весь руководящий состав... – Ну чего. Давайте, включайте свою технику. Измеряйте, может чего найдете. – Вы, уважаемая, попробуйте воспроизвести все, как на сеансе. А кто ваш

подопечный, если не секрет? – Алик с подозрением посмотрел на непонятно откуда появившегося мужика, раздетого по пояс, и покорно лежащего на экспериментальной кровати, не содержащей совершенно никаких проводящих элементов. – Зампред исполкома Моссовета по жилищным вопросам. – Ах. – Алик проглотил язык. – Ну хорошо, почувствуйте себя спокойно. Мы попытаемся измерить ваши излучения... – Да чего там мерять? – Дама была настроена решительно, и, бросив побелевшего зампреда по жилищным вопросам, грозно подбоченилась. – Вот второй секретарь ожил, первый тоже, настолько, что молоденькую курьершу затрахал на глазах у законной супруги, первый секретарь тоже, а Генеральный совсем на рельсы встал... – Да верим мы вам, верим. – в диалог вступил Сергей Васильевич. – Вы пожалуйста работайте, мы вам мешать не будем. – Да насрать я на этого кобеля хотела. – Дама зло бросила простыню на распластанного на кушетке мужчину. – Как я могу работать, когда изверги вроде вас меня на кинолентку заснимают, а с Вахтанга пятнадцать тысяч рублей требуют. – Дорогая, – директор явно не знал, как действовать дальше. – Мы же ваши друзья, хотим Вам помочь. И из ЦК товарищи убедительно просили измерить ваши поля и, так сказать, излучения. – Ну да черт с Вами. – Дама зло содрала простыню с неподвижно застывшего на кушетке мужика. – Меряйте что хотите. – Она начала делать ленивые движения руками над его спиной, словно хотела что-то с этой спины снять и брезгливо выбросить в сторону. Директор с интересом следил за процедурой, а Алик пробрался в соседнюю комнату, в которой корпел над установками Саша. – Ну что, Саша, видно что-нибудь? – шепотом спросил он. – Не-а, Александр Константинович. Это не то, что в Ленинграде. Все в норме, электрическое поле нормальное, приборы не зашкаливают. И руки у нее чуть теплые, никаких аномалий. Ничего приборы не видят.

Дама тем временем продолжала производить пассы над разомлевшим работником Моссовета. – Чувствуешь энергию? – спрашивала она его. – Еще как чувствую, словно жжет всего. – Это лучи в тебя впиваются. Сейчас я все плохое из тебя вытащу. – Никогда так хорошо не было. – ответственный работник млел. – А ты как думал? – Дама морщилась. – Да я весь ЦК и президиум с жопы на голову поставила. Я уж про самого молчу. А тебя-то, если бы не хотела из трехкомнатной квартиры в четырехкомнатную с двумя ярусами переехать, сам знаешь... – Все сделаем, волшебница. – воскликнул подопытный. – Да ты посчитай, кто сколько вклада поимел в вашем поганом идеологическом деле. Да уже за то одно, что я Генсека на ноги поставила, вся ваша братия мне должна пальцы на ногах лизать. А ты, паразит, ордер на квартиру выписать не можешь. Вот заморожу сейчас тебя в таком состоянии. – Нет, Нет, властительница... – Мужик побледнел и стал похож на утопленника. – Я сейчас же подпишу. И десяти минут не пройдет, все подпишу. – Ну смотри, – дама тяжело вздохнула. – Если меня кинешь, сам знаешь что к чему. Сначала парша по телу пойдет, чесаться будет, а потом Вахтанг на чаек с ребятами заедет... – Благодетельница... – Вот с таким говном приходится возиться, – дамочка совершенно не обращала внимания на распростертое на кушетке тело. – Да что же это, – она истерически зарыдала, в ярости разодрав на себе шерстяной платок. – Я же хочу людям добро и счастье нести, исцелять, заряжать их космической энергией. А из неземного моего таланта многие делают средство обогащения, шантажируют, оскверняют святой огонь своими грязными помыслами. – Она затряслась, утирая слезы рукой с удлиненными пальцами, покрытыми ярко-красным лаком. – И вы тоже, ученые, нечего сказать, используете меня для своих диссертаций. Да я сама доктором наук и профессором быть могу. Я завтра же в ЦК обращусь, чтобы меня заведующей вашей лабораторией сделали. От Вас и нужно то только, чтобы вы свои приборы включали, а я сама все замечательно померяю...

– Звонил Жора... – мрачный парень двухметрового роста возник в проходе. – Опять жилы тянут. – Да ты что... – Дама побелела и совершенно забыла про своего подопечного. – Скажи им, что ни хрена с меня не получат. Вахтанга, Вахтанга зови. А Жоре передай, если что пусть патронов не жалеет, отстреливается. Бросили они уполномоченного на кровати, собралась дама, забыв про ученых и приборы, потянулась за ней свита, потом и брошенный зампред как-то смущенно оделся и убежал, будто не было их в подвале. Да нет, были конечно, только трупик раздавленного амазонского таракана на полу однозначно подтверждал, что феерическое явление было реальным.

Сергей Васильевичи Алик, усталые и несколько обалдевшие от необычных визитеров, кинулись смотреть на показания приборов. – Ну что, Саша, видели что-нибудь. – Да нет, я же вам сказал, ничего. Совершенно обычные сигналы, ничего не зашкаливает. – Мда... – Алик сосредоточенно тер рукой лоб. – Непонятно... Что же нам теперь делать? – Погоди, погоди

Алик. – Директор и сам был раздосадован, но пытался найти прагматический выход из положения. – Может что-нибудь она и умеет делать, но нам теперь надо резину тянуть, ты понимаешь? Мол, дело тонкое, непонятное, надо бы и с этого боку посмотреть и с того. – Ну а что дальше... – Ну а дальше как в известном анекдоте... Или шах помрет... – директор испуганно оглянулся вокруг, – или осел, извиняюсь, сдохнет. Да ведь и не исключено совсем, что воздействие у нее на организм имеется, но безо всяких излучений. Ну, например, возьми хорошего массажиста, он ведь в тебя жизнь вдохнуть может, а ничего не делает, кроме обычных движений руками... Главное ее сейчас не отпугнуть, ублажить, тогда она слово за нас в ЦК замолвит, мол молодцы ученые, и мы сможем спокойно работать.

Пронзительно зазвонил вдруг телефон, и директор вздрогнул от неожиданности. – Да... Здравствуйте, Андрей Михайлович... – Он побледнел. Да, только что уехали. Результаты? Пока- что разбираемся в результатах экспериментов. Нет, пока ничего определенного сказать не можем. Но обязательно разберемся. Необходимы дополнительные исследования... Что? Да, конечно. Все покажем и расскажем. Когда они собираются приехать? Завтра? Обязательно. Всего доброго, Андрей Михайлович. Да, да, когда будут первые результаты, обязательно Вам сообщу. – Что там такое? – Алик внимательно посмотрел на Сергея. – Готовься к экскурсии. Завтра Андрей Михайлович с Президентом Академии приедут. – Да что смотреть-то? От ведьмы никаких сигналов не идет. – Алик, Алик... – Директор развел руками. – Ты им предложи простой эксперимент: как только придут, запиши в память компьютера их голубые руки, а потом предложи выпить коньяка, и руки станут красными... Просто и понятно! Да на такое любой клюнет. Так что потерпи, мой тебе совет. Популярность нам совсем даже не помешает.

## **Глава 7. Красный закат.**

Загорелым иностранцем, который предыдущим вечером плюхнулся в «Вольво», совершенно не подозревая о следовавшей за ним черной «Волге», был не кто иной, как Эдвин Торг, директор небольшого исследовательского центра в Калифорнии. Не было бы в этом ничего особенного, ну подумаешь, приехал американский профессор ознакомиться с работами русских ученых, если бы не занимался Эдвин сомнительной с точки зрения коллег деятельностью по изучению телепатии и парапсихологии, и приехал он в Россию также с весьма сомнительной целью. Естественно, что сомнительные эти цели вызвали весьма живой интерес граждан, следующих за ним по пятам во время его не менее сомнительной поездки по столице СССР.

Недостаток денег вызывал у Эдвина все усиливающееся беспокойство. Он судорожно перебирал разные варианты, писал заявки на гранты, крутился и продолжалась эта, не приносящая особенных результатов возня, до того момента, пока Эдвин не увидел по телевизору прямую трансляцию с чемпионата мира по шахматам. После очередной партии, закончившейся вничью, экс-чемпион мира Корчной созвал пресс-конференцию. На ней он заявил, что в зале находится русский экстрасенс, нанятый КГБ, который внушает ему неприятные мысли и всеми силами мешает сделать правильные ходы, одновременно помогая русскому чемпиону Карпову. Эдвина это заинтересовало, и он начал собирать данные об исследованиях в области парапсихологии, проводимых в России. Казалось, на каждом шагу наткнулся он на все новые и новые подтверждения своей гениальной находки.

В то время, как в технократичной, рациональной Америке хирурги пересаживали человеческие органы и проводили все более сложные и хитроумные операции, огромная заснеженная северная страна наполнилась слухами о провидцах, колдунах и ведьмах. У Эдвина в голове зрел и укреплялся достаточно безумный, но не безнадежный план: убедить Пентагон выделить средства для продолжения работ в Америке, пугая их красной угрозой. Нет, карта явно была верная, и находясь в Москве, он посетил некоторых странноватых личностей, по слухам умеющих читать мысли других людей и влиять на их поступки. А также посетил он странную лабораторию, находящуюся на квартире какого-то диссидента, и якобы занимающуюся исследованием оккультных явлений.

Руководил этой лабораторией пожилой сухонький человек с безумным блеском в глазах, впрочем по слухам крупный математик, основоположник советских спутников и лауреат Ленинской премии. Старичок говорил быстро и отрывисто, отвлекаясь только на то, чтобы запустить безумно грязные темно-зеленые пальцы в целлофановый пакет, в котором среди черных комьев земли лежали листики травы. Время от времени он вытаскивал травинку из пакета, торопливо отряхивал клочки чернозема, растирал зеленоватую субстанцию пальцами, так, что на пол капал мутный сок, и отправлял получившееся месиво в рот, сосредоточенно его пережевывая. В такие моменты все окружающие уважительно замолкали, внимая чавканью, раздающемуся изо рта учителя.

Ученики у старичка тоже были странноватые. Сутулые молодые люди с такими же безумными глазами и возбужденными, отрывистыми движениями, и погруженные в себя женщины средних лет, все они окружали его, внимая каждому его слову.

– Травы, вода в бидоне, помещенная рядом с красной шерстью, янтарь, впитывают в себя космическую энергию и заряжают окружающее – провозглашал учитель. – Они являются воплощением субстанции инь. В то же время, кофе, чай, вина, сахар и соль есть чистейшее воплощение субстанции янь. Они входят в плоть человека, отравляя его желчь и мозговую жидкость. Человек, заряженный негативной аурой опасен для общества... – И он снова замолкал, глубокомысленно разминая в пальцах очередное растение...

Несколько неизвестно откуда взявшихся людей в серых костюмах, зевали, скромно расположившись на стульях недалеко от американца. Эдвин с интересом конспектировал происходящее, и даже заснял несколько встреч портативной видеокамерой.

Не хватало только одного: хотя бы намек, а лучше – более или менее достоверной информации, что исследования телепатов и экстрасенсов ведутся на солидном государственном уровне. Судьба улыбнулась ему, и сегодня он такой намек получил. Эдвин ощущал поднимающееся откуда-то изнутри радостное возбуждение.

Вчерашний день прошел напрасно. Какой-то всклокоченный человек с длинными волосами утверждал, что он притягивает к себе железные предметы, и с завидной настойчивостью приставлял к животу огромный утюг. Утюг приклеиваться к мужику не желал и все время с грохотом падал на пол. Мужик сопел и сконфуженно признавался, что он сегодня не в форме, после чего начинал все сначала.

Зато сегодня... Уставший от непрекращающегося потока странных личностей, Эдвин спустился в бар, находящейся подвале той же гостиницы. За круглым столиком, расположенным в плохо освещенном уголке прокуренной комнаты сидел долговязый мужчина средних лет, по виду типичный скандинав. Мужчина этот выделялся из прочих посетителей бара нордической внешностью и воспаленными красными глазами. Время от времени он осматривал затянутый табачным дымом подвал и заказывал очередную порцию столичной водки. – Все Русские – дикари, – восклицал он по-английски, с заметным акцентом. – Варвары! Эдвина такое неуважение к обитателям северной страны слегка задело. Он вспомнил про спутник, первого космонавта, атомные бомбы, ядерные ракеты и подошел к скандинаву. – Варвары! – продолжал твердить выпивший швед. – Купили последнюю модель компьютера и поставили ее в дерьмо! А я вынужден сидеть в этом дерьме и глотать его. Потому что из-за их дерьмовой метели их дерьмовый аэропорт не принимает наши дерьмовые самолеты. Только водка у них ничего, правда наш «Абсолют» все равно лучше. – «Абсолют» не уступает «Столичной» – Эдвин решил сгладить назревающий международный конфликт. – Ты, – швед смотрел на него мутным взглядом, – Ты же западный человек. Что ты делаешь в этой стране, в которой черные... – Он замолк и громко икнул. – Черные, раскаленные тараканы живут в шведском компьютере. Варвары! – И швед с отвращением сделал большой глоток из высокого стакана. – Тараканы? – удивился Эдвин. – Дикари, – подвыпивший собеседник брезгливо передернулся. – Они собрались исследовать мысли людей в грязном подвале, кишашем огромными тараканами! – Он посмотрел мутным взглядом на американца. – Приезжай к нам в Стокгольм, посмотри! У нас даже собак исследуют в стерильных условиях.

– Мысли? – Эдвин насторожился. – Какие мысли? – он почувствовал приближение почти невероятной, долгожданной удачи,

У подвыпившего шведа без труда удалось выяснить, что странная комната в подвале забита самым современным научным оборудованием, и что ученые собираются заниматься «излучениями мозга и какой-то чертовщиной». И адрес института швед сразу же указал. Располагался он буквально за углом, в пяти минутах ходьбы от «Интуриста».

Эдвин торопливо накинул пальто и, свернув с шумной центральной улицы в подворотню, вскоре оказался около старинного особняка. Он с интересом начал обходить его, как вдруг остолбенел от изумления. В ярко освещенном полуподвальном окне как на картинке была видна забитая аппаратурой комната, в которой странного вида женщина с удлинёнными руками делала пассы над спиной и головой голого мужчины, в расслабленной позе лежащего на кровати. Вокруг стояли люди, а от женщины во все стороны тянулись провода, мигали лампочками приборы, светились экраны дисплеев, на которых переливались разноцветные картинки.

Эдвин почувствовал как сердце учащенно забилось. Пришел его звездный час. Вынув из кармана фотоаппарат, он осторожно сделал несколько снимков подвального окна, стараясь запечатлеть все детали странного действия. Затем он сфотографировал вывеску института и снова с интересом вернулся к освещенному окну. В комнате происходило что-то странное. Женщина жестикулировала руками, забыв о своем пациенте, затем в сопровождении нескольких людей поспешно покинула подвал. Эдвин понял, что пора исчезать, украдкой оглянувшись, но ничего не увидел, кроме темных качающихся деревьев и тусклого света фонарей.

Не увидел он и двух силуэтов в темной подворотне, тщательно наблюдавших за странным американцем... Никаких секретных объектов по их сведениям в дворике не находилось и не устраивать же было им международный скандал, отбирая у иностранного профессора фотокамеру. Тем более, накануне важных межправительственных переговоров...

Такси неслось на север мимо новостроек, и Эдвин уже видел страницы запроса на фонды, которые он пошлет в Государственный департамент. Русские форсируют секретные исследования в области парапсихологии, обгоняя Соединенные Штаты. Не знал он, что является только случайным, но необходимым звеном в цепи исторических событий, а начало этому звену положено тем самым тараканом, который пытался испортить ценный компьютер. И граждане в черной «Волге», следовавшей за такси в аэропорт Шереметьево, тоже являлись таким же звеном. Эх, плюнуть бы им на все это, если бы знали они о последствиях своих действий, свернуть в какой-нибудь переулок, не написать отчет о действиях профессора, да забыть об американском сумасшедшем. Но нет, система уже действовала, огромные колеса крутились, и все они были винтиками в предстоящем водовороте событий...

...А в подвале жизнь продолжалась своим чередом. Эх, не знал я тогда про этого иностранца, а то бы во двор выскочил и морду когтями ему гниде разорвал. Мол, знай наших. Я здесь в подвале крутись, без пропитания оставайся, чтобы этот буржуй все испортил... Мне бы, может, медаль дали «За отвагу», да что уж теперь говорить.

Завхоз суетился, старую мраморную лестницу покрыли ковровой дорожкой, стулья новые в комнату притащили, и полы вымыли с порошком. А следующим вечером остановились у заснеженного института такие машины, которых я сроду не видел. Ну да, на телевизоре когда парад на Красной площади происходит, тогда видел. Едет в такой машине какой-то дурак, орет: «Здравствуйте, товарищи», а те отвечают: «Здравствуйте, товарищ маршал Советского Союза!». Глупость какая-то. Но машины хорошие, большие, черные, а номера-то. От такого номера мороз по коже идет, жутко становится. Например, 00-02 МОС. Значит, второй человек в государстве. А президент ихней Академии на меня никакого впечатления не произвел. Старенький, лысый как фантомас, да и номер у него 02-47 МОС. Это значит, что он в стране за номером 247.

– Здравствйте товарищи, – президент обладал глубоким и низким голосом. – Андрей Михайлович, не хотите ли выпить да и закусить... Эх он к нему по-панибратски. Чего-то тут не так. Ах, ну конечно, они же там за первыми номерами все больные, жить-то всем хочется. Можно и ученого ублажить, хамство его потерпеть...

– Одну минуточку, товарищи, – Сергей Васильевич поспешно вмешался в разговор. – Тут у нас интересный эксперимент один проведен, мы бы хотели Вам его продемонстрировать. Перед тем, как выпивать, мы снимем ваши руки с помощью этой новейшей камеры. – А Вы, это, – Андрей Михайлович нахмурился. – Там никаких опасных излучений нет? – Да что Вы, – Сергей Васильевич развел руками, – мы только измеряем Ваши собственные излучения. Словом, это не более опасно, чем телевизионная камера. – Ну давайте, – Советник недоверчиво протянул вперед руку. Рука была почти что вся синей, но на кисти еще было видно слабое мерцание малиново-фиолетовой волны. Сергей Васильевич хотел что-то сказать, но, сглотив, сдержался. – Ну ладно, – Андрей Михайлович довольно сел в кресло. – Как говорится, не будем тянуть. Что будете пить, товарищи ученые? Красное вино? – Не приведи Вас господь... Вы подумайте, какой яд вы в себя впускаете... – Президент поморщился. – Это Вы о чем, Николай Петрович? – Советник генерального секретаря при слове «яд» побледнел. – Да посмотрите. Вы красное вино пьете, а выходит из вас, извиняюсь, какого цвета жидкость? Белая? То-то и оно. Вся краска по законам природы у вас в почках оседает. А водочка, она белая, как вошла, так и вышла... – Президент довольно рассмеялся. – Вот ученые, молодцы... – Советник Генерального Секретаря приободрился и заметно успокоился. – Наука все неявное делает явным. Молодцы... Ну давайте, за встречу, за победу социализма во всем мире... – Вот, – президент указал на Сергея Васильевича с Аликом. – эти люди и должны разобраться в том, как происходит таинственное оздоровление наших уважаемых руководителей. – Да, товарищи, – обладатель машины за вторым номером в государстве неожиданно стал серьезным. – Что-то вы затягиваете решение вопроса, партия и правительство пошли Вам навстречу, выделили ставки, прописку в столице нашей родины городе Москве для ценных сотрудников, фонды в иностранной валюте. Вы представьте, сколько труда, кропотливого и тяжелого, шахтеров в забое, нефтедобытчиков, вложено в то, чтобы Вас обеспечить ценным и необходимым импортным оборудованием. Стыдно должно быть, товарищи, стыдно. – помощник генерального немного увлекся в пафосе, в результате Сергей Васильевич побледнел, и, неожиданно встрепенувшись, перешел в наступление. – Андрей Михайлович, – убедительным тоном начал он. Его широкое, простое русское лицо внушало доверие и даже некоторое уважение. – Мы бы с удовольствием, поймите, люди в

лаборатории до ночи сидят, камеры сооружают, энтузиазм как на первых стройках пятилетки. – Вы все-таки это, того, не затягивайте. – Андрей Михайлович насупился. – Мы здесь удивительные вещи обнаружили, – Сергей Васильевич широко улыбнулся. – Давайте теперь, после того как Вы выпили, на руки ваши посмотрим. Смотрите, какая картинка красивая. – Померкшее свечение малиновой волны разгорелось с новой силой, и рука советника пылала как факел. – Ай-да ученые, ну и молодцы! – Андрей Михайлович крутил свою руку перед экраном и так и эдак. – Более того, – проникновенно понизив голос произнес Сергей Васильевич, – по нашим предварительным данным, с помощью таких картинок можно будет определить, что именно человек выпил. Например, от коньяка изображение получается совершенно красным. – Молодцы, молодцы, – советник как замороженный следил за игрой цветов на своей грубой мужицкой руке. – Да, – неожиданно вмешался президент академии. – Товарищи очень полезные вещи делают, смотрите картинки у них на экране какие, разноцветные... – лицо президента осветилось детской улыбкой. – Здорово, неужели все видно? – Член ЦК никак не мог успокоиться. – Я к вам из ЦК с визитом делегацию приведу, это же, можно сказать, за живое задевает. А у ...– Андрей Михайлович понизил голос, – у целительницы, у нее с этим делом как? – Нормальные руки, – сжав губы решительно произнес Алик. – Ну, правда с некоторыми аномалиями, – Сергей Васильевич подмигнул Алику, но Вы не волнуйтесь, мы с ней разберемся. Необходимы некоторые дополнительные эксперименты. – Я считаю, – член ЦК приобрел торжественный вид, – что Вы обязаны разобраться в природах феномена и дать отчет очередному съезду КПСС. Это, можно сказать, ваш гражданский долг. Держите меня в курсе. Трудовых успехов вам, товарищи...

– Сергей Васильевич, дорогой, доставьте старику удовольствие, нельзя ли еще одним глазком на ваши картинки цветные посмотреть? – лицо Президента снова озарилось наивной улыбкой. Он как замороженный впился в экран, словно впитывая в себя мелькание красок. – Чудесно, удивительно. – президент замолчал на минуту, медленно причмокивая губами. – Я думаю, членам ученого Президиума академии этот ваш опыт с руками будет крайне интересен. И вот как удачно, у нас сейчас проходит конгресс борцов за мир и разоружение. Так что не обессудьте, я к вам пришлю делегацию. – Конечно, о чем вы говорите, – Сергей Васильевич был крайне любезен и подмигивал Алику. – Пусть все академики приезжают, мы организуем все как следует, покажем. – На лице у Алика появилось страдальческое выражение. – Ну что же, Сергей Васильевич, – президент вздохнув пожал ему руку, – спасибо, от всей души. Дела ждут, знаете, заседания... Но картинки у Вас замечательные, порадовали Вы меня. – Заходите еще, – директор суетился, забегая то вперед, то назад, и радостно улыбаясь. – Ну Алик, спасибо, – улыбка еще держалась на его лице после того, как президент вышел из комнаты. – По-моему все прошло замечательно.

Телефон неожиданно ожил и зазвонил как-то особенно напористо. – Если еще какие-нибудь экскурсии пригласят, все брошу и уйду назад заниматься экспериментами. – Алик раздраженно махнул рукой и отошел в сторону. – Делайте что хотите. – Да, – Сергей Васильевич слушал внимательно. – Да, – голос его прервался и рот раскрылся от изумления. – Жду, соединяйте. – Кто там еще? – Алик сердито перебирал на столе бумаги, но, увидев оторопевшего директора, замер с листочком в руке. – Здравствуйте, Леонид Ильич. Конечно узнал, лично с Вами не встречался, но... Да, так сказать провели первый эксперимент. Конечно, надо продолжать, мы все сделаем, что от нас зависит. Спасибо, спасибо. Зачислить ее в лабораторию профессором? – Сергей Васильевич потерял дар речи, но, подавившись, очнулся. – Нет, мы в принципе не против, но я бы рекомендовал для начала ставку старшего научного сотрудника. А то знаете, слухи пойдут... Да, для начала, а там если она диссертацию подготовит... Конечно, огромное Вам спасибо. С завтрашнего дня оформим. Спасибо за заботу.

Директор положил трубку, обхватил голову руками и опустился на стул. – Не может быть, – Алик выронил листок. – Поздравляю тебя, – Сергей Васильевич неожиданно начал истерически смеяться. – С завтрашнего дня у тебя в отделе работает новый старший научный сотрудник, который тебе объяснит, как, что и когда надо включать и выключать. – Слушай, – Алик схватился за голову. – Пожертвуй собой ради науки, сунь руки под камеру. У меня в сейфе стоит бутылка коньяка, давай напьемся...

## **Глава 8. Экскурсии.**

С этими визитами они совсем обалдели. Житья никакого не стало, суматоха, ребята все красные бегают, завхоз совсем нервный стал, сигареты свои без фильтра курить начинает, делает две-три затяжки, об стену гасит и бежит что-нибудь из отдела снабжения выбивать. Самое что неприятное и вредное для организма во всей этой истории, это то, что меня кормить начали забывать. Я уж и ору, и когти выпускать начал, не крыс же из вивария есть в самом деле? А теперь уже и крик мой не действует, как делегации из развивающихся стран пошли, так меня за дверь выставляют. Я сам себе удивляюсь, как это только я такое терплю. Тараканов этих уже жрать готов. Эх, а было бы кого жрать. Уж не знаю, каким образом, а амазонские тараканы из нашей комнаты решительно исчезли. То житья от них не было, ползли из всех щелей, так что я даже задремать боялся. Кому приятно будет, когда такая здоровая гадина тебя в бок укусит? А через неделю, как делегации пошли, этих тварей как ветром сдуло. Как будто и не было их иногда. Даже грустно как-то.

А дама эта, «феномен», как они ее называют, не зря мне сразу не понравилась. Каждый раз как она в лабораторию вечерами заявляется, я в угол прячусь и там сижу. И типы с ней какие-то странные, да и сама она, скандалит, заявляет, что ее профессором назначили. «Включайте все свои приборы», – говорит, – «Я сама все измеряю и все объясню». А хозяин нервничает, приборы-то молчат, не показывают ничего.

Жизнь сумасшедшая стала. Каждый день с утра и до вечера визитеры. Если визитеры важные, у входа охранники стоят и черные правительственные машины. Вот недавно приехало несколько мужиков из ЦК в серых костюмах и галстуках, лица у всех важные и одутловатые. Ну им, как полагается, руки до, руки после. Они рты от удивления раскрыли, глазами хлопают. А руководители братских компартий? От этих вообще с ума сойти можно было, откуда ни возьмись официантки набегали, поставили посередине комнаты стол с напитками и закусками, так что развернуться негде стало, и совсем кошмар пошел. При каждом старичке переводчица молоденькая, косметикой несет, шумно, деятели эти лопочут на своих языках, а им приборы показывают. Один из них на меня чуть не наступил, когда набрался как следует. Ну и понятное дело, руки до, руки после, и каждому персональную цветную распечатку. Президиум для этой цели новейший цветной принтер выделил. Ученые, которые за мир борются, эти еще ничего, речи произносили, а один расчувствовался и детскую песенку спел. И все равно, все попойкой закончилось. Хозяин-то пить не может, да и не любит, он приспособился, в рюмку наливает минеральную воду или чай. Пару раз, правда, и ему выпить пришлось, так он до ночи ходил, стонал и за голову держался.

А дальше еще хуже пошло. Как цепная реакция, слухи о лаборатории поползли и всем неожиданно безумно захотелось ее посетить, товарищи из ЦК своих жен привели, потом любовниц, потом других товарищей из районных комитетов, академики, так те валом пошли. Некоторые из них ничего, энергичные, а один в кресле во время визита заснул. Ему уже наверное лет девяносто было, взял и натурально захрапел, при ходьбе его двое заместителей директора поддерживали. А жена у него была молоденькая, лет двадцать, не больше. И чего это она в этом старом пне нашла... Убегу я, ей-богу, сил больше терпеть никаких нету это издевательство...

Дверь снова приоткрылась, и Алик инстинктивно сжался, словно собираясь бежать куда глаза глядят, но слегка расслабился, увидев за дверью жизнерадостного директора в сопровождении брюнета с жгучими глазами. – Сергей, – я уже не знаю куда бежать. Все эти визитеры замучали. – Ты о чем, Алик? – небрежно отозвался директор. – Слушай, ты у себя за охранниками с пистолетами в своей дирекции прекрасно сидишь и в ус не дуешь. А мне приходится отдуваться, ты знаешь, сколько экскурсий у нас за последние недели перебивало? – Ну ты потерпи, Алик, ничего страшного. – Сергей Васильевич пожал плечами. – Знакомся, Лев Ефимович Голодный, известный Московский журналист. – директор кивнул головой в сторону брюнета, брезгливо поджавшего свои слегка отвисающие губы. – Читал наверное в «Вечерке» очерки про историю Москвы, про Гиляровского... – Не помню, – Алик страдальчески сморщился, но брюнету руку пожал. – Вы извините, жизнь сумасшедшая. Вы, собственно, что, тоже хотите на наши картинки посмотреть? Вы извините, установку мы

включим, но пейте сами, я не могу, у меня уже и так язва начинается. – Здравствуйте, – Лев Ефимович поморщился. – Да нет, вы меня не за того принимаете. Я же журналист. Я всех ваших подопечных первый на божий свет вытащил. Чуть эта Адриана в Питере объявилась, я быстро сработал, раз и в «Смене» статейка «Непознанные тайны человеческого организма». И эту вашу старшую и научную ведьму я тоже из говна своими руками вытащил. Ну сейчас мне печататься не дают, вы сами понимаете. Эта наша целительница на такие верха прошла, что лучше туда и не заглядывать. По головке не погладят. А вот про вашу лабораторию я подвальчик в «Вечерке» тисну. И про руки, которые от водки краснеют. – Они от коньяка краснеют, – авторитетно вмешался директор. – А от водки такими пурпурными становятся, с синевой. – Я Вас умоляю, – Алик побелел. – Сергей, – с паникой посмотрел он на директора. – Ну что же это делается, да если он в газете про нас напишет, ведь всем сотрудникам совсем житья не станет. Нет, слушай, давай-ка звони в ЦК, пусть ставят на входе взвод чекистов с пистолетами. – Да ты что нервничаешь, Алик. – директор махнул рукой. – Выборы в Академию скоро, вся Москва о нас будет говорить. Ты видишь какой успех с этими твоими картинками, вся Россия о нас говорит! – Вы, Александр Константинович, – снова поморщившись произнес брюнет, – имейте ввиду. Так и будет написано: «Лабораторией руководит ее бессменный руководитель, Александр Константинович, под руководством директора Института, действительного члена Академии Наук СССР...» – Нет, я умоляю Вас! – Алик всплеснул руками. – Это для нас будет все равно, что смерть. Мы уже и так работать не можем. – Да не преувеличивай... – Сергей Васильевич хотел что-то сказать, но не успел, так как из коридора послышался шум, совершенно непонятно откуда взявшийся звон разбитой посуды, и в комнату пошатываясь влетел раскрасневшийся завхоз, на которого наседали двухметрового роста бугай с красно-багровым лицом. В руке бугай почему-то держал панцирь черепахи. – Алик, – Завхоз сдерживал насколько мог верзилу, – прет как танк, он же меня в два раза больше... – Товарищ, – начал Сергей Васильевич, но осекся. Лев Ефимович Голодный с живым интересом следил за происходящим, профессиональным движением достав из кармана блокнотик с шариковой ручкой. – Вот вы, – загремел бугай. – Пора уже науке понять про роговые оболочки. – Послушайте, – директор начал раздражаться, – вы бы хоть представились, а то что за безобразие? – Да я с Киеву ночь в поезде в плацкарте ехал. – Мужик протянул панцирь черепахи к Алику. – Ну чего, ученые столичные, моща-то какая прет. Чуете? Панцирь этот в пустыне лежит под солнцем, год, три, пять, ультрафиолет светит, а он энергией заряжается... Вот я и думаю, взять бы эту энергию и в народных целях. Алкоголиков излечивать. Да у меня из двадцати трех алкоголиков двадцать два излечилось... Только панцирь ему к паховой области приставлю, он капли в рот больше не возьмет. А уж про потенцию и не говорю! – Послушайте, товарищ, вы откуда про нас узнали? – Эх, Москва да Киев слухами полнятся. – Мужик вдруг внимательно посмотрел на Алика. – Га, батенька, да у вас аура зеленая и веревочками вьется. Чай пьете излишку? – Да ну вас к черту, я совсем не пью.

Тут ворвались в комнату два милиционера, вызванные испуганным неистовым натиском незнакомца завхозом, и ловким, профессиональным движением бугая скрутили.

– Изверги, сионисты проклятые – мужик выронил панцирь, извивался, но, зажатый в тиски блюстителем порядка, был уведен восвояси... – Ну, вы видите? – Алик в изнеможении поднял с пола панцирь и опустился на стул. – Ей-богу, мне моя прошлая жизнь ночами снится. И ведь чувствую, есть что-то за тем, чем мы занимаемся, есть... Сергей, умоляю тебя, выдели нам на пару дней институтского охранника, пусть на входе пропуска спрашивает, хрен с ним... – Да, – Сергей Васильевич был впечатлен. – Сколько лет в Институте работаю, такого не видел. Ты, Алик, связи со Львом Ефимовичем не теряй, он человек в Москве известный. Может подсобит когда. – Да, спасибо, – Алик рассеянно кивнул головой. – Очень приятно было познакомиться. Вы нас, все-таки извините, работать надо... – И он, пожав гостям руки, склонился над письменным столом, страдальчески потирая раскальвающийся затылок. Какое-то странное, тревожное чувство не оставляло его, когда он вспоминал черные вьедливые глаза журналиста, и каждый телефонный звонок заставлял его испуганно вздрагивать.

В это самое время в большом сером доме на проезде Серова творились события странные и, как понятно было бы любому мало-мальски трезвому уму, ничего хорошего не обещающие. Еще с утра подкатили к подъезду черные правительственные машины, вылезли из них упитанные, с бледноватыми лицами мужчины в плотных серых пальто с каракулевыми воротниками, и прошли внутрь. Потом снова подкатили автомобили, вытряхнувшие из своего чрева таких же мужчин, но одетых в зеленые шинели с большими золотыми генеральскими и

маршалскими звездами. Из следующей вереницы машин вылезли неотличимые по внешнему виду от предыдущих мужчины, но цвета у них были другие. Те же золотые огромные звезды, но шинели черные. Всех поглотило здание как голодный зверь. В большом кабинете, за столом, покрытым зеленым сукном, шло совещание, которое, как это не прискорбно, решало судьбу Советского государства, да и всего мира, только присутствующие об этом еще не догадывались... Если бы дано было им об этом тогда знать, кто знает, как бы поступили они, но по счастью даром предвидения обладают лишь немногие представители гомо сапиенс, а в этом кабинете тогда их не было, да и по-видимому быть не могло.

Наследили, наследили швед с американцем, плеснули масла в огонь. Написал загорелый американец своей проклятый отчет, пересняли его секретные агенты КГБ, и попал он в достопочтенное ведомство, расположенное по соседству с магазином «Детский Мир». Под грифом «Совершенно Секретно» лежал на столе доклад о преступной халатности ответственных товарищей, и допустивших, и неуследивших. И об интересе спецслужб Запада к некоторым исследованиям, проводимым Академией Наук. И о необычно сильном влиянии удивительной дамы на оздоровление верхушки политбюро ЦК и лично...

– Мы здесь, товарищи, собрались по чрезвычайной важности поводу. – Выступающий был строг лицом и полон осознания ответственности момента. – Вы наверное знаете, что именно происходит сейчас. Можно сказать, Политбюро в значительной мере живо благодаря удивительным способностям человеческого организма. Но, к сожалению, на мой взгляд, допущена непростительная халатность и утечка информации спецслужбам США. По нашим данным, Пентагон разворачивает крупномасштабную программу исследований с целью оставить СССР позади и перехватить инициативу. У нас теперь только один выход. Поскольку недавно созданная лаборатория при Академии наук получила, прямо скажем, нежелательную огласку, нам необходимо развернуть секретную, серьезную, комплексную крупномасштабную программу в рамках военно-промышленного комплекса. Я думаю, у наших военных достаточно сил и инженерно-конструкторского потенциала, чтобы с этой задачей справиться. – Федор Петрович, – с места поднялся генерал. – А почему, собственно, не издать директивное указание от ЦК с тем, чтобы работы в Академии Наук всячески засекретить, ограничить доступ... – Товарищи, дело к сожалению приобрело такой оборот. – Федор Петрович прокряхтел. – Мы тут проконсультировались с компетентными органами. Поскольку спецслужбы США и стран НАТО этим вопросом уже заинтересовались, нам представляется, что лаборатория эта может послужить надежным прикрытием для настоящей серьезной программы. Так сказать, источником сознательной дезинформации. – А вдруг они что-нибудь откроют? – генерал недоволено засопел. – Опасная это игра. – Нет, товарищи. Мы позаботились об этом. Экстрасенсов больше в эту лабораторию пускать не будем... А ученых ориентируем на решение важных оздоровительных задач, например на борьбу с алкоголизмом. Тем более, что они провели ряд чрезвычайно интересных разработок на эту тему. Потери нашего общества от чрезмерного потребления алкоголя составляют сотни миллиардов рублей. Так что ученых мы обезвредим. Мы уже приняли соответствующие меры. Надо еще учесть, товарищи, – Федор Петрович понизил голос. – Ситуация особенно осложняется тем, что нам необходимо не волновать Леонида Ильича, тщательно контролировать информацию, которая к нему поступает... Смогут ли наши военные организации немедленно приступить к работе? – Я думаю, что да. – с места поднялся пожилой адмирал с белесыми глазами. Нам необходимо будет получить консультацию у академиков, дело для нас новое, но я уверен, что проблему эту мы решим. – Ну что же, товарищи, – голос Федора Петровича стал торжественным. – Действуйте с полной ответственностью. За работу.

## **Глава 9. Броня крепка.**

Боже милостивый, – Алик нервно ходил из угла в угол, мучаясь от головной боли. – Что же это такое, что их как прорвало всех?

Визитеры практически парализовали работу лаборатории. Правда, сегодняшняя экскурсия была необычной – Алик ожидал высокопоставленных гостей из Генерального Штаба. Накануне Алика вызывали в КГБ, предупредили о том, что визит является чрезвычайно секретным, никто не должен о нем знать, и взяли многочисленные подписки. К тому же, с целью соблюдения секретности всех без исключения сотрудников срочно отправили на овощную базу для разгрузки капусты. – Александр Константинович? – голос в трубке был бодрый и по-военному четкий. – Капитан Вороньев, из Генерального штаба. Делегация отбыла к Вам полторы минуты назад. – Да, спасибо. – Алик с раздражением бросил трубку и почему-то вспомнил с испугом черные, жгучие глаза известного журналиста. – Чертовщина какая-то, – он сердито бросил карандаш на стол и начал быстро ходить по комнате, потирая виски. – Александр Константинович? – в двери показалась группа военных. Впереди шел полковник с холодным, немигающим взглядом. За ним Алик разглядел относительно молодого генерала и адмирала в черном кителе. – Да, собственно, чем могу помочь? Видите-ли, лаборатория наша только что организовалась, мы еще на начальной стадии исследований. – Мы хотели бы посмотреть на ваши установки и, возможно, обсудить некоторые проблемы, имеющие взаимный интерес. – Генералы переглянулись. – Ну пожалуйста, – Алик тяжело вздохнул и повел посетителей к приборам. – Вы наверное слышали, что так называемые экстрасенсы в некоторых случаях заявляют о том, что они способны дистанционно воздействовать на состояние организма других людей. Я совершенно в это не верил до тех пор, пока не увидел удивительную женщину в Ленинграде, обладающую феноменальными способностями. Она могла передвигать небольшие предметы, сожгла нам усилитель... – Адриану Сергеевну? – нахмурившись спросил адмирал. – Да. Так вот, когда мы с Сергеем Васильевичем, он директор нашего Института, получили задание разобраться с этими странными явлениями, мы решили подойти к делу серьезно и начали создавать приборы для измерения физических полей и излучений, которые могут существовать вокруг организма. Например, я сейчас убежден, что те явления, которые нам демонстрировала Адриана Сергеевна, могут быть объяснены сильным электростатическим полем. Другой вопрос, каким образом оно генерируется. Необходимы дальнейшие измерения... – Нам нравится ваш подход, – вступил в разговор один из генералов. – А не занимались ли вы вот такой задачей: какие волны генерирует человеческий мозг и как можно было бы их уловить, а может быть и на них воздействовать. – Ну, это скорее для фантастических романов. – Алик пожал плечами. – Мозг генерирует различные поля, прежде всего тепловое, так как работа клеток генерирует энергию. Электрическое, ведь распространение возбуждения по нейронам носит электрический характер. Вокруг мозга существуют чрезвычайно слабые магнитные поля, на пределе чувствительности современной аппаратуры... Но это все более или менее известно, и многие научные группы этим занимаются. Взять энцефалографию например. В Хельсинки недавно создана научная лаборатория... – А как вы оцениваете величину магнитного поля, – заинтересовался адмирал, – и на каком расстоянии от головы его можно измерять? – Это поле в миллионы раз слабее магнитного поля Земли. – Алик на секунду задумался. – Измерять его можно только в непосредственной близости от головы, ну, скажем, пятнадцать-двадцать сантиметров, так как амплитуда его быстро спадает... – Нет, спадает она не так уж быстро, – холодно заметил полковник с неподвижными глазами. – Ну знаете, – Алик возмущился. – Это же законы физики. – Ладно, ладно, – генерал махнул рукой. – А вот, скажем, как бы вы отнеслись к идее, что если будет создана сверхчувствительная аппаратура, по магнитным полям можно будет прочесть мысли? – Ну, – Алик снова задумался, – я думаю, что это невозможно. Поймите, для того, чтобы такое поле создать, нужно одновременное возбуждение десятков тысяч нейронов... – Хорошо. А пытались Вы измерять, не генерирует ли мозг радиоволны, на каких-нибудь особых частотах. – Нет, это чрезвычайно маловероятно, ведь для генерации электромаг... – А может быть существуют какие-то неизвестные науке поля? – Вы знаете, – Алик тяжело вздохнул, – я физик и занимаюсь физикой. У нас есть своя программа исследований, вполне конкретных. – Да вы не обижайтесь, – адмирал нахмурился.

– Мы вам хотим кое-что объяснить. К сожалению, большая часть информации, которой мы располагаем, является совершенно секретной. В Министерстве Обороны и КГБ разворачивается большой центр по исследованию подобных проблем. У нас есть неоспоримые доказательства того, что человек, обладающий определенной тренировкой, может читать мысли других людей, а также на них воздействовать. У нас даже создан небольшой генератор, усиливающий мысли... Но это между нами... – Если вы все это знаете, тем более создали генератор мыслей, то зачем этот визит? – Алик почувствовал бессмысленность продолжения беседы. – Я вам скажу, что если что-то подобное и существует, то за этими явлениями должна стоять нормальная наука. То, что вы создали генератор, усиливающий мысли... Кстати, как вы его проверяете?

– Ну, – адмирал замялся и начал шептаться с генералом и полковником. – Вообще-то это совершенно секретно. – Ну все-таки, мне просто интересно. Скажите, вы проводите какие-то измерения? – Честно говоря, нет. Генератор просто стоит рядом с человеком, передающим мысли, а офицер, читающий мысли, находится в другом почтовом ящике, и мы сравниваем частоту правильных ответов... – Ну знаете, – Алик махнул рукой. – Погодите, – адмирал взял Алика за рукав. – Мы к вам за этим и пришли. Помогите нам основать научную группу по измерениям. Вот у вас камеры какие-то, приборы... – Первое, что я вам посоветую сделать, – Алик начал сердиться. – Вы можете без труда создать камеру, экранирующую электрические поля и электромагнитные поля определенных диапазонов. Поставьте ваш ящик в такую камеру или, еще лучше, выключите его тайком от этих Ваших телепатов, и увидите, что результат будет такой же. Или, еще лучше, посадите того, кто якобы мысли угадывает, а того, кто их «передает» попросите этого не делать, это называется слепой эксперимент... – А камеру, экранирующую магнитные поля, сложно сделать? – Генерал достал из кителя блокнотик и начал что-то записывать. – Ну, такие камеры можно купить за рубежом. Их выпускают для космической промышленности, но они очень дорогие... – А если я к вам пришлю офицеров для консультации, поможете? – Да помочь помогу, а зачем, вам, собственно, всем этим заниматься. Ну я понимаю, очень хочется мысленно скомандовать вражескому генералу дать залп по своим солдатам. Или прочесть мысли у шпиона... Или командиру на поле боя дать мысленную команду своим подчиненным. Например, если нормальная радиосвязь откажет... – Вы зря иронизируете. – Полковник недобрим взглядом посмотрел на Алика. – Вы почему-то все подвергаете сомнению, а тем не менее я вам скажу, что у нас в штабе работают специально обученные офицеры, обнаруживающие американские подводные лодки силой мысли. Они сосредотачиваются, а затем отмечают на карте местоположение подлодок. Работает лучше любых локаторов... – Да будет вам, – Алик махнул рукой. – Я бы больше доверял показаниям приборов. – Между прочим, – полковник явно невзлюбил Алика, – Пентагон также активно занимается подобными исследованиями. У нас есть секретные данные о том, что американские военные создали специальный институт. Уж не хотите ли вы, чтобы СССР отстал от стратегического противника в этой области? – Все-таки имеют место какие-то излучения. – Адмирал задумался. – Вот, например, почему вы думаете, что слабые магнитные поля... – Послушайте, – Алик устал от продолжительного разговора. – Я не хочу знать никаких секретов, избавьте меня. У нас практически стоит важная работа... – Так вот, мы только один раз просим вас сделать экспертное заключение. Вы понимаете, что все это совершенно секретно, и в случае утечки информации... – адмирал холодно посмотрел на Алика. – У нас сегодня отчитывается полковник, руководитель Сибирского филиала. Мы вас очень просим приехать. – Послушайте, очень вас прошу, можно как-нибудь без меня обойтись? – Только один раз, Александр Константинович, а потом проконсультируете офицеров по поводу экранированных камер, и мы вам больше надоедать не будем. Слово офицера... А по поводу мозговых волн подумайте, если какие идеи в голову придут, добро пожаловать, звоните по прямому телефону. Прошу в машину.

Секретный отчет проходил в просторном зале, и у Алика зарябило в глазах от обилия мундиров. У большого плаката стоял полковник с указкой. Он откашлялся, и военные как по команде достали блокноты и приготовились конспектировать.

– Тема сегодняшнего отчета, – откашлялся докладчик, – «О влиянии радиоволн на утомление психики потенциального противника и на омоложение рядового состава войск».

В зале возникло минутное оживление, и пронумерованные листочки блокнотов зашелестели.

– В нашем центре, – продолжал полковник, – мы давно интересовались вопросом влияния сильного электромагнитного излучения на мозг противника. Для проведения экспериментов было решено в качестве источника излучения использовать радиолокатор стандартный, миллиметрового диапазона, модель РЛ 291. Для начальных экспериментов мы использовали различные живые организмы, в частности аквариумных рыбок. Было подготовлено два аквариума с рыбками, причем один установлен вне поля излучения локатора, а второй в фокусе раскрыва антенны. После ряда экспериментов было установлено, что рыбки, подвергаемые действию излучения становились сонными и вялыми гораздо быстрее необлученных рыбок.

– Боже мой, – подумал Алик, – а если у него аквариум просто нагревался? В фокусе радиолокатора какая огромная мощность должна быть...

– Затем мы поставили опыты на домашних животных, используя сибирских котов. Но, товарищи, с котами нас постигла неудача, так как животные из раскрыва антенны убегали. Поэтому было решено провести эксперименты на солдатах нашей воинской части. Было отобрано двадцать рядовых возраста 19 лет, с хорошим здоровьем.

Алику стало нехорошо. Он попытался вскочить с места, но сдержался. Взглянув вокруг, он отметил, что на присутствующих в зале использование рядового состава для странных опытов в мощнейшем электромагнитном поле не произвело решительно никакого впечатления. Офицеры продолжали глубокомысленно конспектировать докладчика.

– В результате было установлено, что рядовые, просидевшие сорок минут в поле излучения радиолокатора, засыпали в 85 процентах случаев, в то время, как рядовые, полю не подверженные, засыпали всего в пятнадцати процентах случаев. Хотя наша работа требует дополнительной проверки на личном составе различных возрастных групп, мы выступаем с рекомендацией по изготовлению мощных облучателей армии противника с целью подавления ее боевой и морально-психологической активности.

Более того, товарищи, обнаружен удивительный эффект. При модуляции поля радиолокатора биотоками мозга начальника части, некоторые облученные рядовые демонстрируют удивительные признаки омоложения. У них выпадает борода и усы, уменьшается волосяной покров в районе половых органов, а также ног и груди, утоньшается голос и проявляются прямо-таки детские черты. Этот эффект необходимо как следует изучить.

В зале зааплодировали. Алика неожиданно начало мутить, он с трудом поднялся с места и бочком начал продвигаться к двери, а увидев устремленные на него белесые и неподвижные глаза полковника, сидящего в соседнем ряду, неожиданно рванулся вперед и выбежал на лестницу. – Товарищ Прудик... – Из-за двери возник капитан в черном кителе и два лейтенанта с подозрительными лицами. – Не убегайте. Уделите нам пять минут для консультации, и вы свободны. – Для какой еще консультации? – Алик подозрительно посмотрел на военных. – По поводу камеры, экранирующей магнитные излучения. – Капитан широко улыбнулся. – Мы хотим целый подвал экранированный построить. Работы уже начаты, солдаты цемент в фундамент заливают. Скажите, если мы камеру из нержавеющей стали или брони делать будем, магнитные поля заэкранируем? – Да вы с ума сошли, – Алик возмутился. – Во-первых, объясните мне ради бога, какие поля вы хотите экранировать и зачем. – Товарищ профессор, так как насчет камеры? – наседали сердитый капитан. – Да делайте из брони, – почти что в истерике крикнул Алик. – Чем толще броня, тем меньше излучений пройдет, это все равно что снаряд. – Спасибо товарищ профессор, – капитан радостно улыбнулся и исчез за дверью.

В панике спустившись по длинной мраморной лестнице, Алик выбежал из здания прямо навстречу начинающим подтаивать под ярким солнцем грязноватым сугробам. По улицам спешили, озабоченные насущными делами и ни о чем не подозревающие Москвичи и гости столицы.

## **Глава 10. Вечерняя Москва.**

Открыв через пару дней «Вечернюю Москву», Алик с ужасом увидел жирный, набранный свежим шрифтом, пахнувший черной типографской краской заголовок:

« Москва Ведьмам не Верит» Л. Голодный

«По поручению ЦК КПСС ученые ведущего Академического института, расположенного в дворике старого Московского университета на улице Герцена, бывшей Моховой, наконец-то занялись серьезными исследованиями экстрасенсов и просто ведьм. В истории Москвы, а особенно Моховой улицы, которую так любил знаменитый Гиляровский, нечистая сила играла особую роль...»

– Что, что он написал! – Алик в ужасе схватился за голову. – И адрес указал, это же полная катастрофа.

«Доктор физико-математических наук Александр Константинович Прудик и академик Сергей Васильевич Валяев возглавили это перспективное исследование... Мы долго смотрели на удивительное, не имеющее зарубежных аналогов оборудование, на горящие энтузиазмом глаза ученых... Используя неуловимые слабые излучения, испускаемые в пространство человеческим телом, ученые научились бесконтактным образом определять наличие и химический состав алкоголя в крови хронических алкоголиков. Исследователи не обходят вниманием и новые, перспективные направления развития науки. «Пора, пора исследовать роговые оболочки,» – сказал профессор Прудик, зажав в руках коричневый панцирь черепахи. – «Это естественный генератор мощного ультрафиолетового излучения, и, возможно, экстрасенсы используют его для воздействия на человеческий организм...» Особо перспективным оказалось применение этой таинственной энергии для излечения алкоголизма. По словам академика Валяева, почти 100 процентов хронических больных возвращаются к нормальной общественной жизни после одного-двух сеансов, проведенных в удивительной, дарящей людям радость трезвой жизни лаборатории.»

– Мерзавец, – застонал Алик. – Ведь это конец, теперь нам срочно отсюда бежать надо. Или охрану на входе поставить... – он дрожащими руками схватил телефон и набрал номер дирекции. – Алло? – директор был бодр. – Сергей, ты читал «Вечерку»? Это же провокация, они с ума сошли, какие черепахи, какие алкоголики? Нам надо немедленно дать опровержение! – Алик, Алик, не кипятись. Ничего страшного не произошло. Кстати, наши картинки с руками медиков чрезвычайно заинтересовали. Мне сегодня уже звонил заместитель министра здравоохранения, нашу лабораторию включили в состав комплексной программы по проблеме алкоголизма в городе Москве и Московской области. Меня назначили научным руководителем программы, тебя ответственным исполнителем. – При чем здесь алкоголизм, я не понимаю! – Алик, дело несложное. У тебя на картинках все видно, прогоним несколько групп алкоголиков, напишем отчет, а в свободное время будем заниматься наукой. – Да это чепуха какая-то! – Алик, решение принято на высоком уровне. И потом, Институту это будет полезно, участие в государственной программе. Ты там сидишь, наукой занимаешься, а мне сотрудников надо на овощные базы и в колхозы посылать. Ты что, ребенок что-ли? – Да идите вы все, в конце концов! – Алик в раздражении бросил трубку и тут же раздался телефонный звонок. – Александр Константинович, – из трубки слышался взволнованный голос начальника первого отдела. – Что делать? В проходной института какой-то странный тип, скандалит и требует Сергея Васильевича. Я его к Вам пошлю. – Нет уж, Юрий Иванович, увольте! – Алик затрясся от ярости. – Сергей Васильевич пусть с ним и разговаривает. – Да вы понимаете, – начальник первого отдела почему-то заговорил шепотом, – он утверждает, что он экстрасенс... – Вот Сергею Васильевичу это как раз будет интересно! И когда он с ним встретится, напомните ему про известного Московского журналиста!

Алик нервно заходил по комнате, но не прошло и минуты, как в двери возник изможденный пожилой мужчина. – Вы к кому, гражданин? – Алик напрягся и приготовился к неприятному разговору. – Спасите, товарищи. – Мужчина грохнулся на колени. – Никакие лекарства не помогают. Пью и пью, жена из дому выгоняет. Мне бы панцирю черепахового. – Мы этим не

занимаемся, – жестко произнес Алик. – Вы попали не по адресу. – Так в газете же адрес указан! – мужчина достал из кармана засаленный газетный обрывок. – Там чушь написана, наврали они все. – вступил в разговор Саша. – Наврали? – посетитель непонимающим взглядом посмотрел на Сашу. – Как же это? – Он обескуражено замолчал, и неожиданно лицо его исказилось злой гримасой. – В советской газете наврали? Вы, товарищи, выбирайте выражения, мы хоть люди и простые, но тоже свое соображение имеем. – Саша, – злорадно сказал Алик. – Дай-ка товарищу адрес Сергея Васильевича. Вы, уважаемый, как в проходную войдете, там отдел пропусков и телефончик такой. Позвоните в первый отдел, вам бумажку оформят, все сделают. – Понимаю... – лицо пожилого мужчины стало многозначительным. – Вы бы сразу так и объяснили, а то наврали...

– Ну, теперь пойдет по инстанциям, – облегченно вздохнул Алик, когда посетитель ушел. Отдел пропусков, первый отдел, дирекция, те в Президиум направят, быстро он назад не явится. – Это катастрофа, – Саша обреченно покачал головой, но фразы закончить не успел. Массивная железная дверь приоткрылась и за ней обнаружилась пара бегающих глазок. Вошедший невысокий лысенький старичок с окладистой всклокоченной бородой, в засаленном ватнике и валенках, с интересом смотрел на Алика. – Вы к кому? – подозрительно спросил Саша. – Это здесь, что-ли, леших исследуют? – Старичок наклонил свою голову набок. – Да что вам надо, собственно? – Ох, не смотри на меня так, красавчик. – Губа у старика задергалась. – Давненько я до вас добирался, долгий и страшный путь мне пришлось пройти. – Он неожиданно принюхался. – Чур. Чур, – закричал он. – Вот в этом, в этом, – старичок затрясся в рыданиях, потом как-то неожиданно, как от толчка успокоился. – Вот в этом кресле десять минут назад сидел какой-то очень, очень нечистоплотный, грязной и черной души человек. – Он подозрительно посмотрел на Алика. – Вижу, вижу глаза твои удлиненные, страшная болезнь ждет тебя. И есть у тебя в комнате младенец с кудрями золотистыми, заберет его Господь... – Да подите вы вон, в конце концов, – Алик выпятил глаза и начал выталкивать старичка из комнаты. – Какое вы имеете право! Нет у меня никакого младенца в комнате, а тем более с кудрявыми волосами. Убирайтесь! Саша, Саша, вызовите милицию. Срочно!

При слове «Милиция» старичок как-то стушевался и исчез в коридоре, вырвав свой старый ватник из рук научного руководителя.

– Это черт его знает что такое! – Алик тяжело дышал и не мог успокоиться. Он вдруг с удивлением почувствовал, что в голове у него что-то расплывается и шумит. Лицо горело, ломили суставы и глухо колотилось сердце. – Да что это на вас лица нет? – Саша испуганно посмотрел на него. – Черт его знает, может быть грипп подхватил. – Алик вдруг ощутил что у него совершенно нет сил и прислонился к книжному шкафу. – Шляются здесь черт его знает кто, заразу разносят. Придется поехать домой и выпить таблетки. Ради бога, не пускайте в лабораторию всякий сброд.

– Алик, тут к тебе с телевидения приехали. – Завхоз появился в сопровождении симпатичной женщины. – Вы извините, по какому делу? – из последних сил спросил Алик. – И вообще, мы заняты, я болен, а вы позволяете себе врываться в лабораторию без предупреждения, не договорившись заранее. – Не волнуйтесь, пожалуйста – у женщины был красивый, слегка вибрирующий голос. – Я как раз и пришла договориться. Программа «Наш быт» сейчас готовит новую передачу о научном подходе к проблеме алкоголизма, лечения больных, вот мы и решили сделать телевизионную передачу о передовых методах лечения. Вы же понимаете, как важно создать у людей положительную установку, внушить им уверенность, что Советская наука с самыми передовыми методами исследования и профилактики занимается этой насущной проблемой. После этой исключительно интересной статьи в «Вечерке»...

– Вы, – с трудом сдерживая бешенство ответил Алик, – Вы лучше позвоните директору нашего Института, Сергею Васильевичу, он, кстати, назначен заместителем председателя по комплексной программе, или чего-то в этом роде. Он гораздо лучше меня разбирается в проблемах, связанных с алкоголизмом, и если захочет, можете снимать все, что хотите. А я поехал домой.

Грипп оказался на удивление тяжелым. Алик провалялся в постели почти неделю, отвечая лишь на телефонные звонки. Голова болела, перед глазами сменялись ленинградская баба,

целительница из ЦК, бесконечная вереница академиков и гостей столицы, борцы за мир, верзила с черепаховым панцирем и генералы с золотыми звездами.

Из лаборатории звонили каждый день, сообщая об успешном отражении атак различных сумасшедших, в изобилии, как выяснилось, населявших столицу СССР. Лабораторию атаковали странные личности, среди которых Сашу особенно потряс известный космонавт, собирающийся организовать экспедицию на Марс. Космонавт привел с собой пожилого изобретателя сверхсветового космического двигателя. Изобретатель несколько часов умолял ученых синхронизовать форсунки, держа в руке истрепанную тетрадку, испещренную непонятными рисунками. Двигатель, по его словам, мог работать только на чистом этиловом спирте, метиловый спирт для цели сверхсветовых путешествий решительно не подходил. Сашу особенно поразило, что выдать канистру спирта для экспериментов изобретатель не просил, и вскоре его удалось отправить в Институт Проблем Механики. Из других курьезных визитов, Саша рассказал ему про пожилую даму, умолявшую сотрудников вызвать для собеседования дух товарища Сталина. Сообщали также, что репортерша из Останкино все-таки добралась до директора, и интервью его должно было уже сегодня передаваться по телевизору.

Вечером, дождавшись начала программы «Время», Алик скептически уставился в экран. В политбюро произошла встреча Брежнева с вице-президентом США и группой американских сенаторов. «Что-то он совсем плох» – подумал Алик. Генеральный секретарь передвигался перед камерой с явным трудом и, казалось, не вполне понимал с кем встречается. Затем прошла информация об ударном труде нефтяников Сибири, высосавших из вечной мерзлоты рекордное количество черного золота. Наконец, очередь дошла до новостей из научных институтов столицы.

Директор давал интервью, сидя напротив компьютера, по экрану которого бежали цветные картинки. В руке он держал микрофон и говорил полным уверенности голосом. – Сергей Васильевич, какие методы доступны современной науке для исследования и лечения алкоголизма? – спрашивала симпатичная ведущая. – В нашем институте, – директор посмотрел в камеру, – разработаны принципиально новые методы исследования человека. С помощью уникальной физической аппаратуры мы можем зарегистрировать малейшие изменения в физических полях, распространяющихся в пространстве вокруг любого человека, особенно те из них, которые вызваны употреблением алкоголя. – Простите, Сергей Васильевич, что я вас перебиваю, – вмешалась девушка. – Неловко даже задавать такой вопрос, но не та ли это самая «аура», о существовании которой столько говорят. – Вы можете называть эти поля аурой, дело не в названии. Речь идет о конкретных физических процессах. Например, если человек выпьет коньяка, сосуды его расширятся, и инфракрасное излучение поверхности его тела возрастет. Наша лаборатория располагает самым современным оборудованием, чтобы зарегистрировать эти изменения в излучении... – Не означает ли это, – снова вмешалась девушка, – что водители, остановленные в нетрезвом состоянии сотрудниками ГАИ, более не смогут увильнуть от ответственности? – Совершенно верно, – директор довольно улыбнулся. – Мы как раз вчера обсуждали с представителями Министерства Внутренних Дел проблемы создания универсального прибора, сочетающего в себе датчик измерения скорости и приемник излучений тела. Представьте себе, милиционер одним и тем же прибором сможет определять факт превышения скорости и принятия алкоголя водителем. Более того, – директор увлекся, в перспективе создание усовершенствованного варианта прибора, который с высокой точностью позволит определить, какой именно напиток, в каком количестве и когда выпил нарушитель. – Удивительно, – девушка мило улыбнулась. – Я думаю, что тем, кто еще надеется обмануть современную науку, это будет хорошим уроком. Мы передавали интервью с директором Института, заместителем председателя комплексной программы по исследованию проблем алкоголизма, ведущейся совместно Академией Наук СССР и Минздравом, Сергеем Васильевичем Валяевым. Спасибо Вам, Сергей Васильевич, и желаем вам и вашим сотрудникам новых творческих успехов.

– Тыфу ты черт, – выругался Алик. – Какие приборы, что за ерунда! – Настроение у него упало, и голова снова разболелась. Но если бы он знал о том, что происходило в секретном центре, расположенном на неприглядном пустыре в одном из новых районов Москвы, настроение у доктора наук этим вечером было бы испорчено безвозвратно.

Посреди просторного пустыря возвышалось огромное белое здание, к которому по только что проложенной дороге одна за другим ехали военные машины, покрытые брезентом. Здание

было огорожено высоким чугунным забором с колючей проволокой, на входе патруль с автоматами проверял пропуска у шоферов.

В подвале здания, глубоко под землей, располагался огромный зал, напоминающий ангар для сборки космических кораблей. В зале копошились сотни солдат в зеленых шинелях, заканчивая бетонировать подходы к массивному металлическому сооружению с броневыми заклепками в стенах, высотой почти что в трехэтажный дом. В экранированную камеру вела тяжелая металлическая дверь с кодовым замком, мигающим зелеными и красными лампочками. У входа стоял солдат с автоматом. Внутри камеры находилась еще одна дверь, тоже с замком и охранником. За ней скрывалась огромная антенна, висящая под потолком и направленная на небольшую комнату, напоминающую современную операционную. Белая кровать с простыней, ремни с застежками, да провода, вот и все, что в ней было. Во всю стену комнаты тянулось стеклянное окно, затянутое крупной металлической сеткой. За окном виднелся зал, похожий на центр управления полетом. Светились экраны компьютеров, ходили офицеры в погонах, нося длинные ленты перфорированной бумаги, стояли огромные серые ящики с большими тумблерами, похожие на допотопные радиостанции времен второй мировой войны.

– Вот, Федор Петрович, – подготовительные работы почти что закончены, через несколько дней будем готовы к проведению экспериментов. – генерал жестом показал на застекленный зал. – Эх, молодцы. – Федор Петрович крякнул. – Это же надо, в рекордные сроки такое отгрохать. А что, омоложение действительно заметно? – У нас пока что имеются только данные, полученные на экспериментальной установке в Сибири. Но результаты потрясающие. Например, недавно один прапорщик прошел несколько сеансов, вы не представляете. Старый служака, лысый, морщинистый, так он на юношу стал похож. Кожа гладкая, шевелюра отрасли, по бабам ходить начал! – Ну и чудеса... – Федор Петрович довольно ухмыльнулся. – Да вы, товарищи, не одну Ленинскую премию за это получите. Это же открытие века! – Да, но много еще неясного. – Генерал нахмурился. – Мы хотим проверить, как действуют сигналы экстрасенса... Вначале проведем опыты на младшем составе, если результат будет положительный... – Я бы и сам на себе попробовал. – Федор Петрович приобрел одновременно сконфуженный и торжественный вид. – Конечно, считайте, что Вы, как руководитель программы, у нас вне очереди. Но я бы все же был осторожен, явление это необходимо всесторонне исследовать. – Давайте поторопимся. – Федор Петрович нахмурился. – Состояние Леонида Ильича, между нами, в последнее время вызывает все большие опасения. Съезд КПСС не за горами... Так что наша стратегическая задача – омолодить товарища Генерального секретаря, да и все Политбюро. Представляете, какая произойдет сенсация! Как раскричится буржуазная пресса? Как падут всякие надежды реакционного империализма на скорый упадок Советского Союза? Мы им еще покажем кузькину мать!

## **Глава 11. Кнопка.**

Встреча с ветеранами партии вконец доконала Генерального Секретаря. Он расчувствовался, кольнуло сердце, стало ужасно душно, золотые звезды расплылись в глазах, и уже два часа он лежал в постели, окруженный врачами, отказывался от инъекций и требовал к себе только даму с удлинненными руками. Казалось, от одного ее вида боль в груди спадет, и все станет как раньше.

В секретариате царила паника, так как целительница решительно исчезла из поля зрения, и никто не знал, где она находится и как ее можно разыскать. Хуже того, вместе с целительницей бесследно исчез и Федор Петрович, курирующий секретные работы по оздоровлению и омоложению руководящего состава. Поскольку держались работы в чрезвычайной тайне, прошел почти час напряженной работы аппарата ЦК, пока удалось выяснить, что и целительница и Федор Петрович находятся на секретном объекте с целью проведения важных экспериментов.

До крайности неудачно было выбрано время проведения сеанса. Ну кто же знал, что состояние Генерального Секретаря именно в течение этих двух часов так зловеще ухудшится? Медики, следившие за его здоровьем, хотя и отмечали некоторое осложнение ситуации, тем не менее совсем не предсказывали каких-либо эксцессов в ближайшее время.

Спустившись вместе с дамой и свитой генералов на лифте в бетонированный подвал, Федор Петрович подошел к бронированной камере. Лейтенант, стоящий у двери отдал им честь. – Чего бы не случилось, нам не мешать и эксперимента не прерывать! – скомандовал генерал. Лейтенант снова отдал честь и вытянулся по стойке смирно, после чего огромная металлическая дверь наглухо закрылась.

Даму провели в соседнюю комнату, надели на голову шлем и опутали руки проводами. Федор Петрович же в задумчивости подошел к стеклу и посмотрел вниз. Для первого эксперимента решено было выбрать добровольца из младшего состава. Облучаться вызвался заместитель начальника объекта по пожарной охране, старый кадровик, перед началом сеанса принявший для храбрости несколько стопок водки.

– Все готово, Федор Петрович, – генерал испытующе посмотрел на него. – Ну что же, включайте мощность.

Загудели обмотки трансформаторов, и слегка замигал свет. Из раскрыва антенны вниз лилась невидимая глазу энергия. Федор Петрович увидел, что дама сосредоточенно делает в воздухе пассы руками...

Лейтенант Кругликов нес боевое дежурство. На столе, напоминающем пульт управления межконтинентальными баллистическими ракетами, перемигивались лампочки. Под стеклянным колпаком виднелась красная кнопка. Кнопка включала сигнал тревоги и разблокировала дверь в камеру. Рядом располагались тумблеры, комбинация которых запускала хитроумную последовательность оповещения и эвакуации лидеров государства в случае чрезвычайной ситуации. Сценарии возможных чрезвычайных ситуаций были тщательно отрепетированы и проработаны. В качестве наиболее вероятной чрезвычайной ситуации, военными и политическими экспертами рассматривалась внезапная смерть генерального секретаря. В случае если член Политбюро в этот момент облучался в бронированной камере, сеанс облучения необходимо было немедленно прекратить, а члена Политбюро срочно доставить в Кремль. Эта цель достигалась включением все трех выключателей в положение «Вверх». Другой возможностью эксперты считали попытку контрреволюционного переворота. В этом случае первый и второй выключатель переводились в положение «Вверх», а последний переключался «Вниз». Эта комбинация означала, что облучающихся руководителей под охраной вооруженного отряда срочно надлежало отправить на загородную резиденцию, откуда они смогли бы в безопасности руководить подавлением мятежа. Наконец, никто не мог исключить и внезапное объявление СССР войны силами мирового империализма. При возникновении военной угрозы, все тумблеры переводились в положение «Вниз», и в подвальное помещение подавался специальный лифт. В этом лифте

омолаживающихся руководителей государства надлежало срочно эвакуировать в расположенный глубоко под землей бункер, надежно защищенный от воздействия ядерного излучения.

Голова у Кругликова была тяжелой и, казалось, распухшей от непосильного бремени. Всю предыдущую неделю он усиленно тренировался, в результате чего условные коды начали неудержимо путаться в его сознании, вызывая приступы паники. Резкий телефонный звонок застал его врасплох, и Кругликов испуганно вздрогнул. Звонили по «Вертушке», что означало чрезвычайную ситуацию.

– Началось... – с ужасом подумал он и поднял трубку. – Дежурный по объекту лейтенант Кругликов слушает. – Срочно, Федора Петровича. Феномен у Вас? – Пароль! – Кругликов напрягся. – Мать твою так, ты завтра в Афганистане душманам мозги вправлять будешь! – послышался рык из трубки. – Пароль! – неуверенно повторил лейтенант. – На эту ситуацию пароль не предусмотрен. – В голосе человека из Кремля послышалось минутное замешательство. – Приказано не прерывать, – Кругликов решил действовать строго по инструкции. – Слушай меня, Кругликов. – В голосе слышалась угроза. – Генеральный в критическом состоянии и срочно требует целительницу. Чтобы через пятнадцать минут и Федор Петрович, и дама были в Кремле!

– « Вот это влип... Нажимать или не нажимать?» – лейтенант остекленевшим взглядом посмотрел на камеру. – «По инструкции не положено». – Он на мгновение успокоился. – «А если они меня и вправду меня в Афганистан пошлют?» – Все окончательно затуманилось в его голове, и он приподнял стеклянный колпак. Помедлив еще секунду, он с отчаянием зажмурил глаза и нажал на кнопку.

Приоткрыв глаза Кругликов с удивлением увидел, что ровным счетом ничего в подвале не произошло. Не замигали над головой мигалки, не включились сирены. Дежурный в отчаянии жал на кнопку снова и снова, затем вскочил и начал колотить руками по двери камеры. Но куда там... Двойная изоляция из толстой тугоплавкой брони, использованной согласно рекомендации Алика, не пропускала никаких акустических возмущений извне, и находившиеся внутри и понятия никакого не имели о событиях, бушевавших снаружи.

Генеральному тем временем становилось все хуже. – Инъекцию надо делать. – Бледный министр здравоохранения с надеждой посмотрел на личного врача Генсека и на окружающих. – А Вы знаете, что с нами со всеми потом будет? – возразили ему. Генеральный секретарь приоткрыл глаза. – Где она? – прохрипел он из последних сил. – Не волнуйтесь, едет, едет. – заверили его стоящие рядом.

Но было уже поздно... Никто не ехал в Кремль, не неслись черные правительственные Зилы с мигалками по автострадам столицы, не отдавали честь регулировщики движения. Все было на редкость спокойно и даже буднично. Спешили по делам московские граждане, в овощном магазине номер двадцать пять по Кутузовскому проспекту на прилавок только что выкинули в продажу болгарские помидоры, и длинный хвост москвичей выстроился на улице. А дело было за малым. Мощное излучение, прущее из зеркала подвешенной к потолку антенны, вывело из строя электронные реле, проводящие сигнал тревоги внутрь бронированной камеры, Не сработала красная кнопка. Не предусмотрели такого военные специалисты, щелкнула шестеренка в механизме истории, и провернулось ее колесико еще на один поворот, неумолимо приближая будущее.

На следующее утро в столице СССР творилось нечто совершенно невероятное. Центр был оцеплен милицией, причем граждане еще ничего не знали, и только балетная музыка, передававшаяся по радио, да прорывающиеся сквозь глушилки зарубежные голоса подсказывали рядовому советскому человеку, что на этот раз в государстве произошло что-то совершенно из ряда вон выходящее.

Саша страдал тяжелым похмельем. В вагоне метро стояли слегка помятые мужчины и женщины, и жизнерадостный женский голос объявлял остановки. Толпа то разряжалась, извергаясь из вагона на станции, покрытые светящимся мрамором, колоннами и скульптурами, то снова сгущалась, набиваясь в вагон метро гражданами, желающими добраться до места службы. Саша безжизненно висел в углу, ухватившись руками за перекладины, и лишь изредка отработанным движением отпихивал бедрами особенно настырных пассажиров.

«Станция Площадь Свердлова. Пересадка на станции Площадь Революции и Проспект Маркса» – пропел женский голос, Саша торопливо выбросил свое тело из вагона и неожиданно оказался в оцеплении офицеров милиции. Сердце у него екнуло.

– Товарищи, выход из метро разрешен только по пропускам, – ревел в мегафон майор в серой шинели. – Станция метро закрыта, пожалуйста возвращайтесь в поезда. – Товарищ майор, что же делать, я работаю здесь. – Саша достал из кармана куртки засаленный академический пропуск. – Проходи. – Майор махнул рукой. На улице повторилась та же история. Центр столицы был пустынен, и через несколько минут Саша уже спускался в подвал.. – Саша, ну молодец, как вы добрались? – Алик нервно ходил по комнате.– Судя по всему наш Генсек дал дуба. – Не может быть... – Саша сколько помнил себя, столько фигура, увешанная орденами и медалями как новогодняя елка, сопровождала его жизнь. – Видно, не помогла ему ведьма. – Алик пожал плечами. – А вдруг нас теперь прикроют? – Саша на секунду испугался. – Ну знаете, – Алик задумался. – Я никогда в жизни так не уставал, как за последние месяцы. Ничего страшного в этом я не вижу. Вернемся к нормальной науке, а если интерес не пропадет, потихоньку разберемся и в феноменах. – Ребята, ребята, – возбужденная, покрасневшая Таня вбежала в подвал, – валяйте скорее, в столовой колбасу и мясо привезли, быстрее, пока очередь не набежала. – Да ну? – Алик торопливо надел на голову берет. – Саша, потом договорим, побежали.

В полуподвальном помещении пожилая продавщица в халате, покрытом кровавыми пятнами, зачерпывала рукой сочившиеся куски мяса из металлического лотка, плюхала их на стоявшие тут же весы, покрытые серым наростом, и заворачивала их в плотную бумагу, надписывая огрызком химического карандаша цену. – Изголодались, духарики, – добрым голосом подшучивала она. – Хватайте, хватайте пока есть, поди не каждый день такое бывает. Вам сколько? – Два кусочка взвесьте пожалуйста, – Алик прищурился. – Да, да. Вот этот и еще один поменьше. Спасибо.

Мясо быстро заканчивалось, и стоявшие в очереди научные сотрудники начали нервничать. Алик и Саша с увесистыми свертками вернулись в подвал. – Танечка, холодильник у нас работает? – Работает, работает Александр Константинович. Чайку хотите заварю? – Валяйте, – Алик сел за стол и, прищурившись, начал рассматривать бумаги. – Александр Константинович, – Саша возбужденно махал рукой. – Я телевизор переносной наладил. Балет «Лебединое озеро» закончился, сейчас будет информационное сообщение. – Иду, иду. – Алик с интересом посмотрел на мелькающий экран.

«Дорогие сограждане» – диктор был грустен и торжественен. – «Советский народ и все прогрессивное человечество понесли тяжелую утрату...» – Кого теперь изберут? – Саша нервно закурил. «Назначена похоронная комиссия в составе...» – диктор начал скорбным голосом перечислять фамилии.

Но до насущных проблем, связанных с погребением покойника, членам комиссии в это время было до обидного мало дела. Съехавшиеся в Кремль по пустынным улицам центра Москвы на своих огромных правительственных машинах, они молчаливо смотрели на Федора Петровича, лицо которого приобрело землянисто-серый цвет лица, будто это он вчера скончался, а не Генеральный Секретарь ЦК КПСС.

– Что Вы можете доложить членам комиссии? – грозно спросил довольно-таки подвижный для своего возраста председатель КГБ. – Я готов понести заслуженную кару и принимаю полную ответственность за допущенную техническую ошибку. – голос Федора Петровича дрожал. – К сожалению, сработали непредвиденные обстоятельства, план эксперимента был согласован с руководством КГБ заранее, поверьте, что никакого злого умысла в происшедшем не было. – Доложите комиссии о результате, – старичок скривил губы и лицо его неожиданно приобрело довольно-таки интеллигентное выражение. – Факт омоложения налицо. – упавшим, но твердым голосом произнес Федор Петрович, вспомнив про порозовевшего, словно только что попарившегося в бане заместителя по пожарной охране, вылезшего из-под раскрыва антенны. – Уже через несколько дней мы собирались начать омоложение Леонида Ильи...ча. – голос его задрожал и прервался. – Что случилось, то случилось. – Допрашивающий неожиданно успокоился, ухмыльнулся какой-то издевательской улыбкой и прекратил кривить губы. – Ничего уж тут не поделаешь. Но я думаю, товарищи, что мы все согласимся, что программу работ необходимо всячески расширять и поддерживать. – Он оглянулся на своих примолкших коллег, с надеждой смотрящих на Федора Петровича. – И я думаю, – он

многозначительно сделал паузу, – Федор Петрович, с его опытом, знаниями и энергией, должен продолжать руководить проектом. Как говорится, коней на переправе не меняют. – Спасибо, товарищи, – Федор Петрович задрожал. – Промахов больше не будет. – Человеку свойственно ошибаться, – мягко возразил председатель КГБ. – Но кнопку все-таки почините. – И члены похоронной комиссии нервно рассмеялись.

## **Глава 12. В степи.**

Саша с трудом продрал глаза. Поезд, скрипя и стуча колесами, тащился в непроглядной тьме, и редкие фонари заглядывали в окошко, бросая желтоватый отблеск на скомканную простыню, пустую бутылку из под-водки, стоящую на столике, большой деревянный ящик с аппаратурой, и на храпящего студента, волей начальства посланного вместе в Сашей в командировку.

С приходом к власти нового Генсека лабораторию начало лихорадить. Директор выступал в многочисленных государственных комиссиях, периодически приезжая в подвальную комнату с высокопоставленными чиновниками. В верхах собирались различного рода совещания, на которых отмечалась особая актуальность соблюдения трудовой дисциплины, ликвидации прогулов, в том числе и проистекающих вследствие пьянства. В центре Москвы милиция частенько проводила днем облавы, проверяя у задержанных граждан паспорта и законность их отсутствия на рабочем месте.

Командировка явилась неожиданным следствием проходившего в Кремле заседания Верховного Совета. На одной из сессий с отчетом выступал Сергей Васильевич. Среди сидевших в зале депутатов находился главный врач затерянного в степи образцово-показательного наркологического диспансера. Главврач этот быстро смекнул, что участие его клиники во Всесоюзной комплексной программе будет для него чрезвычайно полезным. Будучи человеком пробивным и со значительными связями, он уже на следующий день договорился об испытаниях нового научного оборудования в своей клинике, скрепив договор всеми мыслимыми и немыслимыми резолюциями.

По мнению Алика, испытания эти было преждевременными, так как недавно разработанный прибор был предназначен исключительно для научных исследований. Более того, разработан аппарат был в единственном экземпляре, и отправлять его в степной наркологический диспансер было уж и совсем бессмысленно. Но наверху все уже было решено, и Алик неохотно уступил нажиму дирекции.

Слезать надо было на каком-то маленьком полустанке, который и на карте-то обозначен не был, и вечером Саша долго приставал к проводнице, расплывшейся бабе с красным лицом, с просьбой разбудить их вовремя. Поезд полз в неизвестность. В голове шумело. Саша, постанывая, нашарил откупоренную бутылку теплого пива, и с отвращением сделал несколько глотков.

В вагоне стояла кромешная тьма, пахло грязным бельем, из купе раздавался громкий храп пассажиров, тела которых размеренно передвигались к местам их назначения. Саша ощупью добрал до купе проводницы и постучал в дверь. Баба спала, похрапывая, как и остальные пассажиры. Саша постучал еще раз, на этот раз сильнее и за дверь раздалось шевеление. Дверь приоткрылась, и проводница, заспанная, в ночной рубашке, недовольно выглянула в коридор. На полке рядом с ней спал здоровый усатый мужик в рваной майке и, несмотря на похмелье, Саша ощутил крепкий запах винных паров. – Ну чего еще? – Баба зло посмотрела на него. – В Семечкино когда слезать? Не проспай бы. – Шляетесь, черт бы вас всех побрал, – она зевнула. – А времени-то сколько? – Три часа ночи. – Так почитай скоро и слезать. Как будет остановка, оно и Семечкино. Самим следить надо! – Она захлопнула дверь и Саша на ощупь вернулся в купе. – Толик, а Толик, вставай! – Он потряс соседа за плечо. – Собирайся, слезать пора! Долговязый парень, трясая головой, спустил голые ноги на пол и схватился за голову. – Черт, водка плохая стала, пить невозможно. – А ты пивком, пивком. – Саша протянул ему бутылку. Они с трудом дотащили тяжелый ящик до тамбура и вернулись за вещами. В рюкзаке лежал запас «валюты» - несколько бутылок «Русской» и пива. Поезд заскрежетал колесами и остановился около крохотного полустанка, над которым покачивался тусклый фонарь. – Ящик, ящик давай! – Саша с трудом удержал ношу и осторожно поставил ее на перрон. Неожиданно поезд снова тронулся. – Рюкзак, быстрее, прыгай, прыгай! – Толя с трудом удержал равновесие, спрыгнув с подножки, и они остались совершенно одни. Казалось, что жизни вокруг не существует. Насколько хватало взгляда, в степи бушевала темнота, две фигурки под одиноким фонарем казались единственными живыми существами во

всей вселенной. Их никто не встречал. – Погоди, пойду хоть узнаю, Семечкино это или нет, – Саша подошел к маленькому домику. Над домиком висела вывеска, но краска на ней облезла и букв разобрать было решительно невозможно. На домике висел большой ржавый замок. – Вот это влипши, – Саша шмыгнул носом. – Придется на перроне ночевать, ни одного огонька вокруг. – он сел на асфальт и начал дремать. – А холодно чего-то, – Толя поежился. – У тебя куртка есть? – Нет. – Саша снова шмыгнул носом. – Где же машина, они обещали прислать. – Делать нечего, придется выпить для сугреву. У меня еще колбаса и яйцо вареное осталось. – Толя откупорил бутылку и сделал большой глоток. – На, согрейся. – Давай. – Саша тоже отхлебнул, тепло разлилось по желудку и ночь уже не казалась такой черной и бесконечной. В степи пели цикады, пахло свежей травой. Толик отломил кусок колбасы и они начали жевать.

В непроглядной темноте, где-то на горизонте мелькнул огонек. Он приближался и становился все больше и больше, и наконец уже можно было увидеть, что это машина. Слышался рев и чихание мотора, и через несколько минут у полустанка остановился старенький автобус. – Водку, водку прячь – зашипел Саша. – Это же наркологический диспансер... – Здравствуйте, – из темноты появился высокий, странного вида человек в одежде, напоминающей тюремную робу. Сашу особенно поразили его грустные, неподвижные глаза. – Вы ученые из Москвы? – Да, – Саша чуть не подавился недожеванным куском колбасы. – Вещи есть? – грустно спросил заторможенный заключенный. – Вот ящик с аппаратурой. – Мужики, – скомандовал пришелец, и из автобуса вылезли еще двое таких же грустных, заторможенных мужчин в робах. – Заноси!

Мужики подхватили ящик и неожиданно все трое замерли и выжидающе посмотрели на приезжих.

– Чего? – испуганно спросил Саша. – Пили? – жадно спросил шофер и громко проглотил слюну. – Ну да, – неохотно признался Саша. – Есть? – лаконично осведомился высокий человек. – Ну... – Саша замялся. – Спаси, Христа ради. – Человек упал на колени. – Мы вас, ребята, век помнить будем, если что, не сомневайся. Можешь на нас положиться. – А они? – Саша вопросительно указал в сторону двух мужиков. Те стояли как бегуны перед стартом, замерев в ожидании и будто боясь произнести слово. – Могила. – Толя, ну достань ее, что-ли. – Саша смутился, не зная, как себя вести. – И закуску давай. Мужики, словно не веря своему счастью, на цыпочках подошли к рюкзаку. Они пили по очереди, из горлышка, профессионально отмеряя выпитое и передавая бутылку друг другу дрожащими руками. – А в диспансере скажем, что поезд опоздал, – после выпитого странная заторможенность и напряженность сошла с их лиц, в глазах появилось осмысленное, хотя и хмельное выражение, и языки их развязались. – Мы же в диспансере как в концлагере живем. Эх, ребята... – Главврач, скотина, чуть провинишься, в карцер. Или санитары избивают. А пожаловаться некому, он же депутат. И каждый день на сельскохозяйственные работы, мать его так, в соседний совхоз. Так совхоз диспансеру деньги плотит, а он их в себе в карман кладет. – А сам пьет, сука, – вступил другой мужик в разговор. – Каждый божий день заливается вечером как свинья со своими заместителями. – Ну ладно, ребята, – вступил в разговор шофер и неожиданно лицо его помрачнело. – Ехать надо, а то санитары подозревать начнут.

Автобус трясся по разбитой проселочной дороге в кромешной тьме, и вскоре подъехал к воротам, за которыми находилось длинное двухэтажное здание, напоминающее сельскую школу. На въезде стоял мужик, который подозрительно взглянул на приехавших. – В порядке, Василич? – спросил он. – Все путем, привезли, – лаконично ответил шофер. – Ну ладно, проезжай. Покажи столичным гостям их койки. Шофер провел Сашу и студента по длинному грязному коридору с обшарпанными стенками в маленькую комнату, в которой стояли две кровати. – Мужики, – лицо его приобрело отчаянное выражение. – Спасите, а? – Бери, глухо сказал Саша, доставая бутылку из рюкзака. – Эх, мужики. Все бы такие были как вы, может и в стране у нас порядку было бы больше. Ну спасибо, ребята. – Он засунул бутылку куда-то под рубашку и исчез в коридоре.

Наутро за ними пришел здоровенный верзила с мрачным лицом, одетый в несвежий белый халат. – Ну чего, выспались? – Сейчас я Вас отведу к главному для собеседования.

Они пошли по длинному коридору, и Саша открыл рот от изумления. Вдоль стены стояли хмурые пациенты, из ушей, шей и рук которых торчали тонкие металлические иглы. Вдоль ряда вытянувшихся мужчин шел врач, вытаскивал иглы и бросал их в несвежий

эмалированный тазик. Пациенты стоически терпели. – Сеанс иглотерапии, – с гордостью объяснил сопровождающий. – Мы здесь применяем новейшие методы лечения. – Доктор! – жалким просящим голосом вскрикнул худенький маленький мужичок, после того, как врач закончил процедуру вытаскивания игл. – Чего тебе? – рявкнул врач. – А с этой иглой мне сколько теперь ходить? – мужичок испуганно показал на иголку, торчащую из его худой, жилистой шеи. – Ну забыл, забыл, – лениво отозвался доктор, вытащил иголку и бросил ее в тазик. Иголлка жалобно звякнула. – А ты бы и походил, ни хера бы с тобой не случилось.

– Сейчас к главному пойдем, – сопровождающий напрягся и осторожно постучал в дверь кабинета. – Войдите – раздался грозный голос с басовыми интонациями. Главврач, с широким, грузным мясистым лицом сидел за большим дубовым столом и подписывал какие-то бумажки. – Ага, приехали, приехали, ну что же, добро пожаловать в нашу клинику! – Главврач как медведь поднялся из-за стола и крепко пожал вошедшим руку. – Я на прошлом заседании Верховного Совета, в Кремлевском дворце съездов, – он сделал многозначительную паузу, – познакомился с Сергеем Васильевичем. Так оно все и получилось с вашей командировкой. Ну что же, аппаратура ваша уже в смотровой стоит, пожалуй что пойдем поглядим.

Они вышли из комнаты, и Саша, бросив взгляд в окно, увидел длинные шеренги мужиков в темных тюремного типа одеждах, под присмотром санитаров рассаживающихся в крытые фургоны. – Пора-то урожайная, – главврач широким жестом указал в окно. Вот мы и перевоспитываем человеческий материал, вначале сеансы иглотерапии, потом оздоровительный труд на полях нашей родины. Вы себе не представляете, с какими типчиками приходится иметь дело. Отбросы общества, из них половину давно в тюрьму надо отправить. Совесть свою пропили. В колхозах запчасти от комбайнов воровали и за бутылку продавали. Но медицина и строгий режим делают чудеса!

Смотровая была небольшой, и Саша с Толиком начали распаковывать привезенный прибор. Смысла во всем этом было мало, так как Сергей Васильевич явно преувеличил возможности этого прибора, который, хотя и безукоризненно измерял различные излучения человеческого тела, отнюдь не являлся аппаратом для определения степени алкоголизма того или иного пациента.

– Эх, столичная наука! – главврач с восхищением смотрел на блеснувший фиолетовой радугой объектив, на серебристые металлические подставки и, наконец, на невиданный ранее компьютер с белым пластмассовым корпусом и темным, бутылочного цвета экраном.

Вскоре аппарат был включен, и на экране появились цветные картинка, отображающие сложную картину полей и излучений человеческого тела. – Эх, рука-то у меня фиолетовая, – довольно крикнул врач. – Ну, ведите наших подопытных. – Заходи! – Страшно рявкнул сытого вида санитар, и в комнату, жмясь к стеночке, вошел вида мужчины средних лет с потерянными и заискивающим выражением лица. Одежда его была застиранной, кожа желтоватой, словно он не мылся уже несколько месяцев, и в смотровой мгновенно стало нечем дышать. – Товарищ начальник, только иглы в живот больше не колите, – жалобно попросил он. – Я в прошлый раз неделю в лазарете валялся. – Садись дурак, – рявкнул главврач. Сымай портки и рубаху. Под робой оказалось нижнее белье с разводами, и Саше стало дурно. – Ну что, как вашей аппаратурой пользоваться? – Значит так, – Саша начал объяснять. – Камеру направляем на тело – Прежде всего надо постараться не двигаться во время измерения. Движение искажает изображение. Стандартный тест, например, состоит в задержке дыхания. – Замри! Не дышать! – рявкнул главврач. Пациент испуганно замер. – Теперь, – Саша нажал на кнопку, – на экране будет зарегистрировано излучение тела. Вот эти красные пятна свидетельствуют... – А диагноз где выписывает? – строго спросил главврач. – Ну, – Саша замялся. – Для этого надо провести исследования. – Мне нужно, чтобы четкий диагноз на экране был написан. И на принтере печатался. Мол так и так, первая стадия алкоголизма... – Доктор, – захрипел забытый всеми пациент каким-то свистящим шепотом. Саша обернулся и с ужасом увидел, что лицо его посинело. Мужик весь корчился, боясь шевельнуться. – А дышать можно? – Дыши! – рявкнул главврач. – Так что, насчет диагноза подумайте. – он обращался к Саше. – А вообще-то замечательная аппаратура. Ну ладно, мне пора сеанс иглоукалывания проводить. Я к вам еще сегодня зайду. – Вы, ребята, уж лучше диагноз обеспечьте. – Санитар испуганно посмотрел на приезжих. – А то он с нас шкуру спустит, это точно. Ну чего вам, напишите, мол, этот больной, а этот здоровый. Какая к псу разница. – Черт, – Толя испуганно посмотрел на Сашу. – Не нравится мне это место, жутковато как-то. – Ты мне лучше скажи, чего делать будем? – А знаю я чего делать. – Толик подошел к компьютеру. – Я сейчас специальную

кнопку запрограммирую, «Диагноз» называться будет. Программа такая есть, которая случайное число выдает. Вот я и сделаю, если число меньше нуля, диагноз будет «Здоров», если больше нуля «Алкоголик 1 степени», а больше единицы назовем «Алкоголик 2 степени». Все по науке, по статистике. – Да ты с ума сошел! – Саша покачал головой. – Так нельзя! – Да ничего страшного, он напечатает «Вторая степень», они ему иголки понатыкают, приведут, а компьютер скажет «Здоров». И все в порядке, в область и в Москву отчеты пошлют. Это же статистика, вероятность того, что ему несколько раз плохой диагноз выпадет ничтожно мала. И, главное, мы отсюда уедем. – Пальцы его уже стучали по клавиатуре. – Вот, смотри: – он нажал на кнопку, и на экране появилась надпись «Пациент здоров». – Эх, прости господи... – Саша ощутил пустоту и бессмысленность происходящего. – Ну ладно, – Толик суетился, – мне это место не нравится. Надо научить их на кнопки нажимать, и пора уматывать отсюда поскорее...

Они вышли из комнаты. Надпись «Здоров» еще долго светилась на экране. Затем компьютер заверещал, экран мигнул, и на нем появился неприличный мультфильм: две зеленые лягушки усердно занимались любовью, высунув длинные розовые языки. Эта увлекательная заставка была последним достижением выпускника Московского физтеха, делавшего свой диплом в подвальной комнате и корпевшего над этим содержательным фильмом не одну бессонную ночь.

За высоким забором, отгораживающим диспансер от бесконечной степи, решительно ничего не было, и погуляв некоторое время, командировочные вернулись назад. Навстречу им, размахивая руками, бежал санитар. – Там, там... – От возбуждения он задышался и никак не мог выговорить окончание фразы. – У вас, там, на компьютере... – Что? – испуганно переспросил Саша. – Лягушки ... ебутся... – с ужасом выдал наконец санитар. – Так это программа такая, – Саша от облегчения засмеялся. – Надо нажать на любую кнопку, и она выключится. Хотите, мы ее сотрем. – Нет, нет, не надо. – Санитар сконфузился. – Я же не знал, испугался... Думал сломалось все. А картинка очень даже красивая, не стирайте пожалуйста, товарищи! Ну, насчет диагноза-то покумекали? – А как-же, – Толик не дал Саше раскрыть рта. – Все готово, нажмешь на кнопку и диагноз появляется. – Ну молодцы. Главному обязательно надо показать, – на лице у санитара появилось испуганное выражение. – Только попозже, а то у нас сейчас занятия по гражданской обороне начинаются.

К вечеру все было готово. Гостей снова провели в смотровую, посадили перед камерой того же испуганного мужичка и на экране появилась надпись «Алкоголизм 1-й степени».

– Эх, вот это другой разговор! – Главный врач довольно потер руки. – Мы теперь всех наших пациентов через этот аппарат прогонять будем. Спасибо Сергею Васильевичу, подсobil он нам с аппаратурой.

Прощаясь, главврач долго жал гостям руки. Затем завел столичных гостей в кабинет, достал из шкафчика бутылку какого-то редкого местного коньяка и попросил передать ее в подарок Сергею Васильевичу. Гостей отвезли на заброшенную станцию, правда шофер на этот раз был другой, на разговоры не поддавался и мрачно крутил баранку. Шея у него была покрыта следами от многочисленных уколов.

И опять трясся в непроглядной темноте поезда. Саша, обхватив голову руками, смотрел в окно, тщетно пытаясь осмыслить происходящее. Студент по молодости крепко спал, явно не испытывая никаких моральных переживаний. На столе стояла пустая бутылка из-под водки, по которой изредка пробежал отблеск одиноких фонарей, освещавших затерянные в степи полустанки.

## **Глава 13. Катастрофа.**

Федор Петрович нервно курил папиросу. Ничто не радовало его. Произошла катастрофа. Чудовищная, невероятная, неопишная.

Красная кнопка была исправлена, продублирована запасной системой оповещения, причем работу ее проверяли неоднократно, ввели даже специальную процедуру тренировки личного состава, и теперь в бетонированном подвале по несколько раз в день начинали выть сирены и, отбрасывая красно-голубые отблески на металлических стенах, мигали проблесковые маячки.

Воодушевленный чудесной трансформацией, происшедшей во время того рокового сеанса с омолодившимся кадровиком-пожарником, последующие опыты по облучению организма Федор Петрович поставил на себе. Перед решающим сеансом целительнице дали передохнуть. Накануне эксперимента Федор Петрович долго не спал и ходил по комнатам. Залезать под раскрыв антенны было как-то страшно, и он опрокинул несколько стопок водки, не закусывая, зажмуриваясь и по-мужицки крикая. Жидкость растеклась по организму, и Федор Петрович почувствовал себя лучше. Он принял еще около ста граммов и приехал в подвал в весьма веселом и бесшабашном состоянии.

Заработала антенна, и по организму Федора Петровича растеклось приятное тепло, как будто что-то всепроникающее и невидимое мягкими, перекатывающимися волнами массировало весь его организм. В глазах мелькали искорки, космический прибор ласкал внутренности, и вылез из-под локатора Федор Петрович красный как рак и взбодренный. Кожа его порозовела и разгладилась, и руководитель секретного проекта ощутил необычайный прилив деятельной энергии. В голове его крутились еще непродиктованные секретарше циркуляры, белыми листочками опадающие в красивую пухлую папку. С необычайной ясностью распланировал он до минуты свою рабочую неделю, и тут же принялся за дело. Немедля были назначены дополнительные сеансы, и, по примеру расправившего плечи начальника, облучиться захотели все без исключения руководители секретного объекта. – Главное, товарищи, не робейте. Дело это верное, – Федор Петрович для убедительности энергично стукнул по столу кулаком. – Примите перед сеансом грамм двести-триста, и вперед!

Заместитель Федора Петровича, бесстрашно вслед за начальником принявший на себя удар излучения, также почувствовал себя значительно лучше, укрепляя в душе руководителя программы уверенность в завтрашнем дне. С дамой, правда, начались проблемы. Она скандалила, требуя для себя и своих подопечных всяческих благ и ссылаясь на душевную усталость, неделями занимаясь медитацией и йогой.

Однако, не успели руководители объекта как следует облучиться, как подчиняясь какой-то трагической закономерности, начал болеть и сдавать новый Генсек. Вскоре Федор Петрович вновь был вызван на секретное заседание Политбюро.

– Доложите нам о результатах, – с завистью глядя на розового, словно приехавшего с горного курорта Федора Петровича, попросил пожилой член Политбюро. – Окончательных данных у нас нет, – Федор Петрович нахмурился. – Но факт улучшения физического состояния и значительного омоложения лица. Рискаю собой, руководители проекта испытали действие облучения на себе. – А как ваше самочувствие? – прокричал совсем дряхленький секретарь по идеологии. – Выглядите вы как юноша, но это так сказать, физиологические проявления. А вот в идеологическом смысле вредных эффектов не наблюдается? – Напротив, – осторожно ответил Федор Петрович. – Кроме общего повышения работоспособности, я заметил, что в последнее время особенно ясно начал понимать первоочередные задачи партии. – Это хорошо, это очень хорошо, – главный идеолог страны довольно покачал головой. – Ну что ж, товарищи, я думаю, вопросов больше нет. Надо спасать ситуацию. И если состояние Генерального Секретаря значительно улучшится, хорошо бы было обсудить очередность лечебных сеансов для членов Политбюро.

Подземный объект был тщательно подготовлен к ответственному сеансу. Лифты были вычищены до блеска, бронированная камера отполирована усилиями спецназа, стены покрашены, а бетонный пол выложен ковровыми дорожками. Наконец пришел решающий день. Генеральный отдыхал в подмосковном санатории. Его с чрезвычайными мерами предосторожности привезли в камеру. Перед началом сеанса, с трудом приподнимаясь на кровати, он с суровым видом подписал несколько важных государственных бумаг и, недовольно хмурясь, уронил голову на подушку. Федор Петрович нервничая наблюдал за целительницей, закрывшей глаза и делающей пассы длинными руками. Неприятное предчувствие зародилось у него. Он гнал его от себя, время от времени подходил к зеркалу и убеждался, что выглядит прекрасно и даже вполне омоложено. Морщины на лбу у него разгладились, но на душе все равно было тревожно.

К концу сеанса Генеральному поплохело. Лицо его стало серым, он не смог подняться с постели, и его срочно отвезли обратно в санаторий. Секретный объект замер в напряженном ожидании результатов. Они не заставили себя долго ждать. У руководителя партии отказало сердце, и он скончался на следующий день, несмотря на многочисленные инъекции и срочно вызванного ночью из Западной Германии знаменитого профессора-кардиолога, за которым послали специальный правительственный самолет.

Раздался пронзительный телефонный звонок, и Федор Петрович вздрогнул. – Федор Петрович, – голос известного члена Политбюро был неприветлив. – Не разобрались еще в том, что случилось? – Разбираемся. – Федор Петрович почувствовал, что у него дрожат колени. Может в Швейцарию махнуть? – мелькнула предательская мысль, но он отогнал ее от себя, вспомнив о трагической смерти предателей, шпионов и Троцкого, зарубленного в Мексике туристским топориком. – Федор Петрович, – в комнату ворвался генерал, руководивший секретным объектом. Лицо его было перекошено какой-то странной гримасой, челюсть дрожала. – Катастрофа! – Да какая там катастрофа, – Федор Петрович тяжело опустился в кресло. – Катастрофа уже произошла. – Да нет, послушайте, – генерал схватился за сердце. – Перед визитом Генерального была произведена художественная обработка помещения, окраска локатора под цвет потолка, чтобы его не волновать. – Ну и что? – Федор Петрович напрягся. – Да они, мерзавцы, при покраске провод через который модуляция передавалась отодрали, да так и оставили. – Генерал, почти что рыдая, указал на кусок черного кабеля с торчащими наружу оголенными жилами разноцветных проводов. В глазах у Федора Петровича потемнело. – Отчитываться перед членами Политбюро будете Вы лично! – не помня себя крикнул он. – А этих мерзавцев надо бы расстрелять! Как в добрые старые времена! Тогда в государстве порядок был, для острастки взять бы и через одного! Тогда бы они провода не отрывали! – А может быть это диверсия? – испуганно спросил Генерал. – Да какая диверсия... Отодрали провод и все тут. Вот раньше бы мы их... Эх, не те времена пошли, – с сожалением произнес Федор Петрович и махнул рукой. – Понимаю, – генерал испуганно заморгал. Куда-то пропал неподвижный взгляд, на него было жалко смотреть. – А все-таки позовите спецов из Комитета, пусть разберутся, найдут ответственных. И жилы из них вытянут! Четвертуют! – Федор Петрович взволнованно заходил по комнате. – Но все-таки, я думаю, что членам Политбюро мне придется все доложить как есть. Да, еще, ни один, Вы слышите, ни один из посторонних про истинную причину происшедшего не должны ничего знать! – Это не проблема, – поморщился генерал. – Ну, спаси и помилуй! – Федор Петрович подошел к красному телефонному аппарату. – Одна у нас с Вами надежда, на реальное омоложение. Константина Устиновича пожалуйста, – попросил он...

\*

– Товарищи, – голос выступавшего дрожал. – Наша страна понесла тяжелую утрату. В результате преступной халатности, советский народ потерял мудрого и опытного руководителя партии и правительства. Мы накажем виновных и внимательно разберемся в происшедшем, для этого уже назначена чрезвычайная комиссия Комитета Государственной Безопасности СССР. Руководители программы от участия в проекте отстранены, и с них строго взыщут за проявленную халатность. Руководство объектом поручено проверенным боевым офицерам. Одновременно с этим, хочу вам доложить, что работы по омоложению идут полным ходом и приносят реальные результаты. В зале раздались жидкие аплодисменты. Вновь избранный Генеральный Секретарь ЦК ослабевшей рукой передал текст речи ассистенту и,

опираясь на локоть помощника, с трудом начал передвигаться к своему креслу. Вдруг взгляд его прояснился. – Вообще-то, товарищи, – произнес он тоненьким голосом, – нам больше внимания надо уделять сельскому хозяйству. Вот мне председатели колхозов, совхозов, секретари областных комитетов рассказывали, что там, где посевы обильно обрабатывают навозом, органическими удобрениями, урожайность значительно повышается. Надо исследовать и использовать этот ценный опыт, товарищи! – Он бессильно опустился в кресло и потерял сознание.

\*

Смерть недавно избранного Генерального Секретаря затмила прочие события.

Лаборатория продолжала активно заниматься проблемой алкоголизма. Директор остался очень доволен результатами установки аппаратуры в степном наркодиспансере. Вначале оттуда в центр пошли сводки о замечательной работе аппаратуры, разработанной столичными учеными, затем о невероятном исцелении огромного количества пациентов, а недавно в газетах было напечатано решение о присуждении главному врачу совместно с Сергеем Васильевичем Государственной Премии СССР. Торжественное событие, правда, было слегка омрачено истерическим звонком из провинции. – Компьютер сломался! – надрывно кричал доктор. – Главный бушует, срочно пришлите специалистов! – А что сломалось? – испуганно спросил Саша. – Я всегда на кнопку нажимал, – чуть не плача отвечал собеседник и на лягушек смотрел, как они трахаются. А теперь включаю, включаю, и ничего нет. – Ну хоть что-нибудь на экране появляется? – удивленно спросил Саша. – Да ни черта не появляется, темный экран. Компьютер жужжит, а на экране темнота. – А лампочка на экране горит? – испуганно спросил Саша. – Ни хера не горит, и лягушек нет! – Так у вас телевизор выключен, – облегченно засмеялся Саша, – там справа на экране есть такая кнопочка, нажмите ее! – Сейчас попробую, – неуверенно ответил собеседник. – Ой, и правда, лягушки появились. Ох господи, а я уж думал, все... Ну спасибо ребята, вы меня просто от гибели спасли!

Саша, чертыхаясь, пробирался сквозь оцепление. Снова центр Москвы был оцеплен нарядами милиции. Зато в университетской столовой выбросили в продажу вырезку, на этот раз сопроводив ее дефицитной копченой колбасой, и Саша мысленно пожелал, чтобы новый Генеральный Секретарь был не менее стар и еще более болен, чем его предшественники.

## **Глава 14. Химия жизни.**

Секретный объект гудел как разворошенный улей. Роковой провод был в обстановке полной секретности восстановлен, и бронированный подвал заработал на полную катушку. Правда уже без Федора Петровича. Того по слухам сделали послом в одной из отдаленных африканских стран. О дальнейшей судьбе Федора Петровича слухи ходили самые противоречивые, так как в стране этой случилась война между враждующими племенами, и в ней был высажен десант американских морских пехотинцев. Ходили упорные слухи, что и пехотинцев этих высадили только для того, чтобы выкрасть Федора Петровича и использовать его опыт на секретном полигоне в штате Невада, но услышав такое генерал-майор Иван Степанович Трофимов, назначенный руководителем объекта, только морщился и резко обрывал собеседников.

На самого Ивана Степановича облучение подействовало в высшей степени положительно. Знакомые при встрече утверждали, что он несомненно сбросил не один десяток лет, и с завистью смотрели ему вслед. Он и правда чувствовал прилив энергии, появляясь на территории объекта уже в семь утра, в выглаженном мундире, требуя того же от подчиненных.

По его распоряжению работа секретного центра была реорганизована. Генерал не терпел нарушений устава и проявлений расхлябанности. Совместно с сотрудниками КГБ были тщательно проверены все офицеры, а наиболее несознательные из них переведены в отдаленные воинские части. Опыты по омоложению руководящего состава объекта были прекращены. Генерал решил взяться за дело серьезно и подобрал партию испытуемых из наиболее заслуженных обитателей дома престарелых сотрудников КГБ.

Дама с каждым днем все больше скандалила, жаловалась на усталость, требовала облучить каких-то нужных людей и даже иногда позволяла себе не являться на секретные сеансы. Иван Степанович сердился, с грустью вспоминая добрые старые времена, когда за проявление несознательности государство жестоко карало своих граждан, не делая исключения даже для самых выдающихся.

Несмотря на все трения, эксперименты продолжались. Из отобранных семи пациентов, значительное улучшение состояния было зарегистрировано подряд у пятерых ветеранов. Зато последние двое... Вспоминая об этом, генерал покрывался холодным потом... Он боялся произнести это страшное слово вслух. Холодным ветром веяло от него, пустотой и беспомощностью.

Он предпринял решительную попытку уговорить своенравную целительницу напрячься, вызвал ее к себе в кабинет и около трех часов проникновенно объяснял даме чрезвычайную важность проводимых экспериментов для могущества СССР, дела мира и разоружения во всем мире, а закончил обещаниями неземных благ. – Только чтобы без дураков, – хриплым голосом произнесла ведьма. – Мне и Вахтангу ЗИЛ с пуленепробиваемыми стеклами, охрану и особняк на Арбате. – Тьфу ты черт, – подумал про себя Иван Степанович, но сдержался и особняк пообещал. – Да не могу, не могу я сосредоточиться, – дама впала в истерику. – Я же на этих стариках вымоталась. Как же можно столько космической энергии понапрасну расходовать? Ну когда передо мной действительно руководитель государства, я вся в ниточку напряженную превращаюсь, как один нерв, я же вся выкладываюсь. Да мне после такого сеанса надо месяцы отдыхать. А вы меня истощили, я как батарейка старая разрядилась! – Да не волнуйтесь, сократим мы нагрузку, – генерал сделал пометку в блокнотике, отметив про себя, что дама возможно в чем-то и права. Усталость целительницы, хоть и объясняла трагический исход последних экспериментов, но на душе у генерала было тревожно.

Вечером того же дня собрал он у себя своих заместителей, подробно и откровенно поделившись результатами последних недель. – В высших интересах дела, – по-военному четко отрубил он, – отрицательные результаты до сведения членов Политбюро не доводить. Это создаст излишнюю нервозность, может нежелательно осложнить и без того сложную обстановку. А нашему экстрасенсу необходимо предоставить отдых. – Я думаю, товарищи, –

его заместитель помрачнел, – Иван Степанович прав. – И секретную резолюцию они приняли единогласно, без протоколов.

В Политбюро нарастало нетерпение, и вскоре генерала Трофимова вызвали в Кремль. Отчет об омоложении ветеранов КГБ вызвал бурю эмоций и даже вышиб у Генерального секретаря слезу. – Эти люди, отдавшие все силы обеспечению безопасности Родины, – он слегка покачнулся, но удержал равновесие, – заслужили заботу и внимание нашего Государства. Но почему, Иван Степанович, вы так тянете с решающей фазой проекта? Это вызывает недоумение у членов Политбюро. – Мы готовы, Константин Устинович, – решительно ответил генерал, ощутив холодный комок в груди. – Ну что же, вот завтра и начнем. – Генеральный секретарь в изнеможении замолк.

Всю ночь объект напряженно функционировал. В зале горел яркий свет, у входа в камеру поставили букеты цветов, и Иван Степанович лично обследовал все провода, ведущие к антенне. Все было в порядке. Личный состав объекта был построен и Иван Степанович доходчиво объяснил им чрезвычайную важность ожидаемого события.

– Каждый из нас, – решительно сказал он, – должен чувствовать себя как во время смертельной схватки с коварным врагом – человеческим старением и болезнями. И любое проявление малодушия и расхлябанности, – он сделал паузу и выжидательно посмотрел на шеренгу офицеров, – будет караться по всей строгости Советских законов.

И снова провернулось колесико истории. В Грановитых палатах проходила встреча Генерального Секретаря с руководителями сельского хозяйства. Не подкачали представители Министерства Пищевой промышленности, представили новейший образец сверхчистой водки для дегустации... Поднял первый тост Генеральный, вспомнив про органические удобрения, поднял второй, потом третий. И тепло разлилось по телу... Уже пора было ехать на сеанс, но вопросы заготовки удобрений беспокоили его возбужденное воображение...

Генерал не спал уже вторые сутки, с холодной решительностью снова и снова проверяя все детали предстоящего сеанса. И вот в подвале появился руководитель партии и правительства.

– Здравствуйте, товарищи военные, – генеральный секретарь с трудом шел, поддерживаемый помощниками. – Помогите колхозам, советским хозяйствам на укладке удобрений, товарищи. Мобилизуйте солдат, офицеров, это дело государственной важности. – Он упал на кровать и устало закрыл глаза. Иван Степанович с удивлением отметил, что язык у Генерального слегка заплетался, а лицо, обычно напоминавшее бледную копию из музея восковых фигур, сегодня было необычно розовым.

Включить мощность! – распорядился Иван Степанович. – Напрячься! – дал он команду целительнице. – Только постарайся, – генерал смотрел на даму, сосредоточенно водящую руками по воздуху. – Только не подведи, Господи, спаси и помилуй. – Он неожиданно поймал себя на крамольной мысли, обращенной к небесам.

Молитвы ли Ивана Степановича, или какие другие неизвестные науке факторы помогли, но первый же сеанс облучения дал замечательные результаты. Взгляд Генсека прояснился, и речь значительно улучшилась. Он встал с постели сам, чего по словам помощников уже давно не бывало, и, значительно порозовев, пожал руки руководителям объекта. На следующий день в Кремле было созвано совещание руководителей областных райкомов и крайкомов по неотложным задачам выполнения Продовольственной программы, и Генсек разразился необычно связной речью, объясняя что посева в южных районах страны необходимо защищать от суховея путем целенаправленных лесопосадок.

Генералу Трофимову пожимали руки, все его поздравляли, подмигивали, намекая на реальность маршальского звания, и он воспрял духом, немедленно распорядившись провести дополнительные омолаживающие сеансы. Это, увы, было его роковой ошибкой.

Следующий сеанс был назначен через неделю с тем, чтобы целительница восстановила свои силы. Ее обхаживали как могли, несмотря на то, что вредная дама нагнала не по дням, а по часам. Наконец, снова включились антенны, но буквально через час с небольшим состояние Генсека стало критическим, и старца увезли в реанимацию. Иван Степанович побледнел, сердце его сжалось...

– Иван Степанович, – в комнату вошел адмирал Зеленков, и руководитель программы с ужасом увидел, что тот за несколько прошедших часов полностью поседел. – Что же нам теперь делать?

– Ничего не понимаю... Раз на раз, видимо, не приходится. Или дура эта напортила, черт ее знает!... А отвечать все равно нам с Вами придется. – Иван Степанович проглотил таблетку нитроглицерина. – Все ученые эти проклятые, посадить бы их в шарашку, вроде тех, которые при отце и учителе были, и пусть бы там занимались омоложением! – А может, – неуверенно сказал адмирал, – может быть их пригласить для консультации? Чем черт не шутит. – Делайте что хотите, – Иван Степанович махнул рукой.

Сергей Васильевич и Алик, изумленные, спускались в сверхсекретный бронированный подвал. – Это же надо какую махину отгрохали, – с изумлением крутил головой Алик. – Так что, – испуганно спросил директор, – омоложение действительно наблюдалось? – Клянусь Вам, товарищ академик, – посевший адмирал достал из кармана пачку фотографий. – Вы посмотрите только, вот тут товарищу семьдесят пять лет, старый кадровик... А вот он же после двух сеансов... С фотографии на ученых недобрый взглядом смотрел пожилой мужчина, в котором было решительно не узнать дряхлого старика. – Не может такого быть, – задумчиво сказал Алик. – Вы же на него светили такой мощностью, от которой любое живое существо загнется в три минуты. – Да посмотрите протоколы! – адмирал раскрыл пухлую папку. – Фотографии, документальные свидетельства, медицинские показания. – Черт его знает, – Алик задумчиво пролистал страницы. – Наука никак не может этого объяснить. Какая, говорите, была мощность у локатора? Несколько киловатт? Да вы их просто прогревали насквозь. – Погоди, погоди Алик. – директор задумался. – Ведь микроволновое излучение проникает внутрь организма. Ну да, может быть такой равномерный прогрев активизировал обменные процессы. Они излучение модулировали, кто знает, иммунная система, мало ли какие процессы могли у пациентов происходить. – А модуляция от рук экстрасенса действительно влияла? – Алик нахмурился. – Не верится как-то. вы без модуляции пробовали пациентов облучать? – Да, – адмирал вспомнил про оборванный провод и предыдущего Генерального секретаря, и внутри него поднялся могильный холод. – И результат был резко отрицательным. – Он благоразумно решил не уточнять деталей. – Но почему же опыты давали такие различные результаты? – Алик задумался. – В чем же дело? – Он недоверчиво взглянул на адмирала. – Только вы можете помочь нам открыть истину. Необходимо досконально, до секунды изучить особенности проведения экспериментов. Вот вы, например, вам же облучение помогло. Вы ту же самую мощность на антенну подавали? – Да ту же, ту же, – Адмирал нахмурился. Он еще и еще раз перебирал в памяти прошлое, и вдруг дикая, невероятная мысль как факел вспыхнула в его мозгу. «Не может быть!» – подумал он, гоня ее от себя, но она возвращалась снова и снова. – Ну если только, – он замялся. – Так что? – Алик с удивлением продолжал осматривать таинственную установку. – А зачем вы ее в бронированную камеру засунули? – Чтобы изолировать внешние излучения, – вмешался полковник. – Да Бог с вами, такой конструкцией вы ничего не изолируете. Смотрите, у вас швы на заклепках, через эти щели такая мощность будет излучаться, это же элементарно! – Товарищ академик, – адмирал отвел Сергея Васильевича в сторону. – Неловко даже упоминать, но мне сейчас в голову пришла совершенно безумная мысль. – Так что же это? – испуганно переспросил директор. – Виите-ли, – адмирал вздохнул. – Все омоложенные на моей памяти перед сеансом облучения, как бы вам сказать, для храбрости принимали. Под мухой то есть под локатор шли. – Ну это вряд-ли, – Сергей Васильевич задумался. – Не вижу никаких причин. Ну конечно, в организме начинаются сложные биохимические процессы расщепления алкоголя... Но предположить что... Хотя, никакую гипотезу отметить нам сейчас нельзя, дело ответственное. В общем, экспертного заключения мы немедленно дать вам не можем. Необходимы тщательные исследования, экспертиза...

– Погодите-ка, – адмирал задумался. – Мне надо кое-что проверить... – он выбежал из камеры и ворвался в кабинет подчиненного ему полковника. – Андрей Владимирович! Срочно обзвоните выживших ветеранов КГБ и деликатно, не давая понять что и зачем, выясните, не выпивали ли они непосредственно перед сеансом. Держите все в глубочайшей тайне.

К вечеру все встало на свои места. Все без исключения выжившие ветераны крепко зашибали, в том числе и непосредственно перед поездкой на объект. Зато обоим погибшим чекистам пить было категорически запрещено из-за медицинских показаний.

Иван Степанович нахмурившись ходил по своему кабинету. – Неужели? – думал он, снова и снова перебирая факты. Но решительно ни к чему в объяснении адмирала Зеленкова придраться было нельзя. Ну да, и Генеральный... Во время того первого и успешного визита? Он еще необычно розовым был! – эта простая мысль окончательно доконала его, и генерал в отчаянии обхватил голову руками...

...

Заседание похоронной комиссии проходило в подавленной обстановке. Члены Политбюро сидели мрачные и испуганные. События последнего времени не вызывали у них решительно никаких положительных эмоций.

– Ну что же, товарищи, – выступающий был мрачен. – Нам сегодня предстоит решить вопрос о том, кто же из нас достоин занять место Генерального Секретаря.

В зале наступило тяжелое молчание. Сидевших в нем стариков охватил какой-то суеверный ужас. Умирать не хотелось никому.

– А может быть... – С места поднялся секретарь Политбюро по идеологическим вопросам. – Может быть нам пора уже уступить место Генерального секретаря кому-нибудь помоложе? У молодых, конечно, опыта недостаточно, наломают дров. Но мы поправим, если что. Так сказать в порядке эксперимента, посмотрим что получится. – Он злорадно усмехнулся. – Как говорится, марксизм не догма, а руководство к действию.

– Исключительно ценное и своевременное предложение! – почему-то захлебываясь от восторга поднялся с места плюгавенький старичок в черном костюме. – Пущай молодые на себе попробуют!

– А мы посмотрим. – загудело в зале. – А то они больно умные все! – А нет ли у нас достойной кандидатуры? – с надеждой спросил председательствующий. – А вот этот, приткий. – с омерзением произнес старичок в черном костюме. – Все воду мутит, со Ставрополя. – Правильно, правильно, туда его! – одобрительно раздалось с мест. – Старички оживились, чувствуя, что угроза на этот раз прошла стороной. – Ну что же, пригласите Михаила Сергеевича – на лице у председателя появилась страдальческая и одновременно торжествующая гримаса.

## **Глава 15. Разброд.**

С этими алкоголиками они совсем с ума посходили. Жизнь все хуже и хуже становится. Кролики из вивария исчезли совершенно, слухи ходят о том, что научные сотрудники их крадут и, извиняюсь, в пищу употребляют. Спасибо мамаше моей, что я кроликом не уродился, всему пределы есть, уважаемые товарищи. Если что, я живым не дамся, выцарапаю им глаза, подлещам.

Хозяин сник совсем, страдает. Правда, дама эта противная больше у нас в подвале не появляется. Зато сброду всякого хоть отбавляй.

Тьфу ты черт, неужели ради такой мерзости меня из дома забрали? Хотя, есть в этой истории и кое-что удивительное и приятное: мыши наконец появились! Я глазам своим не поверил. Сижу как-то ночью, вдруг шорох такой ласковый и пищание. И откуда она, родимая, взялась, тощая правда, но глазки ласковые и вся серенькая. Я ее даже ловить тогда не стал, только нежно накрыл сверху лапой и подержал немножко. Замерла она, усиками поводила, глазки закатила... Отпустил ее, а она прыть... И в щелку. Может интуиция у меня какая сработала, а может с нее род мышиный в Москве начался, но через несколько месяцев стало их видимо-невидимо. И что характерно, разжирели, морды наглые, самоуверенные.

Вот чего я не люблю, так это нахальства. Что Вы прикажете делать, когда такая раскормленная тварь нагло дефилирует мимо твоего носа, переваливаясь своими жирными боками, да еще пытается сгрызть лабораторное имущество... Ничего не поделаешь, наглецов и расхитителей надо учить... Так что в последнее время я за свое будущее успокоился. Имущество лабораторное в сохранности, я сыт, а мышиный приплод все возрастает и возрастает. Из-за перекрытий такой писк ночами слышится... Да и завхоз меня подкармливает, не забывает. Обаятельнейший мужик. Только поседел весь.

Словом, сдвинулось что-то. Возрождается природа, чувствую я оживление в воздухе. Или, может быть это просто весна? Никакая партия и правительство, коммунисты или даже демократы не в силах преодолеть это глобальное потепление. Тают сугробы, поют дикими, надрывными голосами птицы, а свет какой! Проблески солнечные играют на грязном подтаивающем снегу, пахнет прошлогодней травой, и молодые кошки, даже самые худые из них, кажутся особенно привлекательными...

– Алик, – завхоз был бледен. – Можно тебя на минутку... – Он что-то начал нервно шептать на ухо начальнику. – Саша! – Александр Константинович был возбужден! – Вызывайте милицию, быстрее! – Лицо его покраснело. – Что случилось? – Саша никогда не видел шефа в таком взвинченном состоянии. – Да что, что, у нас компьютеры украли. Новейшие, персональные, которые для обработки данных использовались. Вы представляете, еще вчера стояли на месте, а я с утра открыл лабораторию и их нет! – Да не может быть! – Саша от удивления потерял дар речи. Он вспомнил, что вчера вечером тайком ставил эксперименты, совершенно не связанные с проблемой алкоголизма. Они измеряли излучения мозга крысы. По черепу животного распространялась волна. Она зарождалась в одной точке, красное пятно разрасталось, потом медленно отрывалось от исходной точки и начинало плыть по полушарию, натываясь на препятствия и разрываясь на мелкие спиральные вихри, закручивающиеся вокруг очагов возбуждения, перепрыгивающие в соседнее полушарие, пока вся поверхность мозга не начинала напоминать цветомузыкальную установку, подмигивающую и мерцающую. По сведениям Саши, никто в мире еще такую удивительную картинку не наблюдал. Возбужденные, уходили они поздно вечером. В лаборатории остался только один Толик, сославшийся на необходимость срочно закончить свой опыт.

Милиционеры и следователи долго бродили по комнате, с опаской поглядывая на диковинные приборы. Следственная группа никаких улик не нашла и исчезла восвояси, оставив правда телефон следователя. Компьютеры пропали бесследно, а вместе с ними и результаты уникальных экспериментов.

– «Вечерку», «Вечерку»-то купили? – Танька вбежала в комнату возбужденная, покрасневшая. – Да какая «Вечерка»? – Алик с раздражением подписывал какие-то

бумажки. – А вы не слышали по телевизору, что-ли? – Таня удивленно посмотрела на Алика. – Сегодня «Вечерняя Москва» вышла заряженная экстрасенсом, от всех болезней помогает. Он весь тираж зарядил, такое творится, ни в одном киоске не достать! – Таня, вы вроде бы неглупая девушка, – Алик поморщился, а в такую чушь верите. Стыдно, ей богу. – Эх вы, а тетке моей знаете как вода заряженная помогла? Пять лет болью в коленке мучалась, спать не могла. А как Чумак воду зарядил, так все как рукой сняло, нет есть в этом что-то. – Я «Вечерку» выписываю, – устало сказал Саша. – Я тебе завтра принесу, лечись на здоровье. – Подозрения мучили его. Кроме Толика компьютеры украсть никто не мог. «Не может быть» – думал Саша, – «не мог он такого сделать». – Да чушь это! – Алик потер лоб пальцами. – А Кашпировского по телевизору видели? – Таня перешла на крик. – столькоим людям он помог! Вчера одну глухонемую вылечил, бабка двадцать лет не разговаривала! А как он опухоли рассасывает! – А вы, Таня, знаете, что у нас в дирекции специальные файлы на всяких таких чудесников заведены. В первый отдел сходите, у них там папки такие зеленые лежат. Под кодовыми названиями «Шизо», так там есть и «Шизо-1» и «Шизо-2» и сколько угодно. А Кашпировский ваш болван натуральный, Сергей Васильевич его для исследований пригласил, а тот отказался. Ему бы только газеты заряжать! – Да что вы мне про Институт ваш толкуете, – Таня обиделась. – Вы даже алкоголиков распознать и вылечить не можете, не то что боль в колене.

Телефон пронзительно зазвонил. – Алик, – слышался из трубки усталый голос директора. – Готовься, приказ пришел на хозрасчет переходить. С пациентов теперь за исследования будем деньги брать, и из них научным сотрудникам зарплату выплачивать...

\*

Молодой Генсек оказался изумительно здоров. До поры - до времени, коллективному руководству Политбюро удавалось удерживать не в меру прыткого коллегу от неразумных действий, но вскоре обстановка начала выходить из-под контроля и накаляться. История хранит тайну о том, кто, как, почему и когда принял отчаянное решение облучить новоиспеченного Генсека, но соответствующая рекомендация врачей в архивах имеется. Сеанс, однако, прошел неудачно. Всего через несколько минут после начала облучения руководитель партии почувствовал сильное жжение в области головы, решительно встал с кровати и приказал выпустить его из экранированной камеры. Проходя мимо зеркала, он увидел, что на лбу его светится огромное фиолетовое пятно, напоминающее кляксу. – Это еще что за безобразия, вы, понимаете, товарищи устроили! – возмутился он. – Вы, понимаете, облучать меня решили, ну я, понимаете, понимаю, розовый, заряженный, но пятна-то делать зачем!

От последующих сеансов облучения он решительно отказался. То-ли доложил кто-то ему, то-ли по собственной инициативе он действовал, возможно преследуя при этом и свои корыстные цели, но бетонированный подвал был преобразован в центр электронной разведки. Секретная установка была безжалостно разобрана на составные части и ночью, в обстановке глубокой тайны увезена в неизвестном направлении. Ведь кто его знает, а вдруг омоложение действительно имело место... Вскоре после ликвидации установки, быть может вследствие утечки информации из бывшего подземного центра, в России была объявлена безжалостная борьба с алкоголем. Пьяных отлавливали на улице, водку продавали по талонам и над выпившими гражданами, пойманными в вагонах метро или на улице устраивали показательные гражданские суды. Страшно сказать, хотя никто этого и не ожидал, но всенародная программа борьбы с употреблением горячительных напитков не обошла стороной и некоторых могущественных членов Политбюро, замеченных в злоупотреблении оными. В результате тайна взаимодействия алкоголя с мощным электромагнитным излучением так и осталась невыясненной, и ход истории был окончательно и бесповоротно определен.

Тем временем, уникальная баба из Ленинграда, двигавшая руками стаканы, померла во время одного из показательных сеансов, напрягшись сверх физиологических возможностей своего организма. Утерянный для науки феномен покоился вечным сном на одном из ленинградских кладбищ, и Алик, плюнув на все, поставил подпольный эксперимент. Он пригласил в лабораторию пожилого профессора, о котором в Москве ходила скандальная слава. По слухам, профессор обладал удивительными способностями и мог на расстоянии воздействовать на физические объекты. Профессор оказался пожилым и разумным человеком,

скептически отзывающимся о своих возможностях. Алик недоверчиво ухмылялся, но эксперимент поставил.

Усталый профессор был отведен в соседнюю комнату и там заперт. Объективы приборов и датчики были направлены на небольшой резиновый шарик, спокойно лежащий на письменном столе. Была дана команда для начала эксперимента, и неожиданно приборы зарегистрировали сильнейшее электрическое поле. Шарик дернулся и покатился по столу, упал на паркетный пол, подпрыгнул несколько раз и замер. – Бог ты мой, – Алик был потрясен. – Скорее всего, наводки... – но мысли его были прерваны грубым стуком в дверь. – Ну это, – за дверью появился бывший студент Толя. Он был оживлен. – Вы, Александр Константинович, извините, но освободите помещение. В комнату вошли плотные, высокие мужики бандитского вида с огромными картонными коробками в руках. – Куда класть-то, хозяин? – спросил один из них с особенно бандитской рожей. – А вот здесь в углу, – Толя указал на экранированную камеру, затянутую тонкой металлической сеткой. – Как вы смеете! – Алик потерял дар речи. – Не смейте! – Он попытался преградить путь рослым мужикам. – Не суйся, хуже будет! – уверенно сказал один из них и оттолкнул щупленького человечка углом огромной коробки. – В Исполкоме все заверено, – Толик достал из кармана отпечатанный на машинке листик, покрытый фиолетовыми печатями. – Лаборатория за ненадобностью отселается в Подмоскowie, а здесь будет расположен склад Советско-Американского торгового центра «Домовой». Извините, но попросу Вас освободить помещение. – Да что же вы делать собираетесь? – Алик не веря своим глазам крутил в руках бумажку. – Ну как, торговать, понятное дело. Давайте, давайте, загружайте, – Толя махнул рукой. – Компьютеры, нитки, селедка, программное обеспечение, спирт этиловый, пароходы списанные. – Это вы, – Алик задохнулся от негодования, – это Вы тогда компьютеры из лаборатории украли! – Не пойман, не вор. – Толик повернулся к профессору спиной, давая всем своим видом понять, что разговор окончен. – Начальный капитал, профессор, вещь необходимая. Не мне вас учить. Ну что же, теперь другие времена пошли. – Прости их Господи, ибо они не ведают, что творят, – неожиданно разразился библейской цитатой Алик. – А может быть, оно так и должно быть. Кто его знает...Тима, Тима. Пошли домой. ...

Саша, покачиваясь, стоял в пивной. Сигаретный дым густым облаком обволакивал посетителей. Судорожно бросив в автомат монеты, он наполнял пивом трехлитровую банку, желтоватое горлышко которой высывалось из засаленной авоськи. Дешевый портвейн, выпитый с утра, уже здорово ударил в голову. – Ну падла, обнаглел, смотри, он всю банку наполнить хочет. – Паря, отойди, имей совесть, дай кружку налить. – Сейчас, сейчас, – Саша бросил в прорезь автомата последнюю монету, пивной поток чихнул, выбросил клок желтоватой пены и иссяк. – Не обоссись, – зло сказал кто-то из очереди. Саша бочком вывалился из шумной пивной. Улица расплывалась перед его взором, обшарпанные подворотни вызывали смертельную тоску. После закрытия лаборатории и пропажи всех экспериментальных данных, ему уже ничего не хотелось. Друзья один за другим уезжали в Америку, Англию, Австралию... Все на «А» – неожиданно стукнуло его только что сделанное открытие. Как-бы отсортировать по алфавиту? Австралия, Америка, Амстердам, Англия, Антверпен, Аахен. Нет, Аахен идет вначале. Антилы? Нет, на Антилах вроде бы никто из наших не работает... Задумавшись над алфавитным порядком стран и народов, он не заметил, как начал переходить улицу на красный свет светофора... Раздался визг тормозов и страшный удар подбросил его в воздух.

Переворачиваясь, и еще не ощущая боли, он увидел, что банка с пивом лопнула, и жидкость вязкой темной лужей растекалась по асфальту, с журчанием огибая стеклянные осколки. «Эх ты, мать, сколько пива понапрасну пропало!» – с отчаянием подумал он, и наступила темнота...

## **Эпилог...**

Эх, зачем все это началось... Устал я. И возраст уже не тот. Нету былой силы в лапах, даже голуби за окном меня уже не радуют. И с чего они только такие жирные... Вот и вся история. Я иногда думаю, а если бы я не поленился тогда и этого таракана когтями поймал, что бы было? А с другой стороны, может быть все и к лучшему. А может быть и не в таракане дело, и не в экстрасенсах, а просто пробили часы истории. Ну что же, часы так часы. Зато лежу я теперь опять в своем кожаном кресле. А хозяин совсем сдвинулся, все на бумажках расчеты делает, какое поле куда распространяется и откуда. Дома жрать нечего, в магазине кусок колбасы больше чем его месячная зарплата стоит, а он все бумажки марает. Хуже экстрасенсов и секретарей ЦК, честное слово. Столько лет потеряно, стар я стал. И голодно опять, но ничего прожить пока можно. А никакие историки о настоящей истории так никогда и не узнают. Будут исписывать листочки своими домыслами.

А водки теперь стало видимо-невидимо. Да и мощных антенн хватает. В истории, как известно, все повторяется... Поживем-увидим.

А все-таки, если бы не таракан, по другому все бы повернулось... И ведь скажут, что все это чепуха и вымысел. Ну да это уже не наше дело, только бы хуже не было. И зачем все это началось? И что им не сиделось? Облетают жухлые осенние листья и кто еще знает, чем это все закончится, да и закончится ли...

.oOo.